

ФГБУ НМИЦ
ПСИХИАТРИИ
И НАРКОЛОГИИ
ИМ. В.П. СЕРБСКОГО

МИНИСТЕРСТВО
ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИИ

МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ФАКУЛЬТЕТ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

СБОРНИК ТЕЗИСОВ УЧАСТНИКОВ

СОЗДАЁМ ВМЕСТЕ ИСТОРИЮ,
РАЗВИВАЕМ НАУКУ,
ПРОДВИГАЕМ ПРАКТИКИ

ВСЕРОССИЙСКАЯ
ОНЛАЙН-КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

П **К** **О** **Ч** **Е** **Н** **О** **В** **С** **К** **И** **Е**
Ч **Т** **Е** **Н** **И** **Я**
О **Ч** **Е** **Н** **О** **В** **С** **К** **И** **Е**

**«КОЧЕНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ—2022.
ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»**

МОСКВА
2022 НОЯБРЬ 09-11

ББК 88.47

К75

Коченовские чтения «Психология и право в современной России». Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. М.: МГППУ, 2022. 270 с.

Редакторы:

А.А. Марголис, Н.В. Дворянчиков, Н.В.Богданович, В.В.Делибарт, М.Г. Дебольский, Е.Г. Дозорцева, Л.М.Карнозова, И.Н. Коноплева, И.Б.Путалова, Ф.С. Сафуанов, Р.В.Чиркина

Составитель:

О.Р.Бусарова

ISBN 978-5-94051-270-7

© МГППУ, 2022.

Уважаемые участники и гости конференции!

Мы рады приветствовать Вас на Всероссийской конференции «Коченовские чтения – 2022. Психология и право в современной России», организованной факультетом Юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета совместно с Национальным медицинским исследовательским центром психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского. Как и предыдущая конференция, нынешняя проходит полностью в онлайн режиме. Такой формат, как показал предыдущий опыт, открывает новые возможности для участия в мероприятии широкого круга учёных, как признанных специалистов в области юридической психологии, так и начинающих исследователей, а также практиков из разных регионов нашей страны.

Научное мероприятие посвящено памяти выдающегося ученого М.М. Коченова (1935 – 1999), внесшего большой вклад в становление российской юридической психологии. В продолжение развития его идей мы видим в качестве важнейших целей конференции объединение профессионалов из различных областей криминальной, судебной, пенитенциарной и правовой психологии, знакомство с современными научными трендами, обсуждение и обобщение опыта практических разработок как ведущих ученых и практиков из различных областей юридической психологии, так и будущих специалистов – студентов, магистрантов, аспирантов, а также определение перспектив развития этой отрасли психологической науки.

В данном сборнике представлены материалы конференции, охватывающие широкий спектр актуальных проблем юридической психологии. В целях обеспечения эффективной работы участников тезисы выступлений систематизированы в следующих разделах: Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза в уголовном и гражданском процессах; Юридическая психология детства; Пенитенциарная психология и практика исполнения уголовных наказаний; Психологическое обеспечение правоохранительной деятельности; Юридическая психология и риски цифрового общества; Практики профилактики социальных рисков детства: доказательный подход и оценка эффективности; Современные тенденции в подготовке специалистов по юридической психологии; Основные направления развития медиации в России.

Желаем Вам вдохновения, продуктивной и интересной работы на конференции!

Оргкомитет конференции

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРИВЕТСТВИЕ	
ОРГКОМИТЕТА	3
КОМПЛЕКСНАЯ СУДЕБНАЯ ПСИХОЛОГО-ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В УГОЛОВНОМ И ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССАХ.....	12
Бородина Л.Г. Психологические аспекты самодиагностики синдрома Аспергера у взрослых	12
Васкэ Е.В. Психолог в расследовании преступлений: возможности и ограничения, иллюзии и реальность	13
Воронова Ю.В. Психосемантика экстремизма	15
Галанина Н.А. Деструктивные организации и методы их воздействия	17
Гребень Н.Ф. Внутренний мир пациентов с психическими расстройствами, совершивших общественно опасные деяния	19
Гриненко У.Б. Психологические аспекты девиантного поведения пользователей в сети «Интернет» на примере скулшутинга.....	20
Денисов Е.В., Ноздрачев Д.И., Воронова Е.А. Патопсихологические факторы стабильности <i>modus operandi</i> у серийных насильственных преступников: роль психотравмы и патологического фантазирования.....	22
Донец М.Е., Зейгер М.В. Фактический характер и общественная опасность – две стороны одного явления или самостоятельные единицы экспертной оценки?	24
Донская А.П. Образ женщины в представлении у мужчин с аномальным сексуальным влечением в форме педофилии	25
Дягилев А.В. Кредитозависимость как форма девиантного поведения.....	27
Зейгер М.В. Неполная мера дееспособности: ограниченная или ограничение?	28
Злоказов К.В. Отношения молодежи с социальным окружением как маркер радикализации.....	30
Колодкина Д.А., Дворянчиков Н.В. Психологические аспекты виктимного поведения жертв обмана (телефонных) мошенников.....	31
Кроз М.В., Ратинова Н.А. Исследование личностных особенностей осужденных за совершение преступлений террористического характера	33
Кулаков С.С. Зависимость структуры семейного конфликта от индивидуально- психологических особенностей (личностных типов) родителей, участников споров о воспитании и месте жительства детей	35
Мешкова Н.В. К проблеме роли контекста в антисоциальной креативности.....	36
Нечаева А.Н. Особенности усвоения гендерной идентичности лицами, осужденными за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних	37
Нечесова С.В., Дворянчиков Н.В. Сексуальный садизм и расстройства личности у серийных сексуальных преступников (иерархический кластерный анализ).....	39

Переpravина Ю.О. Психологические механизмы нарушения саморегуляции при совершении сделки у лиц с психическими расстройствами в судебно-психологической ретроспективной оценке.....	41
Полкунова Е.В. Применение родительского сочинения в судебно-психологической экспертизе	42
Потапов А.М., Луковцева З.В. Нейропсихология произвольной саморегуляции: психолого-правовой аспект и перспективы исследований.....	44
Рябков А.М, Степанова Е.С. Связь криминальной «зараженности» и осмысленности жизни у подростков, совершивших уголовные преступления	45
Савина О.Ф., Морозова М.В. К проблеме уязвимости заключения эксперта-психолога в рамках КСППЭ в уголовном процессе.....	47
Сафуанов Ф.С. Тенденции развития судебных экспертиз с участием психолога в России.....	49
Свободный Ф.К., Свободный Б.Ф. Определение источника информированности испытуемого о преступлении в процессе исследования с использованием полиграфа.....	51
Семенова К.Г. Теоретико-методологический анализ ценностных ориентаций подростков с дезадаптивными формами поведения	52
Солдатов К.М. Правовые и судебно-психологические приоритеты при квалификации аффекта	54
Сургутский Е.Д., Вартанян Г.А. Феномен невменяемости как междисциплинарная проблема в науке и практике	55
Телешева К.Ю. Диагностика склонности к импульсивной агрессии.....	57
Труевцев Д.В., Сагалакова О.А., Жирнова О.В. Суицидальное поведение в контексте опыта психотических переживаний	58
Тухтаева Д.А. Психологические последствия сексуального насилия, пережитого в детском и подростково-юношеском возрастах	60
Ульянина О.А., Хайрова З.Р. Психологическая безопасность образовательной среды в современном мире	61
Шарафутдинова Н.В. Актуальные вопросы профилактики терроризма.....	64
Шаронина В.В. Мотивация к шоплифтингу в подростково-юношеском возрасте .	66
Шипицын Д.Ю. Эмоционально-смысловые характеристики лиц, системно употребляющих ПАВ, в методике «Цветовой тест отношений»	68
Шипшин С.С. Судебная психологическая экспертиза: немного об эволюции	69
Щеглова А.А., Дворянчиков Н.В. Психологические аспекты профилактики скулшутинга в образовательных организациях	71
ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА	74
Адмакина Т.А. Психогенное индуцирование, осуществляемое разведенным родителем, как форма эмоционального насилия	74

Альшанова Н.Н., Бельченко М.А., Рожков О.П., Пешкова Н.В. Порядок психологического обследования кандидатов в приемные родители в Московской области.....	75
Бодрова О.К. Связь стиля привязанности, родительского стресса и стилей воспитания у людей среднего возраста.....	77
Ганузин В.М. Постдидактическое стрессовое расстройство.....	78
Григорова З.Н., Шустрова М.В. Девиантная виктимность подростков, подвергшихся жестокому обращению в семье.....	80
Демина А.В. Специфические знания и навыки специалистов мобильной антикризисной бригады (на примере Воронежской области).....	82
Захарова И.В., Алексеева П.С. Психологические проблемы подростков, склонных к девиантному поведению.....	83
Зенина М.А. Региональная система консультативно-методического сопровождения социально-психологического тестирования как фактор успешности профилактики девиантного поведения обучающихся.....	86
Иванова Е.А. Психологические компоненты готовности к отказу от контакта с посторонними взрослыми у детей младшего школьного возраста.....	87
Карпова А.В., Михайлова Ю.А., Чижова Д.С. Психологический анализ причин ложных сообщений о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних.....	88
Кириленко Е.А. Специфика проявления самоповреждающего поведения у подростков-жертв буллинга.....	90
Кузьмина М.Д. Волонтерская помощь многодетным семьям как профилактика риска семейного неблагополучия в рамках работы социальноориентированной некоммерческой организации.....	91
Кулькова Ж.Г. Личностные особенности взрослых участников судебно-психологической экспертизы в семейных спорах.....	93
Мельцева А.О. Психологические аспекты формирования правосознания несовершеннолетних в контексте реализации программы «Юный следователь»	94
Насонова Д.В. Региональная модель межведомственного взаимодействия в случае совершения попыток суицида несовершеннолетними, законченного суицида, буллинга, агрессивного поведения несовершеннолетних и иных кризисных и чрезвычайных ситуаций, требующих сопровождения социально-психологической службы.....	96
Пешкова Н.В., Иванова Е.Н. Выявление конфликта лояльности привязанности к конфликтующим родителям (законным представителям) в ходе экспертизы.....	97
Пимонов В.А. Вопросы законодательной регламентации внутришкольного учета	99
Плахина А.А. Участие психолога в следственных действиях. Инициатива, пределы компетенции и ответственность.....	101
Пятакова А.С. Особенности привлечения девочек-подростков к секстингу в сети интернет.....	103

Романова Н.М. Субъективное восприятие подростками своей семьи и роли отца в ней.....	104
Терехина С.А., Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Федонкина А.А. Проблемы экспертной оценки уголовно-процессуальной дееспособности у несовершеннолетних обвиняемых	105
Токарева Г.М. Влияние развода родителей на формирование девиантного поведения подростков.....	107
ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ	109
Алигаева Н.Н. Современное положение пенитенциарной психологии за рубежом	109
Баламут А.Н. Изучение жизненного пути осужденных женщин с негативной установочной позицией к социуму	110
Бокова Н.В., Левин Л.М. Психологические особенности различных групп несовершеннолетних осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции	112
Ваганова Р.М., Мельникова Д.В. Особенности психологического состояния у осужденных мужского пола в зависимости от срока и вида наказания	114
Вартанян Г.А. Классификация несовершеннолетних, совершивших сексуализированные преступления: проблемы и перспективы в науке и практике.....	115
Власова Е.А., Ушков Ф.И. Особенности переживания чувства вины женщинами, осужденными за корыстные преступления	117
Гусева А.С. О психокоррекционной работе с осужденными за коррупционные преступления.....	118
Заргаров А.В. Основные подходы к исследованию личностной ответственности сотрудников УИС в рамках отечественной и зарубежной психологии.....	120
Ильиных Н.А. Теоретический анализ психологических особенностей личности тубинфицированных осужденных.....	122
Кадочникова И.В. Исследование рефлексии как структурного компонента служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, несущих службу с огнестрельным оружием.....	124
Кашкина И.Н. Основные направления сотрудничества психологической службы УФСИН России по городу Москве с институтами гражданского общества и благотворительными фондами	125
Поздняков В.М. О готовности к психологическому обеспечению деятельности службы пробации, создаваемой в России.....	127
Сазонова А.С. Актуальные вопросы и приоритетные направления деятельности психологов УИИ (на примере ОПО ФКУ УИИ УФСИН России по г. Москве)	129
Соколова Е.Р. Психологические состояния мужчин, осужденных за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности	131

Степанова Е.С., Распопин Е.В. Технология двусторонней оценки социально-психологической обстановки в исправительных учреждениях	132
Сучкова Е.Л. Особенности психологической подготовки к освобождению осужденных женщин, отбывших длительные сроки наказания	134
Тарасова В.А. Социально-психологическая адаптация осужденных при различном отношении к криминальной субкультуре и выборе способа совладающего поведения	136
Туманова Е.П. Программа психологической подготовки осужденных женщин, направленная на развитие детско-родительских отношений в условиях дома ребенка при исправительной колонии	137
Филимонова А.А., Ушков Ф.И. Психологические методы профилактики аддиктивного поведения у несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом	139
Чеботарев И.В. Выявление мотивов демонстративно-шантажных актов членовредительства, лиц, содержащихся в следственных изоляторах	141
Штефан Е.Ф. Рекомендации по коррекции ценностно-смысловой сферы личности осужденных, содержащихся в строгих условиях отбывания наказания	142
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	145
Антонова Э. А., Ефимкина Н.В. Психологические особенности установления контакта сотрудников полиции с представителями этнических общностей	145
Арефинкина Е.Г. Криминалистический профайлинг в юридической психологии	146
Борисова Д.П. Место коммуникативных навыков при вынужденном общении в деятельности сотрудников правоохранительных органов	148
Борисова С.Е. Субъективные факторы коррупционного поведения как элемент социальных представлений сотрудников госавтоинспекции	149
Бочкова М.Н. К проблеме связи антисоциальной креативности и эмоционального интеллекта у сотрудников органов внутренних дел	151
Вахнина В.В., Морщакина М.С. Психологическая готовность сотрудников отделов информации и общественных связей МВД России – составляющая защиты от негативного информационно-психологического воздействия	152
Григорьева М.А. Особенности профессиональной деятельности сотрудников транспортной полиции	154
Ильина В.А. К вопросу о системе психолого-правовых явлений	156
Ковальчишина Н.И., Рядинская Е.Н. Использование метафоры при консультировании сотрудников полиции, переживающих кризис	157
Костина Е.В. Совершенствование профессионального психологического отбора в образовательных организациях МВД России	159
Косыгина С.В. К вопросу адаптации курсантов в ВУЗе	161
Купцова Д.М. Точность скринингового теста на полиграфе в условиях имитации экономического правонарушения	162

Куценко Ю.В. О необходимости разработки психологической коррупционных правонарушений в процессе прохождении службы.....	164
Леви М.В. Новая методика оценки правосознания сотрудников правоохранительных органов	165
Ложкина Н.В. К вопросу о формировании «Я-образа» сотрудников госавтоинспекции	167
Михайлова С.Ю. Психологические особенности развития профессионального самосознания курсантов через процесс профессионализации	169
Михайлова С.Ю., Хомяков А.Е. Учет психологических защит в учебно-служебной деятельности курсантов в процессе их профессионализации	171
Нестерова Т.С. Психологические особенности восприятия агрессии в профессиональной деятельности следователя	172
Носс И.Н. Связь мыслительных способностей с эффективностью служебно-профессиональной деятельности сотрудников государственной службы	174
Проничева М.М., Булыгина В.Г. Психологические особенности сотрудников силовых структур, обеспечивающие эффективное осуществление профессиональной деятельности	176
Русецкая Д.В. Особенности формирования вопросов в разных ситуациях полиграфной проверки у сотрудников органов внутренних дел	177
Ручкина Ю.И., Косыгина С.В. Влияние интеллектуальной лабильности на межличностную аттракцию сотрудников ОВД.....	179
Свинина Е.С., Черемисова И.В. Развитие эмоционального интеллекта курсантов – будущих сотрудников УИС как психолого-педагогическая проблема	180
Сиворонова М.С. Интервизия как способ профилактики профессионального выгорания психологов органов внутренних дел.....	182
Федорова Е.М. Формирование эмоционального интеллекта при подготовке работников судебной системы.....	184
Хачатурян К.С., Коноплева И.Н. Особенности совладания с трудными жизненными ситуациями студентов и курсантов	185
Шидукова Э.А., Коноплева И.Н. Копинг-стратегии курсантов с разной самооценкой.....	187
ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И РИСКИ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА.....	189
Агафонов Л.Н. Связь индивидуально-психологических особенностей представителей администрации сообществ в социальных сетях и регламентации в них норм	189
Андрианов М.С. Активизация деятельности кибермошенников и актуализация проблемы информационной защиты граждан в условиях пандемии	190
Белодед Д.Р. Вопросы психологической безопасности в информационно-цифровом пространстве	192
Бойкина Е.Э. Но ведь уже было?!... Vague booking? ARGGGH!!!.....	193

Вахнина В.В., Васильева В.А. Негативное информационно-психологическое воздействие: особенности проявления и преодоления.....	195
Гурина О.Д. Киберагрессия в судебной экспертной практике	196
Дунькина К.Э., Шпагина Е.М. О мишенях и методах воздействия интернет-мошенников, использующих уязвимости человеческого фактора.....	198
Киселёв К.А. Социально-психологические особенности связи адаптивности и копинг-стратегий личности с интернет-зависимостью как формой девиантного поведения студентов	200
Лановая А.М., Фадеева Е.В. Анализ корреляционных связей между проблемным использованием социальных сетей и смысложизненными ориентациями подростков.....	201
Пономарева Е.С. Игровая деятельность в видеоиграх и агрессия.....	203
Попова И.С. Цифровой профайлинг в социальных сетях	204
Романова Н.М., Эшманова Э.Ф. Предикторы формирования роли защитника в структуре кибербуллинга.....	206
Туйчиева М.Д. Специфика предпочтений в жанрах кино, музыки и литературы у подростков и юношей с разными типами поведения	207
Черкащенко К.А., Бусарова О.Р. Связь проблемного использования Интернета и уровня интеллекта у одарённых подростков.....	209
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	211
Богданович Н.В., Делибалт В.В. К вопросу теоретической модели деятельности психологов.....	211
Дока Н.В. Развитие социальной зрелости курсантов как психолого-педагогическая проблема.....	213
Кузнецов М.И. Психолого – педагогические аспекты деятельности кураторов в образовательных организациях правоохранительных органов	214
Орлова Е.А., Гребенников Ю.Л. Социальная энтропия как фактор становления ценностно-смысловой сферы специалистов помогающих профессий в современном цифровом обществе	216
Семёнов В.Н. Проблемные аспекты подготовки экспертов-психологов в контексте коллизий внутренних нормативных правовых актов и процессуального законодательства.....	218
Чернушевич В.А. Инкультурация в традиционной игре как содержание подготовки специалистов	219
ПРАКТИКИ ПРОФИЛАКТИКИ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ ДЕТСТВА: ДОКАЗАТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ	222
Бобровникова А.С., Чиркина Р.В. Психолого-педагогическое обоснование программ коррекции и профилактики нарушений идентичности в подростково-юношеском возрасте.....	222

Бригадиренко Н.В. Эффективные инструменты управления переходом от позиции «школьник» к позиции «ученик» в начальной школе	223
Дыденкова Е.А. Результаты исследования потенциала традиционной игры для пробуждения сорадования.....	225
Кондаурова О.П., Хайдаров Р.К. Социально-психологические предикторы ролевого распределения в буллинг-структуре младших подростков.....	227
Куприянова Е.А. Диагностическая батарея для определения мишеней профилактического воздействия и оценки эффективности модели «Экосистема детства».....	229
Леви М.В. Возможности психометрической оценки риска совершения скулшутинга.....	231
Франтова Д.К. Дети и молодые взрослые с опытом сиротства как участники оценки программ сопровождения замещающих семей: ожидания от взаимодействия со специалистами.....	233
Фролова С.В. Особенности виктимного поведения младших школьников с СДВГ	234
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ МЕДИАЦИИ В РОССИИ	237
Белоногова Е.В. Территориальная служба примирения и алгоритмы комплексной восстановительной работы по сложным ситуациям несовершеннолетних	237
Вечерина О.П., Пугалова И.Б. Перспективы семейной медиации в России	238
Власов И.В. Особенности применения медиативного подхода при разрешении внутрисемейных конфликтов, связанных с зависимым поведением одного из членов семьи и созависимым поведением остальных.....	240
Жбанникова Е.А., Полякова А.В., Шиянкова Е.Г. Опыт работы независимой службы «Содействие» по преодолению конфликтов в школьной среде	241
Карнозова Л.М. Две медиации	243
Ковалева Ю.А. Восстановительная работа по ресоциализации женщин, освобождающихся из мест лишения свободы	244
Королева Ю.В. Развитие медиации в образовательных учреждениях.....	246
Макаров С.Ю. Понятие и особенности проведения медиатируемых переговоров	247
Пан Н.В. Медиативные технологии в работе с родителями обучающихся в школах и учреждениях СПО.....	249
Потемина М.А. К вопросу об информационной безопасности онлайн-медиации	250
Федотов Н.С. Возможности медиации при разрешении конфликтов в студенческой среде.....	252
Хованская Т.В. Особенности проведения программ примирения по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних против собственности.....	254
СПИСОК АВТОРОВ.....	256

КОМПЛЕКСНАЯ СУДЕБНАЯ ПСИХОЛОГО-ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В УГОЛОВНОМ И ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССАХ

Психологические аспекты самодиагностики синдрома Аспергера у взрослых

Бородина Л.Г.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В последние годы проблема расстройств аутистического спектра широко обсуждается не только в научных, но и в популярных источниках (M. Roy, et al, 2009). В интернете можно найти утверждения, что синдром Аспергера может быть просмотрен в детстве и выявлен только во взрослом возрасте.

За период 2021-2022 гг в ООО «Гранат МЦ» обратились 16 взрослых, 9 мужчин и 7 женщин, в возрасте от 19 до 38 лет, с запросом на диагностику у них синдрома Аспергера. Подавляющее большинство пациентов говорили о трудностях в общении, некоторые – о стремлении к порядку, «зависаниях» на определенных темах, потребности совершать лишние движения.

В результате клинической оценки (М.М. Иванова, Л.Г. Бородина, 2021) диагноз синдрома Аспергера (F 84.5) был подтвержден лишь у 5 человек (31,3%). Остальным пациентам были поставлены диагнозы: F 21. Шизотипическое расстройство (37,5%), F 60.1 Шизоидное личностное расстройство (18,8%), F 60.6 Тревожное (избегающее) личностное расстройство и F 60.8 Другое (нарциссическое) личностное расстройство – по 1 человеку.

В отличие от практики замалчивания психиатрического диагноза, распространенной несколько десятилетий назад, в настоящее время, в соответствии со статьей 22 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 N 323-ФЗ (2), каждый гражданин имеет право получить в доступной для него форме имеющуюся информацию о состоянии своего здоровья, в том числе об установленном диагнозе. Интересно отметить, что сообщения о диагнозах, не соответствовавших ожидаемому, вызывали более или менее выраженную негативную реакцию у пациентов, что позволяет говорить о позитивном смысле болезни у данных пациентов (А.Ш. Тхостов, 2002). Желание получить диагноз синдрома Аспергера диктовалось потребностью объяснить социальные трудности официально признанным расстройством и снять идеи самообвинения, осуществив тем самым определенную регрессию.

В анализе ответов на вопрос, чем диагноз аутизма кажется более привлекательным, чем другие, было выявлено следующие мотивы: 1) настроенность на подтверждение собственного мнения, а не на диагностику; 2) страх стигматизирующего корня «шизо» из-за формальной ассоциации с шизофренией; 3)

убежденность, что аутизм – это не психическое расстройство, а «другое» устройство психики.

Были выявлены защитные механизмы «идеализация-обесценивание», расщепление, проекция, отрицание и регрессия. Широко и с призывом к принятию освещенный СМИ диагноз аутизма идеализировался пациентами, другие диагнозы были менее знакомы и вызывали страх и отрицание. Механизм расщепления обеспечивал существование в сознании пациента «хорошего» и «плохих» диагнозов. Фигура врача легко обесценивалась и негативно окрашивалась спроецированной агрессией.

Пациенты, у которых диагноз синдрома Аспергера был подтвержден, реагировали внешне безразлично, иногда с оттенком удивления, что их ожидания оправдались.

Таким образом, проведенное исследование показало, что заинтересованность в определенном диагнозе, попадая на личностную почву, располагающую к преимущественному использованию примитивных психологических защит, рождает довольно ригидный поведенческий паттерн, трудно поддающийся коррекции. Было бы желательно, чтобы СМИ с тем же воодушевлением просвещали население и в плане других психических, в том числе личностных, расстройств.

Литература

1. Иванова М.М., Бородина Л.Г. Особенности мышления у взрослых с диагнозом расстройства аутистического спектра без умственной отсталости, поставленным в детстве // Аутизм и нарушения развития. 2021. Том 19. No 1. С. 34–43. doi: 10.17759/autdd.2021190104.
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [электронный ресурс]: Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ: последняя редакция // КонсультантПлюс: надежная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 07.10.2022).
3. Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002. 287 с.
4. Asperger's syndrome in adulthood / M. Roy [et al.] // Deutsches Ärzteblatt International. 2009. Vol. 106. No 5. P. 59–64. doi: 10.3238/arztebl.2009.0059

Психолог в расследовании преступлений: возможности и ограничения, иллюзии и реальность

Васкэ Е.В.

Российский Федеральный Центр Судебных экспертиз при Министерстве юстиции
России (г. Москва, Россия)

Совсем недавно мы сетовали на малую востребованность следственными органами профессиональных психологических знаний, используемых в процессе

раскрытия и расследования преступлений (Васкэ Е.В., Сафуанов Ф.С., 2013; Васкэ Е.В., Толстолицкий В.Ю., 2014). В настоящий период популяризация роли психолога (причем, нередко ведущей) в расследовании все набирает обороты, чему способствует создание в СМИ ореола «привлекательной таинственности», «романтической заманчивости» данного вида деятельности. Все это происходит на фоне безусловной значимости и необходимости развития психологического сопровождения расследования как профессиональной деятельности юридического психолога.

Проведенные нами исследования показали, что основные проблемы, связанные с невольным или умышленным введением следствия в заблуждение относительно возможностей и ограничений профессиональной деятельности психолога в уголовном процессе, касаются трех основных направлений деятельности: экспертной, консультативной и как участника следственных действий (допроса).

Относительно экспертной деятельности, актуальной остается проблема привлечения на договорной основе в качестве экспертов лиц, которые, создавая иллюзорные представления, убеждают следствие в возможности решения ими самых сложных вопросов через «психологизацию» имеющейся информации. Апеллируя к распоряжению Правительства РФ от 16.11.2021 № 3214-р «О перечне видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями», где обозначены однородные виды судебных экспертиз, они предлагают проведение комплексных с участием психолога, что некоторые следователи охотно принимают. В настоящее время в Судебные экспертные учреждения системы Минюста России продолжают поступать письма от следственных работников о возможностях проведения таких экспертиз с целью получить отказ от государственного СЭУ и поручить производство экспертизы частным экспертам (Секераж Т.Н., 2021). По-прежнему, одной из наиболее часто встречающихся ошибок следователей является постановка вопросов эксперту-психологу о достоверности (правдивости) показаний допрашиваемого лица, что относится исключительно к прерогативе судебно-следственных органов (Смирнова С.А., Макушкин Е.В. и др., 2016).

В контексте востребованности консультативной работы психолога в ходе расследования преступлений необходимо сказать о визуальной психодиагностике личности по внешним поведенческим признакам («профайлинг» или «неинструментальная детекция лжи»), популяризация которой в СМИ способствует формированию сугубо обывательских представлений об этой чрезвычайно сложной в своей неоднозначности деятельности, доступной исключительно профессионалу в области юридической психологии.

Относительно участия в следственных действиях (ст.191 УПК РФ): участились случаи, когда психологи принимают на себя ведущую роль в допросе несовершеннолетнего потерпевшего с молчаливого согласия или открытого предложения следователя делегировать свои полномочия. Никак иначе, чем подменой субъекта профессиональной деятельности, обозначить данный порочный процесс нельзя. В таких случаях психолог грубо нарушает и профессиональную этику, что

закономерно, крайне негативно сказывается на получении от несовершеннолетнего полных и развернутых показаний.

Таким образом, сверхсложная и чрезвычайно важная деятельность психологов, привлеченных следствием к психологическому сопровождению расследования в различных вариантах, требует серьезного осмысления и методической оснащенности, необходимой для правомерного и действенного использования психологических знаний в уголовном процессе, исходя из норм действующего законодательства, возможностей психолога как носителя этих знаний, ограниченных обоснованными запросами следствия, исходя из существующих реалий с исключением иллюзорных представлений и обывательской логики.

Литература

1. Васкэ Е.В., Сафуанов Ф.С. Психологическое сопровождение расследования серийных сексуальных преступлений // Юридическая психология. 2013. No 1. С. 4–7.
2. Васкэ Е.В., Толстолицкий В.Ю. Методологические основы комплексного корреляционно-смыслового подхода к составлению розыскного профиля неизвестного преступника / Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. No 4(26). С. 166–173.
3. Секераж Т.Н. Современные возможности судебной психологической и комплексной экспертизы при исследовании видеозаписей процессуальных и непроцессуальных действий // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Том 16. No 1. С. 100–113. doi: 10.30764/1819-2785-2021-1-100-113.
4. Смирнова С.А. и др. Информационное письмо «О неправомочности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. №3(43). С. 64–73. doi: 10.30764/64/1819-2785-2016-3-64-73.

Психосемантика экстремизма

Воронова Ю.В.

ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации»

(г. Санкт-Петербург, Россия)

В теории системы социальных наук оформились два основных подхода к пониманию экстремального – как события, выходящего за рамки нормального развития и как события, которое имеет решающее значение для дальнейшего развития общества как на уровне отдельного государства, так и на глобальном уровне мирового общества («генерирующее бифуркационный хаос»). В качестве таковых определяются криминальные события (в праве), войны и революции (в политологии).

Кроме социального контекста, детерминирующего поведение отдельно взятой личности, при интерпретации поведения необходимо учитывать ее глубинные подструктуры. Начало специальной военной операции 24 февраля 2022 г. мгновенно отозвалось в российском обществе интенсивными эмоциональными реакциями двух типов: внешней и внутренней агрессией (чувством вины).

Проявление эмоциональных откликов сопровождалось активными агрессивными высказываниями в отношении одной из сторон. В информационном поле экстремизм традиционно характеризуется через проявления радикализма или терроризма, направленных на разрушение определенными социальными группами существующего в обществе порядка и достижения собственных целей. В социальной психологии экстремизм рассматривается, в том числе, как защитная реакция в ответ на критическую ситуацию, возникшую в обществе (в основе которой страх и беспомощность).

Экстрим и экстремальность факторов имеют вес при способности их влиять на жизнедеятельность социума в целом и отдельной личности. Любое экстремальное событие провоцирует кризис личности или кризис общества, заключающийся в необходимости значительных изменений первого и/или второго в кратчайшие сроки. При этом развитие может пойти как по пути прогресса, так и по пути регресса (деструкции).

В работах И.Ю. Сундиева рассматриваются особенности воздействия экстремальных условий на разные типы личности. Пассионарная личность, наделенная высокой энергетикой, обладает устойчивой системой ценностей и смыслов, на которую опирается и которую жестко отстаивает при воздействии экстремальных событий. Экстремальное событие для нее – способ «закалить» свой характер. Для «человека толпы» переживание экстремальной ситуации может развиваться как по оптимистическому (формирование «новой личности»), так и по пессимистическому сценарию (при длительном/интенсивном воздействии – разрушение и деградация личности). В любом случае личность «человека толпы» вне зависимости от траектории развития событий всегда будет оставаться под чьим-то влиянием. Ориентированность на экстремальный образ жизни третьей группы обычно обусловлена индивидуально-психологическими особенностями потребностной сферы личности (включающей переживание опасности как жизненно-необходимую потребность), а также возрастными особенностями молодежи (для которой риск является одним из условий успешного развития). Наиболее стабилен в экстремальных условиях четвертый тип, имеющий устойчивые морально-нравственные ориентиры, хорошо адаптированный в социуме, состоявшийся в профессии, привязанный к обычным условиям семьей, домом и пр. благами.

Таким образом, увеличивающееся число агрессивных высказываний в связи с происходящим не является показателем роста экстремистских настроений в обществе, а скорее указывает на высокую степень критичности ситуации как таковой. Экстрим и экстремальность условий обусловлены степенью их отклонения от актуального

состояния социума, его культурной среды, что предопределяет их семантическую составляющую.

Литература

1. Сундиев И.Ю. Экстремизм в кризисной реальности // Межнациональное согласие – основа преодоления экстремизма и терроризма, утверждения правового государства: методологический, идеологический, концептуально-теоретический, правовой, аналитико-прогностический аспекты. Межведомственный научный сборник / Глав. ред. Комарова А.И. М.: Светлана Зенина, 2012. С. 355–363.

Деструктивные организации и методы их воздействия

Галанина Н.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

В настоящее время деятельность тоталитарных деструктивных организаций по-прежнему остаётся остро стоящей социальной проблемой. Согласно данным на 2022 год, на территории современной России действует до 500 деструктивных организаций, участниками которых являются не менее 800 тыс. человек.

Вовлечение в деструктивные организации имеет негативные социальные, экономические, психологические последствия не только для адепта, но также для членов его семьи. Изменение личности адепта и использование его в собственных целях организацией приводит также к ущербу для общества, теряющего полноценную рабочую силу. Воздействие на адептов осуществляется как непосредственно внутри организаций, так и при помощи сектантских материалов, таких, как листовки, брошюры, книги, газеты, журналы, выпускаемые сектой.

Маргарет Сингер предлагает использовать термин «культ, «культовая группа, обозначающий «... некую группу, которая формируется вокруг человека, претендующего на выполнение особой миссии или обладание специфическими знаниями, каковыми он поделится с теми, кто передаст большую часть принятия своих решений этому самозванному лидеру (Singer, M. T. & Lalich J., 1995)

При трансформации личности адепта в деструктивных организациях используются различные коммуникативные установки (Смирнова Н.С., Дворянчиков Н.В, 2015), которые также можно выявить при анализе текстов, обязательных к распространению и изучению в культовой среде.

Целью исследования являлось установить взаимосвязь между применением критериев, направленных на формирование установки к усвоению доктрины организации и самоизменению как единственному пути к обретению позитивной личностной перспективы (ФП-1) и на формирование установки к пребыванию в

организации (МП-3), а также на формирование сверхценного отношения к доктрине организации (СО-4) и установки к самоизменению (СА-2).

Выборку составил 41 текст, распространяемый в пределах культовых организаций. В процессе исследования применялись следующие методы: контент-анализ, критерии корреляции Спирмена и Кендалла-Тау.

При использовании коэффициента корреляции Спирмена было выявлено наличие статистически значимой связи между критериями воздействия МП-3 и ФП-1 (0.705, $p < 0.001$). При использовании критерия Кендалла-Тау также было выявлено наличие статистически прямой связи между указанными критериями (0.548, $p < 0.001$).

При использовании коэффициента корреляции Спирмена и критерия Кендалла-Тау не было выявлено статистически значимой связи между критериями воздействия СО-4 и СА-2 (Спирмен: 0.007, $p = 0.966 > 0.05$, Кендалл-Тау = -0.004, $p = 0.972 > 0.05$). Следовательно, между критериями воздействия, формирующими сверхценное отношение к доктрине организации и установку на самоизменения, отсутствует значимая связь. Данные критерии применяются независимо друг от друга.

Таким образом, можно судить о взаимосвязи критериев воздействия, направленных на формирование установки к усвоению доктрины организации и самоизменению как единственному пути к обретению позитивной личностной перспективы и на формирование установки к пребыванию в организации. Следовательно, можно сделать вывод, что субъективное восприятие культа адептом деструктивной организации как единственного места, гарантирующего позитивную жизненную перспективу, является одним из условий для формирования установки к дальнейшему пребыванию в такой организации, что и обуславливает совместное применение данных критериев. Активное кластерное использование критериев МП-3 и ФП-1, осуществляемое в деструктивных организациях, приводит к формированию у адепта устойчивой мотивации к дальнейшему пребыванию в данной деструктивной организации.

Со стороны адепта субъективно нахождение в данной деструктивной организации воспринимается как единственный возможный путь к обретению позитивной личностной перспективы при условии тщательного следования всем культовым практикам. Таким образом, возникает риск усиления психологической зависимости от деструктивной организации и снижения уровня инициативности и социальной активности.

Литература

1. Смирнова Н.С., Дворянчиков Н.В. Исследование манипулятивных стратегий воздействия, реализуемых тоталитарными сектами посредством сети Интернет [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. Том 5. No 2. С. 16–40. URL: https://psyjournals.ru/files/77051/psyandlaw_2015_2_Smirova_Dvoryanchikov.pdf (дата обращения: 31.08.2022). doi: 10.17759/psylaw.2015100202.
2. Singer M.T., Lalich J. Cults in our midst: the hidden menace in our everyday lives. 1st edition. San Francisco: Jossey-Bass, 1995. 408 p.

Внутренний мир пациентов с психическими расстройствами, совершивших общественно опасные деяния

Гребень Н.Ф.

ГУ «Республиканский научно-практический центр психического здоровья» (г. Минск, Республика Беларусь)

Попытка «заглянуть» во внутренний мир человека с психическим расстройством и противоправным поведением представляет собой не только познание нового объекта, но и практический интерес.

В.А. Мазилев вслед за В.Д. Шадриковым предлагает рассматривать внутренний мир человека как предмет научной психологии. При этом внутренний мир человека представляет собой совокупный предмет (психе как целое), который в процессе рассмотрения подвергается анализу. Внутренний мир возникает через восприятие субъектом его собственных потребностей и переживаний, отражает его субъективную реальность, имеет свою внутреннюю архитектуру (Мазилев В.А., 2017). Внутренний мир содержит в себе всё многообразие чувств, ощущений, образов, смыслов психической сферы человека, которые способны направлять человеческую жизнь и влиять на мир внешний (Катунин А.В., 2015).

Целью данного исследования было изучение особенностей и актуального содержания внутреннего мира пациентов с психическими расстройствами, совершивших общественно опасные деяния, посредством рисуночной деятельности.

Материал и методы исследования. Исследование проводилось на базе ГУ «Республиканский научно-практический центр психического здоровья». В исследовании приняли участие 70 человек (14 женщин и 56 мужчин), совершивших общественно опасные деяния и находившихся на принудительном лечении в психиатрическом стационаре. Возраст респондентов – от 19 до 68 лет, средний возраст – $37,3 \pm 11,4$. Большинство пациентов имели расстройства шизофренического спектра (92,9 %), у оставшихся – умственная отсталость легкой степени (7,1 %).

Пациентам давалась следующая инструкция: «Нарисуйте свой внутренний мир, отобразите на бумаге то, что вас наполняет». При возникновении трудностей давались пояснения: «Это могут быть ваши переживания, чувства, мысли, образы». Для реализации поставленной задачи использовался материал: лист бумаги, простой карандаш, набор цветных карандашей (12 шт.) и ластик. При обработке и интерпретации полученных данных использовался подход Г. Рида (Романова Е.С., 2011), который выделил 8 основных типов свободного рисунка.

Результаты исследования. Было получено следующее распределение рисунков по типам. Наиболее часто в выборке встречается перечисляющий тип рисунка (32,8 %), раскрывающий внутренний мир человека через разные предметы, не связанные между собой. Вторым по частоте встречаемости оказался органический тип рисунка (25,7 %), на котором изображены растения, животные, человек. Третья позиция за структурным рисунком (15,7 %), отображающим предметы или фигуры в

статической форме. Далее следуют эмфатический тип рисунка (14,4 %), с изображением мира природы; гаптический (8,6 %), где зафиксирован человек в состоянии болезни, неприятных ощущений или переживаний; и ритмический рисунок (2,8 %), для которого характерно наличие движения объектов. Декоративный и имагинарный (изображение сюжета или персонажа из художественных произведений или из области фантазии) типы рисунков в исследуемой выборке зафиксированы не были.

Можно заключить, что среди пациентов принудительного лечения преобладают лица экстравертированного мыслительного типа, затем интровертированного мыслительного, интровертированного интуитивного, экстравертированного ощущающего типов.

Персональный анализ содержания рисунков позволяет раскрыть актуальное наполнение психики и текущие переживания, что имеет важное значение для осуществления психокоррекционных и профилактических вмешательств.

Таким образом, использование рисуночной деятельности можно рассматривать как один из методологических подходов к изучению внутреннего мира человека. Для пациентов принудительного лечения наиболее характерно раскрытие внутреннего мира через значимые предметы или органическое сосуществование в мире природы.

Литература

1. Катунин А.В. Наблюдаемое и ненаблюдаемое во внутреннем мире человека, ненаблюдаемость Я // Психология и психотехника. 2012. № 3(42). С. 12–25.
2. Мазилев В.А. Внутренний мир человека как предмет психологической науки // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 4. С. 177–185.
3. Романова Е.С. Графические методы в практической психологии: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2011. 400 с.

Психологические аспекты девиантного поведения пользователей в сети «Интернет» на примере скулшутинга

Гриненко У.Б.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Активное включение детей, подростков и молодежи в цифровой мир сопряжено с различными видами рисков, связанных с девиантным поведением в этом пространстве, где происходит активное генерирование и распространение деструктивного сетевого контента. К подобному контенту относится информация, оправдывающая, описывающая противоправное поведение; допускающая и изображающая различные виды насилия в отношении детей, подростков, молодежи, а также животных.

Солдатова Г.В. условно разделяет деструктивный сетевой контент на незаконный и неэтичный (Солдатова Г.В., 2019). Генерирование и распространение незаконного контента на территории Российской Федерации регулируется КоАП РФ и УК РФ и включает в себя: разжигание ненависти, порнографический контент, склонение к суициду, призывы к терроризму и пр. Неэтичный контент противоречит социальным и этическим нормам, признанным в обществе, однако не регулируется нормативно-правовыми актами (оскорбления, оправдание скулшутинга и пр.). Высокий потенциал распространения деструктивного контента в цифровой среде с применением анонимизации наделяет сетевые ресурсы неограниченной свободой действий. Современный уровень цифровизации, безграничные возможности цифрового пространства, низкая степень цифровой компетентности пользователей, индивидуально-психологические особенности детей, подростков и молодежи повышают их уязвимость к опасностям и угрозам девиантного поведения в цифровом мире. Степень причинения вреда жизни, здоровью и развитию личности пользователей Интернета весьма сложно оценить. Поэтому последствия воздействия деструктивного сетевого контента могут обнаружиться не сразу.

Для подростков и молодёжи Интернет и социальные сети выступают важным источником информации, в том числе о вооруженных нападениях на образовательные организации (скулшутинг). Форма выражения девиантного поведения в виде создания и распространения деструктивного контента на тему массового убийства в образовательной организации может вызывать отклик у пользователей на трех уровнях:

- 1) аффективном – положительное и поощряющее отношение к скулшутингу, оправдание личностей, ранее совершивших нападения;
- 2) когнитивном – осведомлённость в теме скулшутинга;
- 3) поведенческом – выражение потенциальной готовности совершить скулшутинг.

Информационно-психологическое воздействие контента может побуждать пользователей к определенным типам поведения за счет изменения эмоционального состояния, идеологических и психологических структур их сознания и подсознания (Branitskiy A., 2019). Недостаточно сформированная у пользователей система ценностных ориентаций, самосознания и идентичности вызывает сложности при дифференциации поступающего контента в сети «Интернет». Актуальным выступает создание современных подходов психологической профилактики девиантного поведения в цифровой среде и различных негативных онлайн феноменов.

В настоящее время успешно разрабатываются онлайн-платформы психологического просвещения и оказания дистанционной помощи пользователям. Все чаще наблюдается повышение толерантности к культуре обращения как за традиционной психологической помощью, так и онлайн-поддержкой. Подобная трансформация психопрофилактической работы может оказать позитивное влияние на пользователей Интернета.

Литература

1. Мы в ответе за цифровой мир: профилактика деструктивного поведения подростков и молодежи в Интернете: учебно-методическое пособие / Солдатова Г.У. [и др.]. М.: Когито-Центр, 2019. – 176 с.
2. Determination of Young Generation's Sensitivity to the Destructive Stimuli based on the Information in Social Networks / A. Branitskiy [et al.] // Journal of Internet Services and Information Security (JISIS). 2019. Vol. 9. No 3. P. 1–20. doi: 10.22667/JISIS.2019.08.31.001.

Патопсихологические факторы стабильности *modus operandi* у серийных насильственных преступников: роль психотравмы и патологического фантазирования

Денисов Е.В.

Адвокатский кабинет Александры Кузнецовой (г. Санкт-Петербург, Россия)

Ноздрачев Д.И.

НМИЦ ПН им. В.П. Сербского (г. Москва, Россия)

Воронова Е.А.

ФГАОУ ВО "Российский университет дружбы народов"(г. Москва, Россия)

В современной криминологической литературе достаточно подробно описываются вопросы стабильности *modus operandi* (МО), однако основной акцент данных исследований делается на виктимологические, нежели криминологические и криминалистические аспекты этого феномена. Так, недостаточно освещены вопросы, связанные с особенностями этиопатогенеза стабильности МО при совершении преступления. Между тем, понимание сущности рассматриваемого явления весьма важно при анализе данных о преступлениях в целях выявления признаков серийности, принятия процессуального решения о соединении дел etc.

Большинство серийных насильственных преступников имеют индивидуальный МО и почерк. При этом если МО зачастую совершенствуется по мере накопления субъектом криминального опыта, то почерк консервативен и связан с чертами его личности, выражением фантазий.

В свою очередь, патологические фантазии имеют свойство нарастать по частоте и интенсивности, что приводит к их реализации, то есть совершению насильственных, в т.ч. сексуальных, преступлений. За счёт фантазийного элемента действия серийных преступников носят отчасти символический, ритуальный смысл. При этом ритуал может развиваться при сохранении основной «темы», нося при этом персонализированный характер (Schlesinger L., 2014). Их содержание может основываться на актуализации переживаний, полученных из внешних раздражителей, либо в соответствии с архетипами Юнга (Антонян Ю.М., 2009). Фиксация фантазий и поведенческих паттернов также опосредуется явлением импринтинга (Дерягин Г.Б., 2010).

Склонность к серийным насильственным преступлениям носит отчасти компульсивный характер (Lankford A., 2022). В совокупности это обусловлено нейробиологическим механизмом развития компульсивных аддикций через патологическую работу системы вознаграждения, что аналогично наркомании (Стал С.М., 2022). Компульсивные фантазии патогенетически тесно связаны с диссоциативными состояниями сознания (Dorahy M.J., 2022). Одновременно, дезинтеграция сознания при диссоциации обусловлена подавлением функции таламуса при стрессе за счёт выброса эндогенных опиоидов, что приводит к корковой деафферентации и дезингибированию низших поведенческих центров.

Диссоциативное реагирование развивается также при тяжёлой травматизации, особенно в детском возрасте; фабула психотравмы запечатлевается через импринтинг и актуализируется при репереживаниях; а растормаживание лимбической системы и подавление коры усиливает и агрессивные, и компульсивные аспекты поведения, закрепляя паттерн насильственного поведения. Интенсивность и глубина фантазий зависит от глубины диссоциации. Фантазии играют существенную роль в поддержании структурной диссоциации сознания, замыкая порочный круг диссоциативного типа реагирования (Dorahy M.J., 2022).

Таким образом, изучение механизмов патогенеза диссоциации и компульсивного насильственного поведения позволит более точно осуществлять профилирование преступников, особенно с применением техник поведенческого анализа.

Литература

1. Антонян Ю.М. Архетип и преступность: монография. М.: Вече, 2009. 446 с.
2. Дерягин Г.Б. Судебная психиатрия: курс лекций. М.: Щит-М, 2010. 295 с.
3. Стал С.М. Основы психофармакологии: теория и практика / Под ред. Д. Криницкого; Пер. с англ. Н. Войновой [и др.]. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2022. 656 с.
4. Dorahy M.J., Gold S.N., O'Neil J.A. Dissociation and dissociative disorders: past, present, future. 2nd edition. New York: Routledge, 2022. 850 p.
5. Gilbert F., Daffern M. Aggressive scripts, violent fantasy and violent behavior: A conceptual clarification and review // *Aggression and violent behavior*. 2017. Vol. 36. 98–107. doi: 10.1016/j.avb.2017.05.001.
6. Lankford A., Hayes J.K. Could Serial Killing Actually Be Addictive? A Close Examination of Compulsion and Escalation in the Jeffrey Dahmer Case // *Sexual Health & Compulsivity*. 2022. Vol. 29. No 3-4. P. 198–224. doi: 10.1080/26929953.2022.2126416.
7. Schlesinger L.B. Serial offenders: current thought, recent findings. Boca Raton: CRC Press, 2000. 349 p.

Фактический характер и общественная опасность – две стороны одного явления или самостоятельные единицы экспертной оценки?

Донец М.Е.

ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский университет»

Минздрава России

(г. Самара, Россия)

Зейгер М.В.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии

и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России

(г. Москва, Россия)

Способность субъекта осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий при совершении противоправного деяния составляет интеллектуальный критерий вменяемости. Преступление, как и любое поведение человека, выражается в двух аспектах: внутреннем и внешнем. Преступным может быть признано только такое поведение, которое включает в себя его внутренний аспект: сознание и волю. Ч.1 ст.21 УК РФ гласит: «Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния ... не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими...». Согласно ч.1 ст.22 УК РФ, «Вменяемое лицо, которое во время совершения преступления ... не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, подлежит уголовной ответственности». Если с пониманием фактической стороны своих действий редко возникают проблемы интерпретации, то понимание значения, в данном случае — «общественной опасности» противоправных действий - более сложное понятие, предполагающее экспертную оценку сохранности у субъекта когнитивных, эмоционально-волевых структур, иерархии личностных ценностей и морально-этических убеждений, индивидуально-психологических особенностей.

Понимание субъектом значения своих действий подразумевает способность улавливать внутреннее содержание ситуации, соотносить ее параметры со своими намерениями и, что представляется наиболее важным, способность оценить развитие ситуации в перспективе и ее возможные последствия для себя и окружающих с точки зрения морально-нравственных и правовых норм (Васильев В.Л., 2009).

За формирование указанной способности отвечает моральное сознание индивида, которое определяется, кроме формальных знаний, через этические нормы, принципы, идеалы, понятия добра и зла, совести и чести, справедливости, то есть через систему осознанных общих смысловых образований личности и рассматривается как основа морально-нравственной регуляции (Антилогова Л.Н., 2002).

Когнитивно-оценочные механизмы морального сознания (моральная сознательность) имеют определенные закономерности своего развития. Анализ исследований по данной теме показывает, что рост уровня развития моральных

суждений личности особенно интенсивно происходит в период с 13 до 35 лет, а после 35 лет моральные суждения имеют тенденцию к стабилизации и слабому снижению (после 56 лет), однако в целом остаются довольно высокими, не опускаясь ниже уровня, характерного для возраста 20-23 лет (Чикалов Н.А., 2002).

В экспертной практике по уголовным делам чёткое разделение понимания характера и значения совершаемых в отношении них действий принято только в отношении потерпевших по сексуальным правонарушениям. Вопрос о способности понимать общественную опасность как «значение» своих действий, на наш взгляд, правомерен и в отношении обвиняемых, поскольку его решение позволяет производить более дифференцированную экспертную оценку осознанности и произвольности преступного поведения индивида.

Литература

1. Антилогова Л.Н. Нравственное сознание личности и его структура // Сибирская психология сегодня: сборник научных трудов / Отв. ред. М.С. Яницкий; ред. М.М. Горбатова, А.В. Серый. Кемерово: Авторское издательство Кузбассвузиздат, 2002. С. 72–89.
2. Васильев В.Л. Юридическая психология: учебник. СПб.: Питер, 2009. 608 с.
3. Чикалов Н.А. Развитие когнитивно-оценочных механизмов морального сознания личности: автореферат дис. ... канд. психол. наук. Калуга, 2002. 23 с.

Образ женщины в представлении у мужчин с аномальным сексуальным влечением в форме педофилии

Донская А.П.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Нарушения в становлении контактов с людьми, формировании отношения к собственному влечению и к объекту влечения (противоположному полу), а также осознание данной потребности влияет на развитие аномального сексуального влечения в форме педофилии у мужчин. Для лиц с педофилией характерны выраженная фемининность, нарушение в половозрастном самосознании и фазности полоролевого развития, склонность к идентификации с сексуальным объектом (Языков С.А., 2011).

Целью нашего исследования было описать образ женщины в представлении у мужчин с аномальным сексуальным влечением в отношении несовершеннолетних.

Выборку составили 35 респондентов мужского пола в возрасте от 20 до 63 лет (средний возраст по выборке – 38,3). Все испытуемые являются обвиняемыми в действиях противоправного сексуального характера в отношении несовершеннолетних.

Нами были использованы следующие методики: Методика МиФ (Маскулинность и фемининность) (Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В., 2001) – модификация методики базируется на перечне маскулинных и фемининных качеств, предложенных Т. Л. Бессоновой (1994), которая основывалась на концепции андрогинии S. Bem (1974); Методика ЦТО (Цветовой тест отношений) (А. М. Эткинд, В. В. Столин).

Полученные результаты показали, что в выборке преобладает фемининный тип полоролевой идентичности, однако образ мужчины характеризуется преобладанием маскулинных черт над фемининными и соответствует полоролевым предпочтениям, образ женщины характеризуется выраженными фемининными чертами и согласуется с сексуальными предпочтениями.

Используя коэффициент корреляции Спирмена, мы выявили у мужчин, имеющих аномальное сексуальное расстройство в форме педофилии, отсутствие статистически значимой связи между показателем маскулинности в образе женщины и реальным сексуальным партнером ($p \geq 0,05$).

Корреляционный анализ показал среднюю прямую связь ($p \leq 0,01$), образа женщины, который обладает выраженными маскулинными чертами, с образом идеального сексуального партнера.

Кроме этого, анализ показал, что отсутствует статистически значимая связь между показателем фемининности в образе женщины и в представлении об идеальном сексуальном партнере ($p \geq 0,05$).

Также статистически значимая связь не обнаружена между показателем фемининности образа женщины и показателем фемининности в представлении реального сексуального партнера ($p \geq 0,05$).

Основываясь на выявленных результатах, можно сказать, что показатель фемининности в представлении образа женщины у лиц с аномальным сексуальным влечением в форме педофилии не соответствует образу реального сексуального партнера.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно утверждать, что для лиц с расстройством аномального сексуального влечения в форме педофилии образ женщины характеризуется выраженными маскулинными чертами, соответствует образу идеального сексуального партнера. Показатель маскулинности в представлении образа женщины у педофилов может отражать «внутренние барьеры», показывающие сниженный потенциал образа как сексуально привлекательного, а также то, что такой образ женщины может быть потенциально фрустрирующим и отражать дефекты сексуальной социализации в онтогенезе.

Наличие связи по маскулинным чертам между образами дает нам возможность более детально изучить особенности полоролевой идентичности, рассмотреть нарушения на этапах психосексуального развития, а также гендерной социализации.

Литература

1. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология. М.: Медицина, 2001. 557 с.
2. Языков С.А. Психологические факторы развития педофилии [Электронный ресурс] // Сборник тезисов участников межвузовской научно-практической интернет-конференции по юридической психологии. М.: МГППУ, 2011. С. 131–135. URL: https://psyjournals.ru/icjp_2011/issue/41819_full.shtml (дата обращения: 29.09.2022).

Кредитозависимость как форма девиантного поведения

Дягилев А.В.

ФГБОУ «Московский государственный психолого-педагогический университет»

(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Сафуанов Ф.С.

В истории Российской Федерации потребительский кредит (ФЗ-353 «О потребительском кредите») как массовый финансовый инструмент появился относительно недавно. Кредитные инструменты существовали и раньше, но обыденным явлением потребительский кредит, микрозаймы (ФЗ-151 о микрофинансовой деятельности) стали только в современной России в 2002 – 2003 годах. Граждане поначалу не понимали механизм заимствования денежных средств у различных финансовых организаций. Сегодня с этим дела обстоят лучше и многие исправно пользуются кредитными займами для реализации своих желаний и целей. По данным ЦБ РФ на 1 апреля 2020 года, 42 млн россиян имели хоть один действующий кредит или заем в микрофинансовой организации. Однако около трети должников (30,4%) можно считать достаточно закредитованными: они имеют не один, а несколько кредитов или займов. На 1 июля 2021 года уровень долговой нагрузки россиян по всем видам кредитов и займов достиг нового рекорда за все время наблюдений ЦБ РФ — 10,24% от всех располагаемых доходов россиян. Подобные цифры свидетельствуют о нарастающей финансовой нагрузке на граждан, которая влияет не только на их финансовое благополучие, но и на психическое состояние.

Во время процесса взятия потребительского кредита в банке клиент проходит скоринг-оценку, где компьютерный алгоритм выносит конечный вердикт о выдаче займа. Однако по каким именно показателям происходит оценка неизвестно: критерии оценивания финансовые организации держат в тайне из соображений безопасности. Тем не менее, можно с уверенностью сказать, что система не может оценить индивидуальные психологические характеристики потенциального заемщика, так как никаких подобных сведений клиент не предоставляет, то есть при выдаче кредита нельзя узнать о возможных финансовых аддикциях заемщика, о его склонности к риску, о способности принимать рациональные решения

(бдительность). От этих личностных качеств напрямую зависит способность осознавать целесообразность и рациональность взятия кредитного займа.

При изучении влияния такого феномена как долг на психическое состояние дебитора и влияния индивидуально-психологических особенностей заемщика на его представления о долгах и кредитах было выяснено, что понятие «долг» ассоциируется с тревожностью, стрессом, субдепрессивными и депрессивными состояниями личности, аддиктивным поведением, суицидальными мыслями, а также социальными последствиями. Долг может самостоятельно влиять на отношения людей социальной изоляцией или исключением (Ю. Е. Мужичкова, 2015; Fitch C., 2007).

Таким образом, появляется необходимость анализа кредитно-долгового поведения заемщика, где важно учитывать множество факторов: готовность и желание заемщика выполнить свои долговые обязательства, социально-психологические характеристики индивида, такие как сознательность, добросовестность, ответственность, импульсивность, склонность к риску и бдительность (М. А. Гагарина, 2018; М. А. Гагарина, 2016; Ю. Е. Мужичкова, 2015).

Литература

1. Гагарина М.А., Сулейманова С.С. Социально-психологические особенности и уровень финансовой грамотности должников // Мир науки. 2016. Том 4. No 4. 18 с.
2. Гагарина. М.А. Чувство долга и долговое поведение россиян с различным уровнем финансовой грамотности // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Том 3. No 3(11). С. 179–198.
3. Мужичкова Ю.Е. Психология обыденных представлений о долгах и кредитах // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2015. No 4(20). С. 37–44. doi: 10.12737/17057.
4. Debt and mental health: the role of psychiatrists / C. Fitch [et al.] // Advances in Psychiatric Treatment. 2007. Vol. 13. P. 194–202. doi: 10.1192/apt.bp.106.002527.

Неполная мера дееспособности: ограниченная или ограничение?

Зейгер М.В.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России
(г. Москва, Россия)

Несмотря на то, что в научной литературе часто употребляется термин «ограниченная дееспособность», в ГК РФ до настоящего времени такого понятия не содержится, на сегодняшний день ограничение дееспособности лиц с психическими расстройствами касается только имущественного права и не рассматривается как промежуточный вариант способности понимать значение своих действий или

руководить ими в континууме «дееспособность-недееспособность» (Сафуанов Ф.С. и соавт., 2016).

Из выделяемых в рекомендациях Национальной консультативной комиссии по биоэтике (США) типов нарушенной способности принимать решения юридический критерий п.2 ст.30 ГК РФ применим только к одному «флуктуирующему» типу, другие формы нарушений данной способности («перспективная», «ограниченная») фактически не рассматриваются и не учитываются правоприменителем при рассмотрении вопроса дееспособности субъекта с психическим расстройством, однако эти формы определяют юридически значимые поступки лиц с психическими расстройствами и напрямую связаны с качественными характеристиками мотивационной сферы, состоянием критичности и прогностических функций (Зейгер М.В., Сафуанов Ф.С., 2014).

С семантической точки зрения наиболее близким понятию «неполной меры дееспособности» является категория «ограниченная дееспособность» как динамическое и длящееся во времени состояние когнитивных, эмоционально-волевых и мотивационных параметров поведения субъекта в отличие от дискретного, привязанного к конкретным ситуациям совершения имущественных сделок, используемого в настоящее время гражданским законодательством понятия «ограничение дееспособности». «Ограничение дееспособности», во-первых, характеризует не степень утраты дееспособности, а функциональные действия суда, во-вторых, ограничение дееспособности предстает как предупреждение определенных социально-вредоносных действий субъекта, а не как качественная характеристика дееспособности, в-третьих, не соотносится в данном случае с институтом полного лишения дееспособности (ст.29 ГК РФ), как это может показаться на первый взгляд. По сути «ограничение дееспособности», если рассматривать и п.1 ст.30 ГК РФ, не связано с психическим расстройством лица (хотя и не исключает его), а указывает на уязвимость поведения субъекта с социальной точки зрения.

Внедрение института «ограниченной дееспособности» в перспективе предполагает разработку новых понятий в гражданском законодательстве, начиная с указания на возможность признания гражданина дееспособным в «неполной мере», законодательного размежевания данного понятия с институтом «ограничения дееспособности» и заканчивая установлением правовых последствий «неполной меры дееспособности» не только применительно к сделкоспособности, но и к иным цивилистическим аспектам (Зейгер М.В., Шейфер М.С., Юдин А.В., 2012).

В целом, проблема градации «степеней дееспособности» лиц с психическими расстройствами до настоящего времени представляется практически значимой и обоснованной необходимостью, требующей продолжения научной разработки.

Литература

1. Зейгер М.В., Сафуанов Ф.С. Актуальные проблемы определения меры недееспособности субъекта с психическим расстройством // Юридическая психология. 2014. No 2. С. 7–11.

2. Зейгер М.В., Шейфер М.С., Юдин А.В. «Неполная мера» дееспособности в гражданском праве: юридический, медицинский и психологический аспект (постановка проблемы) // Юридическая психология. 2012. № 3. С. 2–6.
3. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза по делам об ограничении дееспособности вследствие психического расстройства: проблемы и перспективы / Ф.С. Сафуанов [и др.] // Российский психиатрический журнал. 2016. № 2. С. 37–43.

Отношения молодежи с социальным окружением как маркер радикализации

Злоказов К.В.

ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации»
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20–012–00415 «Когнитивные интернет-технологии как фактор формирования экстремистского поведения молодежи: механизмы воздействия и профилактика».

Существующие научные представления рассматривают социальное окружение в качестве среды, опосредующей взаимодействие молодежи с миром и выполняющей функции адаптации, защиты и поддержки. Отношения с социальным окружением изучаются в качестве индикатора личностного и социального благополучия. В рамках данных тезисов рассматривается идея об их способности репрезентировать риск радикализации.

Следует отметить, что состав социального окружения и характер отношений с его участниками является достаточно гетерогенным.

Ближнее социальное окружение образовано членами семьи и родственниками, близкими друзьями; членами устойчивых социальных групп, в которые вовлечен субъект в контексте его повседневной деятельности (учебной, профессиональной). Близость определяется в первую очередь частотой и длительностью взаимодействия, а также характером отношений между участниками.

Периферию социального окружения образуют лица, взаимодействие с которыми происходит менее интенсивно и продолжительно. Как правило, его составляют участники стихийных групп, членство в которых соответствует актуальным интересам молодежи.

Роль социального окружения в радикализации изучалась менее активно, нежели проблематика побуждения к девиантному поведению. Исследователями отмечается значение близких родственников, друзей и сверстников в побуждении к различным видам преступлений. Психологическим объяснением этому видится референтность этой части социального окружения, высокое доверие и низкая критичность по отношению к их влиянию.

Влияние лиц, образующих «периферию» социального окружения, рассматривается менее интенсивно, а психологические причины такого влияния объясняются разными факторами (Vorum R., 2011). Показано, что оно, во-первых, связано с негативным отношением к кругу близких людей и выступает своеобразной компенсацией недостатков взаимоотношений с ними (Brookmeyer, K.A., et al. 2006). Во-вторых, взаимодействия оцениваются как новые средства (ресурсы) удовлетворения актуальных потребностей.

Выявление риска радикализации в нашем представлении можно осуществлять, анализируя содержание отношений субъекта с ядром и периферией социального окружения. Отсутствие поддержки и помощи, низкий социальный статус и негативная оценка окружающих стимулируют к поиску новых социальных связей, обеспечивающих удовлетворение жизненных и социальных потребностей (Злоказов К.В., Ворошилова М.Б., 2022). Учитывая, что деструктивные социальные сообщества используют проблемы социального исключения и отчуждения молодежи для распространения идей «мести», «наказания», «возмещения», ревизия состояния социальных связей является одним из возможных путей раннего выявления радикализации и экстремистского поведения.

Литература

1. Злоказов К.В., Ворошилова М.Б. Социальная поддержка, признание и уважение: психологические мотивы вовлечения молодежи в экстремистские сообщества // *Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции: Москва, 5–6 октября 2021 г. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2022. С. 75–83.*
2. Vorum R. Radicalization into violent extremism: a review of social science theories // *Journal of strategic security*. 2011. Vol. 4. No 4. P. 7–36. doi: 10.5038/1944-0472.4.4.1.
3. Brookmeyer K.A., Fanti K.A., Henrich C.C. Schools, parents, and youth violence: A multilevel, ecological analysis // *Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology*. 2006. Vol. 35. No 4. P. 504–514. doi: 10.1207/s15374424jccp3504_2.
4. Shoemaker D.J. *Theories of Delinquency: an examination of explanations of delinquent behavior*. 3rd edition. New York: Oxford University Press, 1996. 218 p.

Психологические аспекты виктимного поведения жертв обмана (телефонных) мошенников

Колодкина Д.А., Дворянчиков Н.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В настоящее время из-за пандемии в России зафиксирована новая «волна» телефонного мошенничества, сохраняется устойчивая тенденция к увеличению различного рода мошенничеств. Согласно статистике Генпрокуратуры, в России в период самоизоляции число дел о телефонном и интернет-мошенничестве выросло на 76%. Мошенники активно используют различные интернет-ресурсы, IP-телефонию, временные виртуальные номера телефонов, динамические IP-адреса, зарубежные мессенджеры, зашифрованные схемы передачи информации, что значительно затрудняет раскрытие правоохранными органами данного вида преступлений.

Виктимное поведение рассматривается нами в соответствии с определением Л. В. Франка как потенциальная или реализованная в ситуации преступления способность при определенных обстоятельствах стать жертвой преступления (Франк Л. В., 1972). Виктимность выступает в роли движущей силы, запускающей процесс виктимизации. Мы установили, что под факторами виктимизации рассматривается совокупность обстоятельств в жизни как отдельных людей, так и общества в целом, детерминирующих либо способствующих процессу превращения личности в жертву преступления (Смирнов А. М., 2016).

Нами были исследованы формы реализации виктимного поведения, ценностные ориентации и копинг-стратегии у жертв обмана телефонных мошенников и тех, кто не стал жертвой телефонного мошенничества. Самостоятельность как ценность для испытуемых основной группы (жертв) является менее значимой, чем для испытуемых контрольной группы, что может свидетельствовать о том, что жертвы телефонных мошенников более зависимы от мнения и действий других людей, от внешних обстоятельств, чем испытуемые контрольной группы. Для жертв телефонного мошенничества со склонностью к гиперсоциальной форме реализации виктимного поведения более значимыми являются ценности, связанных с благополучием окружающих людей, с терпимостью и пониманием других. Чем выше уровень склонности жертв телефонных мошенников к некритичной форме реализации виктимного поведения (которая характеризуется неосмотрительностью, неумением корректно оценить ситуацию), тем чаще испытуемые предпринимают активные действия по решению проблемы. Это может свидетельствовать о том, что испытуемые нашей основной группы стали жертвами телефонных мошенников ввиду своей неосмотрительности, совершения активных действий без предварительного анализа ситуации. Полученные результаты также свидетельствуют о том, что жертвы телефонных мошенников реже прибегают к планированию, обдумыванию шагов, необходимых действий для решения проблемы, в отличие от испытуемых контрольной группы.

Таким образом, жертвы обмана телефонных мошенников обладают специфическими психологическими особенностями: преобладанием традиционных, семейных ценностей в системе ценностных ориентаций. Наиболее часто используемым жертвами способом разрешения стрессовых ситуаций является активный копинг – принятие активных шагов, прямых действий, направленных на преодоление стрессовой ситуации. При этом данная категория жертв была также

конкретизирована – это жертвы телефонных мошенников с высоким уровнем склонности к некритичному виктимному поведению.

Литература

1. Ахмедшина Н.В. Механизм взаимодействия между жертвой преступления и преступником // Вестник Томского государственного университета. 2016. No 413. С. 172–176. doi: 10.17223/15617793/413/26.
2. Камко А.С. Виктимологическая профилактика преступлений в сфере безналичного обслуживания в России: состояние и перспективы развития // Библиотека криминалиста: научный журнал. 2016. No 6(29). С. 170–181.
3. Смирнов А.М. Виктимология половой преступности несовершеннолетних: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 162 с.
4. Франк Л.В. Виктимология и виктимность: учебное пособие для студентов юридического факультета / Тадж. гос. ун-т им. В.И. Ленина. Юрид. фак. Душанбе: [б. и.], 1972. 111 с.

Исследование личностных особенностей осужденных за совершение преступлений террористического характера

Кроз М.В., Ратинова Н.А.

ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»

(г. Москва, Россия)

В Университете прокуратуры Российской Федерации в 2019-2021 годах проводилось психологическое исследование особенностей личности участника террористической деятельности.

Выборка обследованных включала две группы: основную, состоявшую из лиц, совершивших преступления террористической направленности (124 человека), и контрольную – законопослушных граждан (80 человек). В основную группу вошли 117 мужчин и 7 женщин в возрасте от 20 лет до 81 года (средний возраст 36,5 лет), отбывавших наказание за совершение преступлений террористического характера. Контрольную группу составляли законопослушные граждане: 36 мужчин и 44 женщины в возрасте от 22 до 62 лет (средний возраст 36,9 лет).

Специфической особенностью значительной части лиц, вошедших в основную группу, было плохое знание русского языка, поскольку многие из них не являлись гражданами Российской Федерации, приехали из государств Средней Азии (19,4%). Кроме того, многим было присуще отчетливо выраженное стремление давать не искренние, а социально одобряемые ответы на вопросы опросных тестов. В результате наиболее достоверные данные были получены с помощью проективных методик, более защищенных от влияния фактора социальной желательности по сравнению с тестами-опросниками. В частности, такие данные были получены с использованием метода незаконченных предложений – авторской модификации

методики Сакса-Леви, существенно сокращенной по сравнению с оригинальным вариантом.

При обработке и обобщении данных по методике в ее авторской версии анализу подлежал не только оценочный компонент высказываний обследованных лиц (как это принято при традиционной системе обработки данных по тесту), но, прежде всего, содержательный компонент. С этой целью по каждому пункту методики строился самостоятельный классификатор высказываний, что позволило количественно и качественно сопоставить содержание и направленность ответов представителей основной (преступники-террористы) и контрольной (законопослушные лица) групп. В результате был собран и систематизирован богатый и крайне интересный материал для анализа, который не дают традиционно применяемые в таких исследованиях тесты-опросники.

Часть результатов исследования, касающаяся ценностной системы террористов, уже была ранее опубликована (Кроз М.В., Ратинова Н.А., 2022). Здесь же кратко остановимся на некоторых особенностях их потребностной сферы. Для ее изучения применялись два незаконченных предложения: «Я всегда хотел ...» и «Моей главной мечтой в жизни было ...».

Как показали результаты работы, желания, устремления и мечты преступников-террористов отражают специфику их потребностной сферы, особенно нереализованные, фрустрированные потребности. К их числу, в первую очередь, относятся потребность в семейной жизни, общении с близкими людьми, а также потребность в материальном достатке. Специфическими именно для данной группы являются «потребность в справедливом к ним отношении», связанная с острым ощущением несправедливости происходящего с субъектом, и «потребность в спокойной жизни, мирном труде». Экзистенциальные потребности у них связаны в первую очередь с религиозной сферой, в т.ч. с «загробной жизнью».

У представителей контрольной группы значительно ярче были обозначены потребности в досуге и самореализации, в том числе в профессиональной сфере. Для преступников они менее актуальны. Очевидно, что различия здесь обусловлены различным жизненным опытом обследованных, а также их актуальной ситуацией: на свободе, в кругу семьи, занятых любимым делом или в учреждении исполнения наказания. Это приводит к актуализации различных групп потребностей, что и было продемонстрировано в результатах исследования.

Литература

1. Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ценностные ориентации преступников-террористов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. No 2. С. 99–110. URL: https://psyjournals.ru/files/130268/psylaw_2022_n2_Kroz_Ratinova.pdf (дата обращения: 14.09.2022). doi: 10.17759/psylaw.2022120208.

Зависимость структуры семейного конфликта от индивидуально-психологических особенностей (личностных типов) родителей, участников споров о воспитании и месте жительства детей

Кулаков С.С.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П.Сербского» Минздрава России
(г. Москва, Россия)

Введение. В КСППЭ по судебным спорам о воспитании и определении места жительства детей основная задача, стоящая перед экспертами, состоит в диагностике семейных отношений. В рамках данного вида экспертиз индивидуально-психологические особенности родителей выступают как в качестве предпосылки для реконструкции системы семейных отношений, так и в качестве фактора возможного негативного влияния родителей на динамику семейного конфликта, а также на психическое состояние и возрастно-психологическое развитие ребенка. Относительно влияния индивидуально-психологических особенностей родителей в ряде зарубежных исследованиях указывалось, что в когорте родителей участников высококонфликтных разводов чаще всего выявляется заострение личностных особенностей, которые в ряде случаев достигают степени эмоциональных расстройств и расстройств личности. Отечественные исследования, посвященных данной тематике, носят крайне ограниченный характер. Целью настоящего исследования было выявление роли индивидуально-психологических особенностей родителей в структуре семейного конфликта, в контексте комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ) по спорам об определении места жительства и порядка общения с отдельно проживающим родителем.

Методом ретроспективного психологического анализа была проведена оценка 102 гражданских дел родителей (53 отца и 49 матерей) по спорам о воспитании ребенка. Родители оценивались с помощью стандартизированной карты обследования, включавшей как параметры личностных опросников («ММИЛ», «16-PF»), так и показатели поведения родителей в ситуации проведения экспертного исследования.

Результаты. Личностная зрелость, как у мужчин, так и у женщин, оказывала тормозящее влияние на уровень супружеского конфликта, отмечался гармоничный характер детско-родительских отношений. Мужчины с аффективной ригидностью обнаруживали высокий уровень конфликта и дисгармонию в детско-родительских отношениях - авторитарность их стиля воспитания сочеталась с нарастанием сверхценного характера отношения к детям, которое, впрочем, сталкивалось с нарастанием негативного и амбивалентного отношения детей к ригидным отцам и увеличением числа дисгармоничных типов взаимодействия с ними. У мужчин демонстративного типа отмечалась стойкая эмоциональная охваченность конфликтной ситуацией, однако в рамках детско-родительских отношений у них выявлялось позитивное отношение к детям, протекавшее в продуктивном ключе, а их

родительская позиция носила, в целом, адекватный характер. Для демонстративных женщин выявляется существенное влияние эмоциональной напряженности на характер и динамику течения семейного конфликта, а также своеобразие типов отклоняющихся стилей воспитания – потворствующего, попустительского, неустойчивого. Как мужчины, так и для женщины с личностной незрелостью проявляли взаимно позитивное детско-родительское отношение. Однако у незрелых мужчин в большинстве случаев отмечался попустительствующий стиль воспитания, а у незрелых женщин - директивность воспитательных методов, недостаточность оценки возрастно-психологических особенностей детей.

Выводы. Позитивными и прогностически благоприятными выступили черты личностной зрелости у представителей обоих полов. К негативным и прогностически неблагоприятным предDispositionям можно отнести черты демонстративности у представителей обоих полов, а также ведущую тенденцию в виде фактора аффективной ригидности у мужчин. Родители с чертами личностной незрелости составили отдельную обособленную группу, не пересекающуюся с носителями иных личностных черт, и в целом отражали проблему неготовности к брачно-семейным отношениям.

К проблеме роли контекста в антисоциальной креативности

Мешкова Н.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Мысль о влиянии на креативность населения социо-культурной среды и определенных политических условий (например, военных действий) (см. Simonton, 1984) высказывалась давно, тем не менее мало изученной остается проблема воздействия политических условий на креативность обычных людей, не гениев, в межличностном взаимодействии.

Существующие подходы к анализу креативности включают в себя контекст. Однако психологи приходят к выводу о том, что в психологии креативности не хватает теории, которая связывала бы креативные идеи с социальными и культурными контекстами, помогающими им появиться на свет (Glăveanu, 2020), а также отражали бы связь компонентов (Glăveanu, 2013).

Цель нашего пилотажного исследования состояла в исследовании связи асоциальной и просоциальной креативности с толерантностью и моральной идентичностью. Опрос проводился до начала спецоперации на Украине и в конце марта-начале апреля 2022 г. Этот факт важен, т.к. в исследовании изменяется важная составляющая – социальный контекст. Использовались ситуации из реальной жизни с разной валентностью для диагностики асоциальной и просоциальной креативности; опросники «Индекс толерантности» и моральной идентичности. Согласно результатам, выборки (студенты (N=56) и старше школьники (N=40)) различаются

уровнем моральной идентичности, оригинальностью в ситуации мести, порождении негативных идей в просоциальной ситуации и ситуации мести: у студентов (социальный контекст до начала спецоперации) все перечисленные показатели меньше, а моральная идентичность не так важна для них, как для школьников (социальный контекст после начала спецоперации)) ($p < 0.01$, соответственно). Более того, было показано, что связь моральной идентичности и этнической толерантности в выборке старшеклассников на фоне спецоперации меняет свой характер на обратный.

Мы пришли к следующим выводам: 1. Контекст оказывает неоднозначное влияние на разные виды социальной креативности, усиливая антисоциальную и снижая просоциальную; 2. Причинно-следственные связи в теориях и концепциях креативности значительно сложнее, чем это может представляться. «Дух времени» необходимо учитывать, т.к. его влияние может осуществляться не только на саму креативность, но и на личность через изменение характера связей между психологическими характеристиками.

Полученные нами результаты позволяют внести уточнение в причинно-следственные связи модели динамической креативности, разработанной С. Tromp и R. Sternberg (2022).

Литература

1. Glăveanu V. Rewriting the language of creativity: the 5A's framework. *Review of General Psychology*. 2013. Vol. 17. No 1. P. 69–81. doi: 10.1037/a0029528.
2. Glăveanu V.P. A sociocultural theory of creativity: Bridging the social, the material, and the psychological. *Review of General Psychology*. 2020. Vol. 24. No 4. P. 335–354. doi: 10.1177/1089268020961763.
3. Simonton D.K. *Genius, creativity, and leadership. Historiometric inquiries*. Cambridge: Harvard University Press, 1984. 231 p.
4. Tromp C., Sternberg R.J. Dynamic Creativity: A Person \times Task \times Situation Interaction Framework. *The Journal of Creative Behavior*, 2022. Vol. 0. No 0. P. 1–13. doi: 10.1002/jocb.551.

Особенности усвоения гендерной идентичности лицами, осужденными за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних

Нечаева А.Н.

(г. Москва, Россия)

Данное исследование проводилось в интересах профилактики преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, создания организационных барьеров, ограничивающих допуск к работе с несовершеннолетними лиц, предрасположенных к подобным деяниям.

Целью настоящей работы является выявление усвоения особенностей гендерной роли (Кочарян А.С., 1996) лицами, совершившими преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних (Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В., 2016).

В рамках эмпирического исследования были выдвинуты следующие гипотезы: 1) для лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, характерны нарушения полоролевой идентичности, обуславливающие отклонения полоролевого поведения; 2) лицам, совершившим половые преступления против несовершеннолетних, свойственна нечеткость представлений о возрастной специфике половой роли и объекта сексуального предпочтения.

Исследование проводилось на выборке численностью 52 человека в возрасте от 18 до 64 лет. Основную группу исследования составляют 15 мужчин, признанные виновными, находящиеся под стражей, осужденные за совершение половых преступлений против несовершеннолетних, часть из которых ранее отбывали срок в местах лишения свободы по данным статьям, (ст. 131-135 УК РФ). Сравнительная группа – 15 человек без психической патологии, привлекавшиеся к уголовной ответственности за преступления против собственности (ст.158-163 УК РФ). Контрольная группа – 22 человека без психической патологии, не привлекавшиеся к уголовной ответственности.

На этапе эмпирического исследования использовался анализ материалов уголовных дел, а также следующие психодиагностические методики: «МиФ»; методика ЦТО; методика «Кодирование» (Дворянчиков Н.В., Носов С.С., Саламова Д.К., 2011).

Выводы, к которым мы пришли в результате исследования:

1. Как на когнитивном, так и на эмоционально-смысловом уровне, у лиц мужского пола, осужденных за половые преступления против несовершеннолетних, преобладают фемининные черты. В целях укрепления собственной идентичности, образ «ребёнка» у данных индивидов ассоциируется с образом «взрослого» и выступает как объект сексуального предпочтения.

2. У лиц, совершивших половые преступления против несовершеннолетних, в когнитивной сфере понимание образов «Я-идеальное» и «Мужчина должен быть...» характеризуется высоким уровнем маскулинности, что соответствует показателям нормативной группы. Тем не менее, в эмоционально-смысловых показателях проявляются искажения понятий об образе мужчины, отражающихся в понятиях-связках, присущих типично женщинам.

3. В эмоционально-смысловой сфере у объектов основной группы проявляется отрицательное отношение к собственному образу "Я", что демонстрирует низкую самооценку и согласуется с показателями когнитивной сферы, где характеристики образа «Я-идеальное» далеки от "Я-реального".

Таким образом, данные исследования могут быть внедрены в повседневную работу психологов пенитенциарной системы для дифференцированной разработки

реабилитационных как групповых, так и индивидуальных программ для заключённых. Данные исследования также могут быть значимы и для создания профилактической программы по снижению преступной деятельности в отношении детей.

Литература

1. Дворянчиков Н.В., Носов С.С., Саламова Д.К. Половое самосознание и методы его диагностики: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2011. 216 с.
2. Кочарян А.С. Личность и половая роль. Симптомокомплекс маскулинности/фемининности в норме и патологии: дис. ... д-ра психол. наук. Харьков, 1996. 139 с.
3. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология. М.: Бинном, 2014. 648 с.

Сексуальный садизм и расстройства личности у серийных сексуальных преступников (иерархический кластерный анализ)

Нечесова С.В., Дворянчиков Н.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Актуальность исследования заключалась в том, что в *modus operandi* серийных сексуальных преступлений в большинстве случаев отражается садистический характер их совершения. Из анализа поведенческих критериев, проявляющихся у серийных сексуальных садистов (далее - ССС) во время деликта, можно констатировать, что компоненты расстройства сексуального садизма тесно связаны с психопатоподобным поведением.

Предметом исследования выступило сочетание компонентов сексуального садизма и факторов психопатии в рамках аномалий личности у ССС в период их жизненного цикла, а также в момент деликта.

Объектом исследования выступили аномалии личности серийных сексуальных преступников, в *modus operandi* которых проявились компоненты сексуального садизма.

Цель исследования: прогнозирование криминогенных факторов и рецидивов с конкретизирующими отличительными особенностями поведения преступников, их выявление при помощи методов многофакторного кластерного анализа.

Методами исследования выступили:

- контент-анализ научной литературы и материалов, содержащихся в базах преступников и экспертных заключениях на актуальную проблематику;

- факторный и кластерный анализ (методы «Дальний сосед» и «Ближний сосед» и метод агломеративной иерархической кластеризации Дж. Х. Уорда).

Аналитическая стратегия исследования: автором был предпринят контент-анализ результатов исследования Роберта Дж. Леманна, Крейга С. Ньюманна, Роберта Дугласа Харе (автора шкалы PCL-R) (Hare RD, Neumann CS, Mokros A., 2018; Hare, R. D., & Neumann, C. S., 2010; Hicks VM, Drislane LE., 2018). Из указанных источников были выделены факторы психопатии, которые составили два психопатических подтипа: «первичную психопатию» и «вторичную психопатию», что означает, что у такого феномена как психопатоподобное поведение в рамках аномалий личности существует динамика и развитие. Для достижения цели исследования автором были выделены подобные факторы в *modus operandi* CCC. После чего был проведен кластерный анализ.

Результаты исследования:

Выборка состояла из 53-х CCC (N=53). В сформированных группах факторов наличие нарушений в выборке показало высокий процент: в группе «парафильное поведение» - 26,4%; «психологические черты личности» - 45,7%; «мотивационная сфера» - 35,8%; «клиническая сфера» - 41,5%. Максимально высокий показатель нарушений в группе CCC обнаружился в таких кластерах, как: «доминирование» - 56,6%; «нарастание агрессии» - 60,3% и «расстройства клинической сферы» - 47,2%.

Наименьшее расстояние по методу «Ближайший сосед» выявилось у компонентов «расторможенность», «отсутствие критичности» и «ригидность эмоциональной сферы» - $P = 1.41$.

Выводы:

1) образовалось три кластера, которые показали взаимодействие факторов: 1-й кластер (отсутствия критичности, ригидность эмоциональной сферы, расторможенность, наличие медицинских диагнозов); 2-й кластер (гомосексуальный сценарий и сочетание с парафилиями); 3-й кластер (доминирование и нарастание агрессии);

2) в результате иерархического анализа первое место в иерархии заняли: 1-й кластер, к которому присоединился компонент «импульсивная мотивация»; второе место: 2-й кластер, в который вошел компонент «ригидность эмоциональной сферы»; третье место – 3-й кластер (расторможенность и доминирование), в который вошло нарастание агрессии от эпизода к эпизоду.

Литература

1. Hare R.D., Neumann C.S., Mokros A. The PCL-R assessment of psychopathy: development, properties, debates, and new directions // Handbook of psychopathy / Ed. C.J. Patrick. New York: Guilford Press, 2018. P. 39–79.
2. Hare R.D., Neumann C.S. Psychopathy: assessment and forensic implications // Responsibility and psychopathy: interfacing law, psychiatry and philosophy / Eds. L. Malatesti, J. McMillan. New York: Oxford University Press, 2010. P. 93–123.
3. Hicks B.M., Drislane LE. Variants (“subtypes”) of psychopathy // Handbook of psychopathy / Ed. C.J. Patrick. New York: Guilford Press, 2018. p. 297–332.

Психологические механизмы нарушения саморегуляции при совершении сделки у лиц с психическими расстройствами в судебно-психологической ретроспективной оценке

Переpravина Ю.О.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации
(г. Москва, Россия)

Исследование вопроса судебно-психологической экспертной оценки способности гражданина к совершению сделки имеет социально-экономическую значимость для общества, теоретическую и практическую ценность для гражданского судопроизводства. В рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы способность гражданина к совершению сделки (ст. 177 ГК РФ) может оцениваться как ретроспективно (Харитоновна Н.К., Сафуанов Ф.С., Малкин Д.А., 2005), так и прогностически (п.2 ст. 30 ГК РФ).

Проведено исследование судебно-психологических экспертных критериев способности гражданина к совершению сделки (Переpravина Ю.О., 2021), в рамках которого проводился факторный анализ выборки (130 подэкспертных, в возрасте от 26 до 88 лет) с целью выделения нескольких групп, включающих систему признаков, которые показывают характер нарушения способности понимать значение своих действий и руководить ими. Были получены 4 фактора, 2 из которых характеризуют лиц, не способных понимать значение своих действий и руководить ими на момент совершения сделки, по двум разным психологическим механизмам (ретроспективная оценка).

1) Для психологического механизма неспособности к совершению сделки «податливость к воздействию окружающих поведения при принятии решений, уязвимость к обману, психопатологический мотив сделки» характерны такие особенности осознанной регуляции, как грубые нарушения мышления, снижение критических способностей (в том числе к заболеванию), снижение самоконтроля, импульсивность, снижение саморегуляции в субъективно сложных ситуациях, ориентация на мнение значимого окружения, центрированность на другом субъекте, зависимый тип личности, выраженные черты социальной дезадаптации, необходимость внешнего контроля;

2) Для психологического механизма неспособности к совершению сделки «мотивационно-волевое снижение, трудности формирования намерения, отсутствие интенций к осуществлению какого-либо выбора» характерны такие особенности осознанной регуляции, как нарушение усвоения, переработки, непосредственного и опосредованного запоминания информации, а также ее поэтапного, структурированного изложения, замедленный темп деятельности, мотивационные нарушения включенности в деятельность, выраженное мотивационно-волевое

снижение, снижение критико-прогностических способностей, сужение круга ценностно-смысловых ориентаций, пассивная стратегия совладания со стрессом, инертность, выраженные черты социальной дезадаптации, необходимость внешнего контроля.

Лица, которые попали в группу способных понимать значение своих действий и руководить ими на момент совершения сделки, характеризуются завышенной оценкой себя и переоценкой своих возможностей, демонстративностью, центрированностью на своей личности, наличием навыков социальной адаптации и способностью подстроиться к новым условиям.

Для лиц, которые попали в группу способных понимать значение своих действий и руководить ими лишь при помощи других лиц, не характерны грубые пато- и нейропсихологические особенности, выражены снижение критики к заболеванию, эмоциональная лабильность, аффективная ригидность, настойчивая реализация намерения без достаточной критики.

Литература

1. Переправина Ю.О. Способность гражданина к совершению сделки: критерии судебно-психологических экспертных оценок // Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 153–168. doi: 10.17759/psylaw.2021110411.
2. Харитонов Н.К., Сафуанов Ф.С., Малкин Д.А. Экспертная оценка сделкоспособности по гражданским делам в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы: пособие для врачей. М.: ГНЦ ССП им. В. П. Сербского, 2005. 32 с.

Применение родительского сочинения в судебно-психологической экспертизе

Полкунова Е.В.

ФБУ «Тамбовская лаборатория судебной экспертизы Минюста России»

(г. Тамбов, Россия)

При разрешении семейных споров суд должен выяснить ряд обстоятельств, к числу которых относятся *отношения, существующие между каждым из родителей и ребенком*. Для их установления часто назначается судебно-психологическая экспертиза. В психологии родительское отношение трактуется и диагностируется исследователями по-разному (Конищева А.В., 2022, Полкунова Е.В., 2022), что отражается и на судебно-экспертной деятельности психолога. К методам диагностики в судебной экспертизе существуют особые требования (Харитонов Н.К. и др., 2014) и необходимость преодоления установочного поведения подэкспертного. Одним из наиболее распространенных методов диагностики родительского отношения является родительское сочинение. Актуальность нашего исследования продиктована ограниченными возможностями использования в судебной экспертизе методов, широко применяемых в психологическом консультировании.

Цель исследования – определить особенности отношения к детям родителей, проходящих судебно-психологическую экспертизу в рамках гражданских семейных споров, связанных с воспитанием детей. В качестве методики использовалось «Родительское сочинение» В.В. Столина в адаптации А.И. Тацёвой (Истратова О.Н., 2017).

В исследовании приняли участие 120 родителей. Экспериментальную группу составили 30 матерей и 30 отцов, проходивших судебную психологическую экспертизу, контрольную – 30 матерей и 30 отцов из условно гармоничных семей.

Сравнение осуществлялось по параметрам: «симпатия»– «антипатия»; «уважение» – «неуважение»; «близость» – «отдаленность». Для анализа данных применялись методы математической описательной статистики, критерий Манна-Уитни.

Результаты

Статистически значимых различий в родительском отношении респондентов экспериментальной и контрольной группы выявлено не было. Качественный анализ отчетов позволил обнаружить ряд интересных тенденций и явлений. Так, родители экспериментальной группы чаще, чем родители контрольной группы оправдывали негативные качества своих детей; неблагоприятно относились к мыслям, чувствам, увлечениям ребенка; отрицали его права, занижали уровень развития; проявляли доминантность; демонстрировали отстраненность и неосведомленность о близком круге ребенка, увлечениях, проблемах. Негативные состояния и черты своего ребенка подэкспертные, проживающие отдельно от него, чаще оправдывали влиянием со стороны совместно проживающего родителя. Родители, которые проживали вместе с ребенком, чаще подчеркивали свой вклад в ребенка, считали положительные качества и достижения ребенка своей заслугой. Родители контрольной группы чаще проявляли уважение к ребенку, признавали за ним личность, имели тенденцию общаться с ребенком на равных; в большей степени ощущали с ним родственность, единство, хорошо знали своего ребенка, при этом реже нивелировали проблемы в поведении и отношениях.

Литература

1. Истратова О.Н. Диагностика и коррекция детско-родительских отношений: практикум. Ростов-на-Дону: Феникс, 2017. 316 с.
2. Конищева А.В. Подходы к исследованию родительского отношения в российской психологии // Психология и право. 2022. Том 12. No 3. С. 88–96. doi: 10.17759/psylaw.2022120308.
3. Методологические основы проведения комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз при спорах о праве на воспитание детей: методические рекомендации для экспертов / Н.К. Харитоновна [и др.] // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. No 3(35). С. 93–106.
4. Полкунова Е.В. Применение методики «Родительское сочинение» в целях установления родительского отношения при проведении судебной

психологической экспертизы по спорам, связанным с воспитанием детей // Психология и право. 2022. Том 12. No 3. С. 39–51. doi: 10.17759/psylaw.2022120304.

Нейропсихология произвольной саморегуляции: психолого-правовой аспект и перспективы исследований

Потапов А.М., Луковцева З.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В юридической психологии регуляторные процессы изучаются в контексте проблем антисоциального и противоправного поведения психически здоровых и больных, психологической безопасности, профессиональной стрессоустойчивости сотрудников силовых структур (Белякова М.Ю., Булыгина В.Г., 2020; Кубышко В.Л. и соавт., 2020; Мешкова Н.В. и соавт., 2018; Рябова М.Г., 2016 и мн. др.).

Хотя в большинстве работ приоритетное внимание обращено на произвольную саморегуляцию, непроизвольная саморегуляция также представляет психолого-правовой интерес. Раскрыть ее механизмы, определяемые устойчивыми особенностями мозговой организации психики, позволяет нейропсихологический подход.

Состояние саморегуляции выступает показателем функционального благополучия первого и третьего блоков мозга. От качества саморегуляции напрямую зависит комплаентность человека, получающего помощь нейропсихолога (а вместе с ним и патопсихолога, и врача-психиатра). Кроме того, процессы непроизвольной саморегуляции неподконтрольны обследуемому, а значит, их параметры можно считать свободными от влияния мотивов установочного поведения. Интересна латерализация регуляторных процессов: так, с накоплением леволатеральных признаков ассоциировано снижение как произвольной, так и непроизвольной саморегуляции (Москвин В.А., 2002).

Одним из важнейших маркеров состояния непроизвольной саморегуляции для нейропсихолога выступает характер синкинезий. Их частота, разнообразие, степень выраженности важны в дифференциально-диагностическом плане. Основную массу синкинезий фиксируют при исследовании праксиса, но их можно заметить и просто при работе с бланками, карточками (Белова А.Н., 2000; Перегуда С.Н., Реброва Е.А., 2020 и др.). Для изучения синкинезий применяют обычно сенсбилизацию моторных проб. Перспективным направлением совершенствования диагностического инструментария мы считаем создание экспериментальных процедур, провоцирующих появление синкинезий как маркера состояния непроизвольной саморегуляции. Основой таких процедур может быть вовлечение испытуемого в естественную деятельность, первоначально как будто не предполагающую совершения движений (например, прослушивание музыки).

Литература

1. Белова А.Н. Нейрореабилитация: руководство для врачей. М.: Антидор, 2000. 565 с.
2. Белякова М.Ю., Булыгина В.Г. Особенности нарушений мышления, социальной перцепции и саморегуляции у больных шизофренией с криминальным анамнезом [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. No 4. С. 139–151. URL: https://psyjournals.ru/psyandlaw/2020/n4/Belyakova_Bulygina.shtml (дата обращения: 13.10.2022).
3. Личностные особенности и антисоциальная креативность на примере кадетов и сотрудников МВД [Электронный ресурс] / Н.В. Мешкова [и др.] // Психология и право. 2018. Том 8. No 3. С. 83–96. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2018/n3/95098.shtml> (дата обращения: 13.10.2022). doi: 10.17759/psylaw.2018080306.
4. Москвин В.А. Межполушарные отношения и проблема индивидуальных различий: монография. М.: Издательство Московского университета, 2002. 288 с.
5. Перегуда С.Н., Реброва Е.А. Нейропсихологическая диагностика и коррекция психического развития при дисфункции среднего мозга // Научный журнал. 2020. No 5(50). С. 50–67.
6. Психологическое обеспечение стрессоустойчивости как элемента профессиональной надежности специалиста силовых структур [Электронный ресурс] / В.Л. Кубышко [и др.] // Психология и право. 2020. Том 10. No 2. С. 167–178. URL: https://psyjournals.ru/psyandlaw/2020/n2/Kubishko_Vakhnina_Kruk.shtml (дата обращения: 13.10.2022). doi: 10.17759/psylaw.2020100213.
7. Рябова М.Г. Факторы психологической безопасности личности в экстремальных ситуациях // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2016. Том 26. No 4. С. 94–99.

Связь криминальной «зараженности» и осмысленности жизни у подростков, совершивших уголовные преступления

Рябков А.М., Степанова Е.С.

Межрегиональный отдел психологической работы ГУФСИН России по Свердловской области

(г. Екатеринбург, Россия)

В последние годы наблюдается все более широкое распространение криминальной субкультуры в российском обществе, особенно среди детей и подростков. В образовательных организациях периодически фиксируются случаи

правонарушений, совершаемых подростками, придерживающихся криминальной идеологии (Семочкина А.А., 2020). Традиционно считается, что криминальная субкультура наиболее широко распространена среди несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях (Поздняков В.М., 2015).

Сотрудниками межрегионального отдела психологической работы было проведено исследование связи криминальной «зараженности» и уровня осмысленности жизни у подростков, совершивших уголовные преступления. Исследование проводилось в двух воспитательных колониях: ФКУ «Кировградская воспитательная колония» ГУФСИН России по Свердловской области (далее – ФКУ КВК) и в ФКУ «Тюменская воспитательная колония» УФСИН России по Тюменской области (далее – ФКУ ТВК). На этапе констатирующего эксперимента было обследовано 178 подростков (КВК – 121, ТВК – 57). Обследование проводилось с использованием методик СЖО и ОКЗН (Рябков А.М., Степанова Е.С., Муслумов Р.Р., 2022).

Анализ полученных результатов показал, что большая часть обследованных несовершеннолетних имеет средний уровень криминальной «зараженности». Около трети показали высокий уровень криминальной «зараженности». Низкий уровень криминальной «зараженности» был зарегистрирован у небольшой части несовершеннолетних.

По уровню осмысленности жизни у большей части испытуемых был зарегистрирован уровень ниже среднего. Средний уровень был зарегистрирован у трети несовершеннолетних и низкий уровень лишь у небольшой части. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что большинство лиц подросткового возраста редко задумываются над смыслом своей жизни и не строят осмысленных планов на будущее.

Анализ взаимосвязи показателей криминальной «зараженности» и осмысленности жизни на основе расчета коэффициента корреляции Пирсона показал наличие обратной корреляционной связи практически между всеми шкалами методик ОКЗН и СЖО. Это говорит о том, что подростки с высоким уровнем криминальной «зараженности» обычно обладают низким уровнем осмысленности жизни и наоборот.

Таблица 1

Результаты расчета корреляции между показателями методик СЖО и ОКЗН

ОКЗН СЖО	Когнитивный компонент	Эмоциональный компонент	Поведенческий компонент	Общий уровень
Цели	-0,282**	-0,281**	-0,345**	- 0,350**
Процесс	-0,237*	-0,274**	-0,228*	- 0,278**
Результат	-0,207	-0,236*	-0,221*	- 0,253*

Локус-Я	-0,281**	-0,341**	-0,322**	- 0,365**
Локус-Жизнь	-0,239*	-0,244*	-0,209	- 0,253*
Общий уровень	-0,287**	-0,303**	-0,296**	- 0,334**

**Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

*Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

На основании полученных результатов был сделан вывод, что психокоррекционную работу с несовершеннолетними осужденными в воспитательной колонии нужно строить посредством повышения у них осмысленности жизни и формирования общечеловеческих ценностей.

Литература

1. Поздняков В.М. Столкновение молодежных и криминальной субкультур в среде несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях // Прикладная юридическая психология. 2015. No 3. С. 17–24.
2. Рябков А.М., Степанова Е.С., Муслумов Р.Р. Разработка и апробация методики оценки криминальной зараженности несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных // Прикладная юридическая психология. 2022. No 2(59). С. 77–86. doi: 10.33463/2072-8336.2022.2(59).077-086.
3. Семочкина А.А. АУЕ – как фактор криминализации несовершеннолетних и их активного противопоставления государству и обществу // Вестник экономической безопасности. 2020. No 6. С. 154–158.

К проблеме уязвимости заключения эксперта-психолога в рамках КСППЭ в уголовном процессе

Савина О.Ф., Морозова М.В.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им В.П. Сербского» Минздрава России
(г. Москва, Россия)

Заключение комиссии экспертов, выступая в качестве одного из доказательств по делу, подвергается изучению и оцениванию судебными следственными работниками и заинтересованными сторонами процесса, нередко с привлечением специалистов, высказывающих мнение по поводу полноты, всесторонности проведенного исследования, научной обоснованности выводов. Практический опыт экспертной работы и участия в судебном процессе, а также рецензирование в рамках консультативной деятельности позволяет выделить наиболее часто встречающиеся

недочеты как в оформлении, так и содержательной части заключений, которые возможно скорректировать в целях повышения их качества и доступности понимания сущности экспертного анализа и суждений неспециалистами.

Даже самое грамотное с профессиональной точки зрения заключение эксперта может быть признано ничтожным доказательством, если оно содержит технические погрешности и противоречащие требованиям закона ошибки оформления. Это относится к так называемой «шапке» заключения: виду экспертизы, перечню сведений об эксперте, подписке по статье, времени и месте проведения КСППЭ. Допускаемые ошибки при указании материалов дела, медицинской документации, методов и методик исследования, отсутствие подписи психолога под анамнезом дают повод рецензенту указать на возможную неполноту и всесторонность обследования. При необходимости дачи правоприменителям разъяснений по заключению (допрос) эксперт обязан знать процедуру выбора эксперта, алгоритм конкретного исследования, владеть категориальным аппаратом, в том числе системой экспертных понятий и соответствующих им правовых категорий. Нечеткие ответы вызывают сомнения в компетентности эксперта.

В изложении беседы с подэкспертным нецелесообразно ограничиваться констатацией того, что сообщаемое им соответствует материалам дела или формальными общими суждениями - именно детали и конкретные ответы во-первых, дают информацию о субъективной стороне деликта, актуальном отношении и позиции обследуемого; во-вторых, отражают полноту и всесторонность обсуждения криминальной ситуации, состояния и поведения подэкспертного в ней, позволяя впоследствии при ознакомлении с заключением другому лицу понять, на что ориентировался эксперт при вынесении решения, кроме материалов дела.

Наибольшие вопросы возникают в связи с формальностью или вообще отсутствием в заключении психолога экспертного анализа события правонарушения. В лучшем случае такой анализ наличествует при квалификации аффекта. При его отсутствии преобладает категоричная констатация этого без аргументации такого экспертного суждения. Действительно, есть экспертные ситуации, которые не требуют развернутого разбора криминального поведения субъекта: например, преступления имущественного или сексуального характера с экспертным заданием на аффект. В то же время при конфликтном противостоянии важно представить ретроспективную картину происходящего как для обоснования юридически значимого состояния, так и для полного понимания внутреннего видения подэкспертным всех условий и обстоятельств. Не всегда достаточно и простого перечня индивидуально-психологических особенностей без указания, в чем конкретно в той или иной мере они проявились в данном деликте.

В экспертизах по факту смерти психологическое исследование часто подменяется вариантами констатации тех или иных событий или еще хуже – выписками-цитатами из материалов дела, фактически дублируя изложение анамнеза. При этом не учитывается, что показания свидетелей не всегда отражают реальное состояние и индивидуально-психологические особенности субъекта, а также не

являются профессиональными суждениями.

Профессиональная компетентность, грамотность и добросовестность при написании заключения снижает вероятность его критических оценок.

Тенденции развития судебных экспертиз с участием психолога в России

Сафуанов Ф.С.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации
(г. Москва, Россия)

1. *Междисциплинарный характер комплексных судебно-психологических экспертиз.* М.М. Коченов еще в 70-е годы обосновывал необходимость и целесообразность кооперирования усилий психологов с лингвистами и психиатрами. Наиболее развитая область комплексных судебных экспертиз – психолого-психиатрическая (Кудрявцев И.А., 1988), на сегодняшний день в стране проводится около 70 тыс. таких экспертных исследований. Другие направления – комплексная психолого-сексолого-психиатрическая (Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В., 2014), психолого-лингвистическая (Секераж Т.Н., 2021) судебные экспертизы. Характерно, что методологию комплексных судебных экспертиз успешно внедряют и в психолого-педагогической (Умняшова И.Б., Сафуанов Ф.С., 2017), и в гуманитарной экспертизах (Сафуанов Ф.С., 2006).

2. *Распространение судебных экспертиз с участием психолога на гражданский процесс:* на сегодняшний день можно выделить такие предметные виды судебно-психологических и комплексных экспертиз как определение способности к совершению сделки, диагностика клинико-психологических аспектов морального вреда, экспертизы по семейным спорам о воспитании ребенка, диагностика ограниченной дееспособности (Харитоновна Н.К., Сафуанов Ф.С., Малкин Д.А., 2005; Бердников Д.В., Калинина А.Н., Шипшин С.С., 2008; Сафуанов Ф.С., Харитоновна Н.К. Русаковская О.А., 2012; Сафуанов Ф.С., Харитоновна Н.К., Зейгер М.В., Переpravина Ю.О., Христофорова М.А., 2016).

3. *Развитие судебно-психологической экспертологии* как теоретико-методологической основы экспертного психологического исследования (Сафуанов Ф.С., 2020).

4. *Дискуссии о пределах компетенции судебного эксперта-психолога и о неправомерных предметных видах экспертизы* (Смирнова С.А., Макушкин Е.В., Аснис А.Я. и др., 2016).

Литература

1. Бердников Д.В., Калинина А.Н., Шипшин С.С. Возможности судебной психологической экспертизы по делам о компенсации морального вреда:

- информационное письмо для экспертов // Теория и практика судебной экспертизы. 2008. № 4(12). С. 143–149.
2. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза по делам об ограничении дееспособности вследствие психического расстройства: проблемы и перспективы / Ф.С. Сафуанов [и др.] // Российский психиатрический журнал. 2016. № 2. С. 37–43.
 3. Кудрявцев И.А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М.: Юридическая литература, 1988. 224 с.
 4. О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы / Смирнова С.А. [и др.] // Психология и право. 2016. Том 6. № 3. С. 61–78. doi: 10.17759/psylaw.2016060306.
 5. Сафуанов Ф.С. Гуманитарная экспертология: актуальные проблемы и перспективы // Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности: сборник научных трудов / Под ред. Г.В. Иванченко, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2006. С. 51–62.
 6. Сафуанов Ф.С. Принципы клинико-психологической судебной экспертизы // Российский психиатрический журнал. 2020. № 2. С. 39–45. doi: 10.24411/1560-957X-2020-10205.
 7. Сафуанов Ф.С., Харитонов И.К., Русаковская О.А. Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. 2-е издание, исправленное. М.: Генезис, 2012. 192 с.
 8. Секераж Т.Н. Судебная психологическая экспертиза информационных материалов: теория и практика: монография. М. ФБУ «РФЦСЭ» при Минюсте России, 2021. 406 с.
 9. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология. М.: Бином, 2014. 648 с.
 10. Умняшова И.Б., Сафуанов Ф.С. Модель психолого-педагогической экспертизы в системе образования // Психологическая наука и образование. 2017. Том 22. № 4. С. 75–84. doi: 10.17759/pse.2017220411.
 11. Харитонов И.К., Сафуанов Ф.С., Малкин Д.А. Экспертная оценка сделкоспособности по гражданским делам в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы: пособие для врачей. М.: ГНЦ ССП им. В. П. Сербского, 2005. 32 с.

Определение источника информированности испытуемого о преступлении в процессе исследования с использованием полиграфа

Свободный Ф.К.

ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации»
(г. Москва, Россия)

Свободный Б.Ф.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

На сегодняшний день ряд ведомственных инструкций (МВД, СК РФ) обязывают своих специалистов по опросам с использованием полиграфа (так называемых «полиграфологов»), при производстве исследований «на полиграфе» в рамках расследования уголовных дел давать заключение, «отвечающее» на два вопроса: «Выявляются ли в ходе экспертного исследования психофизиологические реакции, свидетельствующие о том, что гр-н(ка) Ф.И.О. располагает информацией о юридически значимой ситуации (ее деталях)?»; «При каких обстоятельствах могла быть получена гр-ном(кой) Ф.И.О. эта информация, могла ли она быть получена в момент события?».

Как показывает выборочный анализ, специалисты-«полиграфологи» зачастую не проводят исследования с целью выявления обстоятельств получения испытуемым первой информации о преступлении. Ответ на второй вопрос обычно базируется на «тестах», проводимых по первому вопросу. В таком случае «полиграфологи» проводят исследования не в полном объеме, что является нарушением научной и методической логики исследования, а также правовых требований к заключению специалиста (эксперта).

При выборочном анализе научной литературы нами не было обнаружено описания структуры, содержания и результатов апробации «полиграфных тестов», направленных на исследование обстоятельств получения испытуемым первой информации о преступлении (Оглоблин С.И., 2004; Сошников А.П., 2008; Холодный Ю.И., 2000).

В процессе нашего исследования нами были сформулированы вопросы «специализированного полиграфного теста» (составленного по методике выявления скрываемой информации), направленного на определение источника получения испытуемым первых сведений о преступлении. Содержание теста было примерно следующим: Вы точно помните, что первую информацию о преступлении Вы получили (от кого?) а) от собственного наблюдения? б) от следователя? в) от каких-то других источников?

Данный тест апробировался нами в процессе исследования с применением полиграфа в рамках расследования уголовных дел. Общая выборка нашего исследования составила 95 уголовных дел. Результаты теста, направленного на определение источника получения испытуемым первых сведений о преступлении, в большинстве случаев были подтверждены объективными данными,

характеризующими реальные обстоятельства получения испытуемым первой информации о преступлении, полученными в процессе расследования уголовных дел (показаниями допрашиваемых лиц, результатами осмотра места происшествия и т.д.).

Литература

1. Временные рекомендации по организации производства психофизиологических экспертиз с применением полиграфа в системе Следственного комитета Российской Федерации / Следственный комитет Российской Федерации. М.: СК России. 2020. 16 с.
2. Оглоблин С.И., Молчанов А.Ю. Инструментальная «детекция лжи». Ярославль: Ньюанс, 2004. 464 с.
3. Полиграф в практике расследования преступлений / А.П. Сошников [и др.]. М.: Московский гос. ин-т радиотехники, электроники и автоматики (ТУ), 2008. 186 с.
4. Порядок назначения и проведения психофизиологических экспертиз и исследований с применением полиграфа в системе МВД России: методические рекомендации / Федеральное государственное казенное учреждение «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации». М.: ФГКУ ЭКЦ МВД России. 2018. 67 с.
5. Холодный Ю.И. Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений (генезис и правовые аспекты). М.: Мир безопасности, 2000. 157 с.

Теоретико-методологический анализ ценностных ориентаций подростков с дезадаптивными формами поведения

Семенова К.Г.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Интерес к проблеме ценностных ориентаций не теряет своей актуальности ввиду непрерывной трансформации культуры социума, даже несмотря на имеющуюся обширную теоретическую базу. В научных работах Ядова В.А., Здравомыслова А.Г., Яницкого М.С. и др. система ценностных ориентаций выступает движущей силой, определяющей поведение человека.

Особый интерес представляет изучение ценностей у таких категорий подростков, в поведении которых отмечаются социально-психологические дезадаптационные проявления. Специфика структуры их ценностных ориентаций уже нашла эмпирическое подтверждение в ряде научных исследований. Рассмотрим некоторые из них.

Определено, что у подростков с агрессивной формой поведения отсутствует система ценностей, а внутренний ценностный конфликт является фактором проявления агрессии (Киселева А.В., 2005).

Подростки со склонностью к правонарушениям характеризуются «рыхлостью» структуры ценностей, отмечается игнорирование общезначимых социальных ценностей и ориентация на ценности криминальной субкультуры (Molero J. M., 2016).

Ценностные ориентации подростков с различными типами зависимого поведения на сегодня изучены в большей мере. Они преимущественно стремятся получать как можно больше простых удовольствий, не имеют значимых для себя целей в будущем, обесценивают значимость собственного здоровья (Соколовская И.Э., 2019, Власова Н.В., 2019).

В общей характеристике ценностных ориентаций подростков с разными типами отклоняющегося поведения авторы определяют, что они ориентированы на материально-обеспеченную жизнь, свободу, удовольствия и др. В систему ценностей подростков не входят такие качества, как терпимость, честность и ответственность. Для них важно не общественное признание, а их собственный статус в обществе. Основная проблема, по мнению авторов, заключается в отсутствии специализированных программ, благодаря которым можно было бы способствовать формированию у подростков «просоциальной системы ценностей» (Коваль В.В. 2013, Фокина И.В., 2010).

Таким образом, на основе краткого обзора мы приходим к выводу, что ценностные ориентации – это внутренние факторы социально-психологической дезадаптации, которые при определенных сочетаниях с личностными особенностями приводят к конкретным формам отклоняющегося поведения.

Считаем значимым в будущих исследованиях конкретизировать научное понимание и определить основные формы проявления социально-психологической дезадаптации подростков. Кроме того, важно дифференцировать ценностные ориентации в связи с конкретными формами дезадаптации, что может быть положено в основу поиска способов воздействия на систему ценностей с целью предупреждения возникновения дезадаптационных тенденций в социально-психологическом развитии подростков.

Литература

1. Власова Н.В., Новокрещенова Г.А. Сравнительный анализ ценностных ориентаций подростков с разными видами аддиктивного поведения // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Том 24. № 4(79). С. 362–368. doi: 10.24411/1999-6241-2019-14002.
2. Киселева А.В. Внутренний ценностный конфликт как фактор агрессивного поведения в юношеском возрасте: автореф. дисс. ... кан. психологических наук. М., 2005. 24 с.

3. Коваль В.В., Радионова И.Ю. Подростки «группы риска»: особенности ценностных ориентаций // Мир науки, культуры, образования. 2013. No 6(43). С. 209–211.
4. Соколовская И.Э., Кутянова И.П. Ценностные ориентации как фактор неадаптивного поведения наркозависимых // Ученые записки. 2019. Том 18. No 2. С. 49–59. doi: 10.17922/2071-5323-2019-18-2-49-59.
5. Фокина И.В. Специфика ценностных ориентаций подростков с девиантным поведением // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2010. No 9. С. 61–63.
6. Interpersonal Values and Academic Performance Related to Delinquent Behaviors / Jurado M. [et al.] // Frontiers in Psychology. 2016. Vol. 7. Article ID 1489. 11 p. doi: 10.3389/fpsyg.2016.01480.

Правовые и судебно-психологические приоритеты при квалификации аффекта

Солдатова К.М.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Российской Федерации
(г. Москва, Россия)

Несмотря на то, что на тему аффекта опубликованы серьезные научные труды (Сафуанов Ф.С., 1998 и др.), квалификация «аффективных» преступлений и в настоящее время остается острой практической проблемой. Отдельной проблемой является расхождение принципов квалификации аффекта с точек зрения правоприменителя и психолога-эксперта (Сафуанов Ф.С., 2011). Квалификация привилегированных статей 107 и 113 УК РФ возможна при установлении сильного душевного волнения, внезапности возникновения преступного умысла в ответ на противоправное или аморальное поведение потерпевшего или связанную с таким поведением длительную психотравмирующую ситуацию (Сафуанов Ф.С., Исаева И.В., 2015).

Категория «внезапности» входит и в перечень обязательных признаков судебно-психологических критериев диагностики аффекта, однако его содержание не тождественно правовому. Экспертная оценка аффекта предполагает определение «субъективной» внезапности возникновения аффекта, неожиданности его возникновения для самого подэкспертного. Суд же определяет «объективную внезапность»: могут использоваться временной критерий, определение момента возникновения умысла. Вследствие того, что в новом УК РФ 1996 г. возникновение аффекта стало связываться с «длительной психотравмирующей ситуацией...», «внезапность» теперь не всегда означает непосредственность наступления аффективной реакции именно сразу после неправомерных действий потерпевшего, что учитывается судом. Но такие действия обвиняемого как заблаговременная зарядка ружья или взятие с собой ножа на встречу с потерпевшим, могут вносить

некоторые разночтения в оценку категории внезапности юристами и психологами-экспертами.

Квалификация действий потерпевшего как противоправных или аморальных является прерогативой суда, а для экспертов приоритетной остается субъективное восприятие ситуации обвиняемым. Смысловое восприятие и оценка ситуации зависят от индивидуально-психологических (этнокультуральных, эмоциональных, мотивационных, ценностных и др.) особенностей субъекта. Возникают ситуации, когда суд, соглашаясь с заключением экспертов о наличии состояния аффекта у подсудимого, не может квалифицировать действия потерпевшего как аморальные или противоправные.

В УК РФ 1996 г. смягчающим обстоятельством (ст. 61) является не эмоциональное состояние (как было в УК РСФСР), а противоправное или аморальное поведение потерпевшего, явившееся поводом для преступления. В ситуации совершения преступления в состоянии аффекта, возникшего вследствие провоцирующих действий (или связанной с ними длительной психотравмирующей ситуацией) одного лица, а потерпевшим оказывается другой человек, суд не может использовать ч.1 ст. 61 УК РФ, но может выносить решение в соответствии с ч.2 ст. 61 («При назначении наказания могут учитываться в качестве смягчающих и обстоятельства, не предусмотренные частью первой настоящей статьи»).

Литература

1. Сафуанов Ф.С., Исаева И.В. Анализ решений верховных судов по аффективным преступлениям и проблемы судебной экспертизы // Российский судья. 2015. № 12. С. 37–40.
2. Сафуанов Ф.С. Определение аффекта у обвиняемого: проблемы правоприменительной практики и судебно-психологической экспертизы // Юридическая психология. 2011. № 1. С. 11–14.
3. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: научно-практическое пособие. М.: Гардарика: Смысл, 1998. 192 с.

Феномен невменяемости как междисциплинарная проблема в науке и практике

Сургутский Е.Д., Вартамян Г.А.

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

(г. Санкт-Петербург, Россия)

Невменяемость лица является уголовно-правовым статусом, прерогатива назначения которого принадлежит суду. При этом в практике отмечается наличие судебных психолого-психиатрических экспертиз, содержащих вывод о невменяемости подэкспертного (Долгова С.В., 2007). Отечественные авторы отмечают, что нарушение компетенций может быть обусловлено наличием противоречий в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, а также

неточным определением невменяемости в 21 статье Уголовного кодекса Российской Федерации: «Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики».

Изложенное позволяет обозначить проблему исследования и необходимость её разработки.

Во-первых, невменяемость определяется как состояние, а не уголовно релевантный статус, что может способствовать неверной постановке судом вопросов экспертам.

Во-вторых, не раскрывается сущность невменяемости, заключающаяся в невозможности вменить в вину совершенное деяние. Неточность формулировки обуславливает стереотип, в том числе среди юристов, что констатация невменяемости может быть осуществлена судебным экспертом-психиатром (Долгова, 2007). В-третьих, феномен является междисциплинарным, но не содержит процедурные указания для специалистов из областей юриспруденции и наук о психическом здоровье, что может приводить к размытому пониманию компетенций.

В-четвертых, вызывает сомнения содержание медицинского критерия невменяемости. Разделение расстройств на хронические, временные и иные вызывает дискуссии, а «слабоумие» является устаревшей дефиницией. В качестве исключения противоречий предлагается сделать ссылку на Международную классификацию болезней (далее – МКБ).

На основе проведённого теоретического анализа и эмпирического исследования (Сургутский Е.Д., Вартанян Г.А., 2022) предлагается на рассмотрение авторская формулировка определения невменяемости, основанная на междисциплинарном понимании содержания её критериев: «Невменяемость является временным уголовно-правовым статусом, который подразумевает, что лицо им наделённое, представляет повышенную общественную опасность и не может нести уголовную ответственность. Прерогатива наделения статусом «невменяем» принадлежит суду и основывается на заключении судебной психолого-психиатрической экспертизы, цель которой – дать заключение о том, могло ли лицо в момент совершения общественно опасного деяния осознавать фактический и(или) запрещённый законом характер и общественную опасность своих действий или бездействия и(или) руководить ими в результате психического расстройства или сочетания нескольких психических расстройств, отражённых в Международной классификации болезней».

Поднятая проблема феномена невменяемости указывает на необходимость его теоретико-методологической разработки. Предложенная авторская формулировка подчёркивает уголовно-правовой и временный статус невменяемости, а также включает процедурные и профессиональные ограничения его установления. Включение МКБ в медицинский критерий способствует реализации данной цели.

Литература

1. Долгова С.В. Проблемы установления невменяемости лица, совершившего общественно опасное деяние // Вестник РГУ им. И. Канта. 2007. № 9. С. 66–73.
2. Назаренко Г.В. Невменяемость: уголовно-релевантные психические состояния. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 205 с.
3. Сургутский Е.Д., Вартанян Г.А. Психологические критерии оценки общественной опасности лиц, признанных невменяемыми // Психология сегодня: актуальные исследования и перспективы: материалы Всероссийского психологического форума: в 2 т.: Екатеринбург, 28–30 сентября 2022 года. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. Том 1. С. 781–786.

Диагностика склонности к импульсивной агрессии

Телешева К.Ю.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России
(г. Москва, Россия)

Одной из основных причин преступлений против жизни и здоровья является импульсивная агрессия (ИА) – это быстрая, непреднамеренная реакция на реальную или предполагаемую угрозу (провокацию) (Берковиц Л., 2001).

Агрессивное поведение детерминируется личностными образованиями, обеспечивающими реализацию агрессивного импульса, которые формируются как у психически здоровых лиц, так и под влиянием пограничного психического расстройства (Сафуанов Ф.С., 2003).

Для диагностики склонности к агрессивному поведению используют психологические тесты, которые имеют существенный недостаток – подверженность коррекции ответов со стороны испытуемого.

Нами было проведено исследование по оценке эффективности психометрических тестов и нейрофизиологических методик в отношении риска ИА. Обследованы группы психически здоровых лиц (ПЗ) и лиц с психическими заболеваниями, не исключаяющими вменяемости - органическое психическое расстройство (ОРГ) и расстройство личности (РЛ), обвиняемых в совершении правонарушения по механизму ИА (убийство, тяжкие телесные повреждения). Группами сравнения являлись группа психически здоровых социально адаптированных добровольцев, не совершавших правонарушений (норма), группа лиц с органическим психическим расстройством, совершившие правонарушения, не связанные с ИА (кража, мошенничество).

Все группы были обследованы по ряду психологических тестов, были выбраны шкалы, по которым выявлена наибольшая значимость предикторной переменной (Wald-тест). Были выбраны предикторы: шкалы ситуативной и личностной тревожности (тест Спилбергера), основные шкалы ОСТ Русалова, индексы теста Басса-Дарки (индекс агрессивности и индекс враждебности), общая шкала теста УСК

и общая шкала теста Цукермана «Поиск ощущений». Построение модели бинарной логистической регрессии по всей выборке по отклику «ИА» показало высокий процент верных отнесений - 89,6% (82,6 чувствительность; 93,2% специфичность).

На выборке групп ПЗ и нормы общий процент верных отнесений выше - 90,6. В группах лиц с органическим психическим расстройством модель логистической регрессии показала 83,3% верных отнесений.

На группах ПЗ, РЛ и группе нормы проведено нейрофизиологические тестирование, включавшее две методики для оценки ранних этапов отбора информации: торможение слухового вызванного потенциала P50 и предстимульная модификация акустической стартл-реакции (АСР). Предикторами были выбраны показатели: предстимульное торможение, предстимульная фасилитация, амплитуда и латентный период потенциала P50 на первый стимул, разность латентного периода.

Оценка эффективности показателей на группах ПЗ и нормы показала общий процент верных отнесений 83,3%. Для дифференциации групп контроля и РЛ процент верных отнесений составил 81,3%. Процент верных отнесений ниже, чем в модели психометрического тестирования, однако компенсируется невозможностью скорректировать показатели со стороны испытуемого.

Существует возможность определить индивидуальный коэффициент, что позволяет проводить ранжированную диагностику склонности к ИА для каждого испытуемого. Данные проведенного исследования легли в основу патента (Киренская А.В. и др., 2021). Таким образом, сочетание методов психологического и нейрофизиологического тестирования позволяет проводить высокоточную объективную диагностику склонности к ИА.

Литература

1. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001. 512 с.
2. Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии. М.: Смысл, 2003. 300 с.
3. Способ диагностики предрасположенности к импульсивному агрессивному поведению у психически здоровых лиц [Электронный ресурс]: российский патент 2021 года по МПК А61В5/16. No RU 2744353 С1 / А.В. Киренская [и др.] // Научная электронная библиотека Elibrary.ru. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45806390> (дата обращения: 15.09.2022).

Суицидальное поведение в контексте опыта психотических переживаний

Труевцев Д.В., Сагалакова О.А., Жирнова О.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта

№ 22-28-01310

Болезнь не сама по себе продуцирует симптомы, а создает новое условие протекания психической деятельности (Коченов М.М., Николаева В.В., 1978). Симптомы имеют сложный путь формирования при столкновении с социальными задачами, который опосредуется отношением общества и человека к заболеванию. Психотические переживания (ПП) тесно связаны с психологическими переменными, что активно обсуждается в современной науке, встречаются намного чаще, чем собственно психические расстройства. ПП ассоциированы с несуицидальным самоповреждающим поведением (НССП), суицидальными мыслями (СМ) и поведением (СП), но причины и логика этой связи изучены поверхностно. Данная проблема сопряжена с небольшим числом экспериментальных исследований механизмов ПП, с доминированием архаичных идей о ПП как непосредственно вытекающих из состояния больного мозга. Обнаружение физиологической почвы ПП не приближает к их объяснению, определение слуховых галлюцинаций (СГ) как подобного восприятию процесса «без объекта», «вне активности субъекта» и отличного от восприятия в норме тормозит развитие психологической помощи.

Перспективность биопсихосоциального подхода к оценке факторов СП, важность психологической переработки ПП подтверждаются пиком СП на этапе ремиссии. Нетипичность ПП (галлюцинации, бред) не просто шизофрении, но и патологии в целом, современные тенденции в пересмотре категориальных классификаций болезней (исследовательская методология и подход RDoc) обостряют проблему научного осмысления ПП.

Существенна роль личностно значимого психосоциального дистресса у пациентов с шизофренией в формировании риска СП (Любов Е.Б., Цупрун В.Е., 2013). Восприятие болезни как хронической в сочетании со стигматизацией и самостигматизацией, интернализированным стыдом и самообвинениями за проявления патологии, несоответствие ожиданиям других способствует развитию депрессии, социальной тревоги, усиливая риск СМ, СП. Среди ПП наиболее тесно с СП связаны голоса. СГ, в отличие от бреда, предсказывают СМ и формирование плана самоубийства. Большинство СГ содержат социально негативную оценку пациента, командные голоса негативного контента вызывают тревогу, повышая вероятность СП.

При исследовании ПП и СП недостаточно ограничиться рассмотрением их простой взаимосвязи, необходим анализ опосредующих эту связь переменных. Опыт голосов, которые не слышат другие, опосредованно через дистресс, низкую самооценку и психотравмирующие события связан с НССП и СП (Hielscher E. et al., 2021). СГ – дополнительный источник дистресса и социальной уязвимости, дестабилизирующее условие, в котором продолжается деятельность субъекта, а ожидание отвержения или жестокости усиливает бдительность и избирательность к угрозам. В результате напряженного тревожного прислушивания на фоне негативных ожиданий и онтогенетической значимости неодобрения растет вероятность искажения восприятия. Циклическое переживание дистресса при низкой самооценке в условиях бдительности снижает возможности регуляции и способствует

формированию СП. Устойчивые СГ — недооцененный фактор риска НССП и СП, связь параметров опосредуется психологическими переменными, которые должны выступать мишенью психологического вмешательства и профилактики.

Литература

1. Коченов М.М. Мотивация при шизофрении. М.: Изд-во МГУ, 1978. 87 с.
2. Любов Е.Б., Цупрун В.Е. Суицидальное поведение и шизофрения: биопсихосоциальный подход в диагностике, лечении и профилактике // Суицидология. 2013. Том 4. No 3(12). С. 3–16.
3. Mediators of the association between psychotic experiences and future non-suicidal self-injury and suicide attempts: results from a three-wave, prospective adolescent cohort study / Hielscher E. [et al.] // European Child & Adolescent Psychiatry. 2021. No 30. P. 1351–1365. doi: 10.1007/s00787-020-01593-6.

Психологические последствия сексуального насилия, пережитого в детском и подростково-юношеском возрастах

Тухтаева Д.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Луковцева З.В.

Актуальность изучения сексуального насилия как психотравмирующего события обусловлена ростом числа сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних. Например, в 2019 г. в РФ было зарегистрировано 14755 таких эпизодов, что существенно превысило более ранние показатели (для сравнения, в 2015 г. зафиксировано 12353 преступлений) (Россия в цифрах, 2020).

Реагирование на факт сексуального насилия зависит от возраста пострадавшего, его индивидуально-психологических особенностей, этапа психосексуального развития и условий совершения насилия. Современные исследования позволяют выделить нормативные и клинические последствия насилия, которые, в свою очередь, подразделяются на ближайшие и отдаленные. К ближайшим последствиям относят физические травмы и психические расстройства с острым течением (например, острую реакцию на стресс), а к отдаленным – нарушения физического и психического развития, психосоматозы, личностные и эмоциональные нарушения, проблемы социализации и интеграции в общество (Нуцкова Е.В., Бадмаева В.Д., 2020). Некоторые последствия сексуального насилия возникают сразу после случившегося, другие же носят отсроченный характер и проявляются спустя несколько лет (Фурманов И.А., Фурманова Н.В., 2004). Соответственно, необходимые методы оказания психологической помощи образуют две группы: применяемые на фоне травматического события (а также в ближайшее время после него) и те, которые более эффективны на отдаленных этапах преодоления травмы.

Реабилитация после сексуального насилия предполагает учет возрастной специфики его последствий как для психического здоровья, так и для психического развития пострадавших. Детям до 3 лет свойственны страхи, спутанность чувств, нарушение сна, потеря аппетита, агрессия. У дошкольников на первый план выступают эмоциональные нарушения. Детям младшего школьного и подросткового возраста свойственны амбивалентные чувства по отношению к взрослым, сложности в определении семейных ролей, страх, чувство стыда; в поведении отмечается отстраненность, агрессия (Щербакова Е.С., 2014)

Дальнейшее изучение данной темы повысит эффективность психологической помощи пострадавшим от насилия и сделает ее более дифференцированной в возрастном плане.

Литература

1. Нуцкова Е.В., Бадмаева В.Д. Последствия сексуального насилия и злоупотребления в отношении несовершеннолетних: гендерная специфика // Психология и право. 2020. Том 10. No 3. С. 235–247. doi: 10.17759/psylaw.2020100316.
2. Россия в цифрах 2020: краткий статистический сборник. М.: Росстат- М., 2020. 550 с.
3. Фурманов И.А., Фурманова Н.В. Психология депривированного ребенка: учебное пособие. М.: Владос, 2004. 319 с.
4. Щербакова Е.С. Психологические особенности детей, переживших насилие и формы работы с ними: методические рекомендации. Ханты-Мансийск: Юграфика, 2014. 69 с.

Психологическая безопасность образовательной среды в современном мире

Ульянина О.А., Хайрова З.Р.

Федеральный координационный центр по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Современные тенденции модернизации системы российского образования на сегодняшний день актуализируют потребность в создании безопасной образовательной среды и культуры психологической безопасности во взаимодействии участников образовательных отношений. Потребность в психологической безопасности становится доминирующей в условиях социальной дезорганизации, общественных изменений, разрушающих привычные стереотипы поведения и сложившийся образ жизни, приводящих к росту агрессии и насилия. Образовательные организации все чаще сталкиваются с кризисными ситуациями, влекущими за собой патологические последствия для психологического состояния участников

образовательных отношений. За последние два года зарегистрировано 210 резонансных кризисных событий с участием детей: вооруженные нападения несовершеннолетними на образовательные организации, детские суициды, случаи буллинга в подростковой среде, преступления сексуального характера в отношении несовершеннолетних, установленные факты жестокого обращения с детьми и иные происшествия, представляющие угрозу для здоровья и жизни детей.

В ходе анализа происшествий установлено, что несовершеннолетние правонарушители и жертвы находились в зоне пагубного воздействия, источниками которого являлись семья, школа, средства массовой информации. Результатом этого стали проявления агрессии, травли, личностные деструкции и др. Тяжесть данных состояний определяется продолжительностью неблагоприятного воздействия на обучающегося (Хайрова З.Р. и др., 2015, 2021).

В связи с этим, выше приведенные угрозы актуальны в той или иной степени для всех участников образовательных отношений, так как их последствия способствуют дестабилизации ситуации в образовательной организации, катализатором которых может выступать неготовность психологической службы оказывать адресную профессиональную помощь участникам образовательных отношений, в том числе экстренную психологическую помощь обучающимся, их родителям (законным представителям), педагогическим работникам, пострадавшим в результате кризисных ситуаций. Данный вид психологической помощи позволяет предупреждать деструктивное эмоционально-поведенческое реагирование детей и взрослых на кризисное событие и развитие психологической травмы.

Осознавая возрастающую роль экстренной психологической помощи в условиях образовательных организаций, сотрудники Федерального координационного центра по обеспечению психологической службы в системе образования ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФКЦ МГППУ) в 2022 г. провели мониторинг состояния оказания экстренной психологической помощи в системе образования. В мониторинге приняли участие представители 62 субъектов из всех федеральных округов Российской Федерации. По результатам исследования выяснилось, что в значительной части регионов за последние 5 лет не происходили события, требующие оказания экстренной психологической помощи на уровне субъекта Российской Федерации с участием антикризисного подразделения и/или с участием других организаций и специалистов. В то же время в каждом пятом субъекте-участнике мониторинга было зафиксировано от 10 до 50 чрезвычайных/кризисных ситуаций, в которых оказывалась экстренная психологическая помощь на уровне субъекта Российской Федерации. В мониторинге также приняли участие 11 560 специалистов государственных и муниципальных образовательных организаций, центров психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи из 75 субъектов Российской Федерации из всех федеральных округов России. Из общего числа опрошенных только 54% специалистов за последние 3 года повысили свою квалификацию в области оказания экстренной психологической помощи и/или оказания помощи лицам в кризисном состоянии длительностью свыше

16 академических часов, соответственно, оставшиеся 46% – не проходили подобного обучения за данный период. Полученные данные указывают на то, что менее половины психологов, принявших участие в мониторинге, не имеют подготовки в области оказания экстренной и кризисной психологической помощи, что создаёт риск развития неблагоприятных последствий для участников кризисных событий, которым не оказана своевременная помощь (Ульянина О.А. и др., 2022; Вихристюк О.В. и др., 2022).

Таким образом, результаты мониторинга позволили специалистам ФКЦ МГППУ осуществить работу по ряду направлений организационно-методического и экспертного сопровождения функционирования психологической службы в системе образования Российской Федерации по вопросам профилактики буллинга, проявления экстремизма и скулшутинга, а именно:

- обеспечение круглосуточной работы Горячей линии по оказанию психологической помощи несовершеннолетним и их родителям (законным представителям);

- осуществление выездов в регионы с целью оказания содействия в рамках экспертно-методического сопровождения и оценки ситуаций, связанных с организацией психолого-педагогического сопровождения резонансных ситуаций, в том числе антикризисное сопровождение несовершеннолетних временных переселенцев и оказание консультативно-методической помощи педагогическим работникам образовательных организаций;

- разработка учебно-методического пособия «Формирование безопасной образовательной среды и обеспечение системы оказания экстренной психологической помощи обучающимся»;

- разработка методических рекомендаций по проведению «Недели психологии – 2022 в образовательных организациях субъектов Российской Федерации», в которых ключевой идеей явилось формирование стрессоустойчивости у обучающихся по программам начального общего образования, основного общего и среднего общего образования;

- разработка методических рекомендаций для педагогов-психологов образовательных организаций по вопросам психолого-педагогического сопровождения обучающихся, находящихся в кризисном эмоциональном состоянии;

- разработка программы комплексного психолого-педагогического сопровождения обучающихся, находящихся в трудной жизненной ситуации «Я в мире и мир во мне»;

- подготовка предложений о реализации мероприятий, содержащихся в рекомендациях Комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей по итогам парламентских слушаний на тему: «О роли государственных органов власти и общественных организаций по предотвращению вооруженных нападений на детей и подростков в образовательных организациях».

В связи с вышеизложенным можно сделать вывод о том, что обеспечению и формированию психологической безопасности образовательной среды препятствуют:

распространенность деструктивного контента средств массовой информации, школьных и семейных угроз; наличие у участников образовательных отношений неблагоприятных психологических состояний; неготовность специалистов психологических служб образовательных организаций к оказанию экстренной и кризисной психологической помощи; несвоевременное выявление «группы риска» и предупреждение ненормативного поведения, провоцирующего возникновение отрицательных психологических последствий.

Литература

1. Миллер Л.В. Модель экстренной психологической помощи [Электронный ресурс] // Теоретические и прикладные аспекты деятельности Центра экстренной психологической помощи МГППУ: сборник научных статей. М.: МГППУ, 2011. С. 21–54. URL: <https://psyjournals.ru/cepp/issue/45300.shtml> (дата обращения: 27.10.2022).
2. Модель оказания экстренной психологической помощи пострадавшим в чрезвычайных происшествиях и кризисных ситуациях: зарубежный и отечественный опыт [Электронный ресурс] / О.В. Вихристюк [и др.] // Вестник практической психологии образования. 2022. Том 19. No 1. С. 87–98. URL: https://psyjournals.ru/vestnik_psyobr/2022/n1/Vikhristyuk_et_al.shtml (дата обращения: 27.10.2022). doi: 10.17759/bppe.2022190108.
3. Хайрова З.Р., Кнышева Т.П., Кукленкова А.В. Личная безопасность как основа сохранения психологического здоровья школьников в условиях дистанционного обучения // Приверженность вопросам психического здоровья: материалы международной научно-практической конференции: Москва, РУДН, 7 октября 2021 г. / Под ред. О.Б. Михайлова, З.Р. Хайрова, Е.Б. Башкин. М.: РУДН, 2021. – С. 391–397.
4. Хайрова З.Р., Поваляев В.И. Актуальность проблемы моббинга среди подростков в образовательном учреждении // Психологическая культура и психологическое здоровье личности в современных социокультурных условиях: региональная научно-практическая конференция: Тольятти, 26 января 2015 года: сборник материалов / Отв. ред. В.Е. Якунин, Е.А. Денисова, В.В. Пантелева. – Тольятти: Изд-во ТГУ, 2015. С. 223–227.
5. Экстренная психологическая помощь в системе образования: современное состояние / О.А. Ульянина [и др.] // Психологическая наука и образование. 2022. Том 27. No 4. С. 88–99. doi: 10.17759/pse.2022270409.

Актуальные вопросы профилактики терроризма

Шарафутдинова Н.В.

ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя»
(г. Москва, Россия)

Эффективность деятельности многих институтов социализации и профессионального развития личности во многом зависит от знаний психологии, в том числе психологии терроризма с целью недопущения, профилактики девиантного поведения личности и группы. Научных исследований, посвященных психологии терроризма, достаточно много. Ученые всего мира пытаются объяснить феномен терроризма, рассматривая его с точки зрения социологии, биологии, психологии, юриспруденции, педагогики и пр. В психологической науке данная проблема рассматривается в юридической психологии, психологии девиантного поведения, психологии виктимного поведения, опираясь на базовые знания психологии личности, социальной психологии и других научных дисциплин.

Цель нашего исследования заключается в пересмотре накопленных научных знаний и разработке учебно-методических материалов по дисциплине Психология терроризма. Проблему девиантного поведения личности мы уже ранее отражали в своих работах, делая акцент на научные концепции и теории, объясняющие отклоняющееся (девиантное) поведение личности, его виды и особенности. Были предложены общие подходы к профилактике и коррекции девиантного поведения личности (Шарафутдинова Н.В., 2018).

Девиантное, преступное поведение как система поступков личности, группы, отклоняющихся от принятых в обществе норм, позволяет увидеть нерешенные проблемы личности, социальной группы, общества и выбрать нужные направления работы, скорректировать имеющиеся планы, профилактические программы.

Готовя специалистов в данном направлении, мы скорректировали планы и сформулировали следующие основные задачи: 1) внесение изменений в основную образовательную программу; 2) введение дополнительных часов на изучение психологии терроризма; 3) реализация комплексного междисциплинарного подхода в анализе психологии террориста, террористической деятельности.

Такой подход к решению данной проблемы, достижению основной цели позволит обучающимся изучать психологию терроризма, его основные виды и особенности; анализировать подходы к исследованию терроризма; изучать психологию личности террориста, террористических групп и формировать умения и навыки объяснения девиантного поведения личности и группы; реализовывать профилактические и коррекционные мероприятия.

Для решения данной проблемы, на наш взгляд, важно не упустить следующие аспекты при подготовке специалистов: 1) разъяснение, уточнение научных определений понятий: девиантное, преступное, делинквентное поведение, терроризм и террористический акт и др.; 2) раскрытие психологии преступного деяния, психологического механизма и структурных элементов преступного деяния; 3) анализ мотивации террористической деятельности; 4) изучение опыта предупреждения, пресечения террористических актов (Косяченко В.И., 2018) и анализ последствий актов террора для личности, группы, общества в целом.

Трудно не согласиться с мнением В.А. Соснина, что «при изучении мотивации

террористов (а это один из наиболее актуальных психологических аспектов) исследователи зачастую недостаточно внимания уделяют вопросу значимости материальной выгоды как мотивирующего фактора участия в акциях террористических групп» (Соснин В.А., 2016), не уделяют должного внимания такому сложному феномену как терроризм.

Таким образом, при решении актуальных вопросов профилактики терроризма важно своевременно осуществлять психологическую подготовку специалистов с учетом предложенных рекомендаций.

Литература

1. Предупреждение и пресечение террористических актов в г. Волгограде в период подготовки и проведения игр чемпионата мира по футболу 2018 г.: учебное пособие / В.И. Косяченко [и др.]. Волгоград: ВА МВД России, 2017. 58 с.
2. Соснин В.А. Психология терроризма и противодействия ему в современном мире. М.: Институт психологии РАН, 2016. 341 с.
3. Шарафутдинова Н.В. Психология девиантного поведения: учебно-методическое пособие. М.: АРКТИ, 2019. 208 с.

Мотивация к шоплифтингу в подростково-юношеском возрасте

Шаронина В.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Бусарова О.Р.

Шоплифтинг - это особый вид воровства, при котором осуществляется невооружённое хищение товара из магазина (Малова Е.О., 2020). Для любого региона страны эта тема актуальна, тем более, учитывая тот факт, что шоплифтинг стал уже субкультурным явлением.

Под воровством (кражей) согласно КоАП РФ (Статья 7.27. Мелкое хищение) и УК РФ (ст. 158) понимается тайное хищение чужого имущества. В отчете МВД РФ о состоянии преступности с января по август 2021 года говорится, что половину всех зарегистрированных преступлений (54%) составляют хищения чужого имущества, около трети (35,8%) составляют кражи (Официальный сайт МВД РФ).

В своей книге «Почему богатые женщины воруют в магазинах — когда у них есть все» Джон Брэди перечисляет 15 категорий магазинных воров на основе его наблюдений в клинических условиях.

1. Импульсный.
2. Компульсивный.
3. Атипичный магазинный вор (отсутствие экономической мотивации).
4. Клептоман.
5. Искатель острых ощущений.
6. Трофейный магазинный вор.
7. Ворующий для признания сверстников.
8. Уравнитель (как бы «уравнивает» несправедливое отношение к себе в обществе).

9.Оппортунист.10 Профессионал (заработок на воровстве, отсутствие раскаяния). 11.Экономически неблагополучный. 12. Предварительно-преступный вор. 13. Наркоман или алкоголик (кражи для поддержки пагубной привычки, небольшое предварительное планирование). 14. Страдающий болезнью (медицинское/психическое расстройство). 15. Химический/алкогольный магазинный вор. Изменённое состояние сознания, дезориентация (Brady, J. C., 2013).

Было принято решение провести собственное исследование. Выборку составили подписчики самого крупного канала о шоплифтинге, люди подросткового и юношеского возраста, от 11 до 17 лет включительно. Согласно возрастной периодизации Д.Б Эльконина, возраст от 11 до 14 лет — подростковый возраст, а от 15 до 17— ранняя юность\старший подростковый возраст (Эльконин Д. Б., 1971). Выборка составила 36 человек, 50% мужской пол, 50% женский. Отдельно стоит отметить, что для конечной выборки исследования учитывались только те, кто воруют на постоянной основе. Всех участников удалось разделить на 3 группы по критерию основного места жительства:

1. Столичные мегаполисы
2. Регионы с развивающейся экономикой
3. Регионы с имеющимися экономическими проблемами

Результаты показывают, что в столичных мегаполисах основной мотив при совершении краж – азарт, в регионах с экономическими проблемами опрашиваемые ссылаются на экономический фактор, а в регионах с развивающейся экономикой соотношение этих мотивов составило 50\50. Исследование показало, что на совершение кражи не всегда влияет только экономическое состояние города и экономическое положение семьи. Многое зависит от индивидуально – личностных характеристик отдельного человека, от того, какой уровень жизни для него считается комфортным. Каждая история любого человека складывается из его уникального жизненного опыта, воспитания и черт характера.

Литература

1. Малова Е.О. Современные реалии асоциальных проявлений подростков в интернет-пространстве // Инновационное развитие профессионального образования. 2020. No 2(26). С. 107–114.
2. Характеристика состояния преступности в РФ за январь-август 2021 года [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/26023627/> (дата обращения: 27.09.2022).
3. Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 1971. Том 4. No 1. С. 68–77.
4. Brady J.C. Why rich women shoplift – when they have it all. San Jose: Western Psych Press, 2013. 280 p.

Эмоционально-смысловые характеристики лиц, системно употребляющих ПАВ, в методике «Цветовой тест отношений»

Шипицын Д.Ю.

Московский научно-практический центр наркологии ДЗМ Москвы.

Филиал №8

(г. Москва, Россия)

Методика А.М. Эткинда «Цветовой тест отношений» представляет практический интерес в плане патопсихологической диагностики лиц, зависимых от ПАВ, в силу его компактности и способности преодолевать установочное поведение при ответах. В методику нами были добавлены слова-стимулы: «наркотик», «алкоголь», «полиция».

Объект: Ассоциативная сфера лиц, имеющих наркологические диагнозы.

Предмет: Характеристики эмоционально-смыслового компонента в методике ЦТО у лиц, злоупотребляющих наркотическими веществами и алкоголем.

Выборка: основную группу составили 167 пациентов отделения медицинской реабилитации при наркодиспансере № 8 ДЗ Москвы, состоящих на учете, имеющих наркологические диагнозы (34% из них направлены по решению суда) и 150 лиц, прошедших обследование у нарколога для получения справок для тех или иных целей, не имеющих наркологических диагнозов – контрольная группа. Обследование проводилось с сентября 2021 года по сентябрь 2022 года. Возраст 18-50 лет.

Мат. методы: Хи-квадрат Пирсона, SPSS-21.

Цель исследования: выявить возможности методики ЦТО для нужд реабилитационной диагностики лиц, системно употребляющих ПАВ.

Результаты и выводы:

1) Выявлены две сцепки, значимо различающиеся ($p < 0,05$) по частоте встречаемости у лиц, системно употребляющих ПАВ, в сравнении с группой нормы: «я-ребенок», «я-удовольствие». Позитивные по смыслу слова, ассоциированные со словом «алкоголь» или «наркотик», не отличают группу зависимых в целом от контрольной, как предполагалось ранее. 94% представителей основной и 99% контрольной групп ассоциировали наркотики со словами «смерть», «боль», «враги» и кодировали его черным цветом.

2) У лиц с третьей стадией алкоголизма и лиц, имевших в анамнезе ежедневное употребление психостимуляторов «Альфа-пвп» не менее года, значимо чаще ($p < 0,05$) отмечаются две особенности работы с методикой: 1) использование лишь половины предложенных цветов, иногда меньше, 2) персеверативные цепочки сверху в них в ячейках для цифр в бланке, например «4,4,4,4,4,3,3,3,3,8,0,6,6,5,5,5,5,7,2 итд), вероятно указывающие на сниженную способность к отторгиванию программы действия, а по данным других методик патопсихологического обследования указывающих

на наличие когнитивных дефицитов, особенно в плане активного внимания и мышления.

3) Более всего скрыть употребление ПАВ стараются женщины, дети которых временно изъяты из семьи по решению КДН (комиссии по делам несовершеннолетних), они называют себя лучшими матерями. Для них характерны эмоционально-смысловые связки ($p < 0,05$), указывающие на конфликтные отношения в семье: «мать-унижение», «мать-грубость», «алкоголь-власть», «отец-страх». Из них для многодетных женщин характерна связка «алкоголь-одиночество», указывающая на актуализацию потребности в алкоголе из-за ощущения одиночества, а вероятнее - потребности отдохнуть от бытовых хлопот. Мужчины, декларирующие отсутствие системного употребления наркотиков вопреки объективным данным анализов, значимо чаще имели связки, связанные с полицией ($p < 0,05$): «я-полиция», «полиция-наркотик», «полиция-угроза», «полиция-грубость».

4) Для лиц основной группы, в анамнезе которых имеется диагноз шизофрения характерны ($p < 0,05$) дисгармоничные взаимоисключающие связки, ассоциированные с образом «я»: «я-радость» и одновременно «я-горе», «я-жизнь», «я-смерть». Лица с выраженной депрессивной симптоматикой в анамнезе имеют связки «я-смерть», «я-унижение», чаще кодируют себя черным цветом.

Литература

1. Иванец Н.Н. Проблемы диагностики и лечения алкоголизма и наркоманий. М.: Анахарсис, 2001. 112 с.
2. Эмоциональные и когнитивные нарушения в структуре наркологических заболеваний: взаимовлияние и взаимосвязь / О.Ж. Бузик [и др.]. Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2014. Том 114. No 5-2. С. 7

Судебная психологическая экспертиза: немного об эволюции

Шипшин С.С.

ФБУ «Южный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации»
(г. Ростов-на-Дону, Россия)

2022 год – год 45-летия выхода книги М.М. Коченова «Судебно-психологическая экспертиза». Данная работа стала фундаментальным трудом, который подвел итог развития судебной психологической экспертизы (СПЭ) в стране на тот момент и одновременно определил путь ее развития на десятилетия вперед. В связи с этим необходимо понять тенденции развития СПЭ на современном этапе.

Рассмотрение эволюции СПЭ предполагает анализ особенностей развития на

содержательном и организационном уровнях в период, предшествовавший появлению вышеназванной книги М.М. Коченова, и в последующий период, а также – в дальнейшей перспективе.

Развитие СПЭ в условиях деинституализации СПЭ на содержательном уровне выразилось в отказе от научно-методических основ и опыта использования СПЭ в практике правоохранительных органов и длительной дискуссии о правомерности применения специальных психологических знаний в форме экспертизы. Важным итогом явилось включение СПЭ в класс судебно-медицинских и психофизиологических экспертиз (классификация судебных экспертиз А.Р. Шляхова). На организационном уровне следует отметить отсутствие системы государственных судебно-экспертных учреждений, проводящих СПЭ.

Система СПЭ М.М. Коченова, основанная на предметно-процессуальном принципе, послужила толчком к практическому применению СПЭ, и открыла современный этап развития психологической экспертизы. На содержательном уровне это проявилось в:

- выделении обособленных видов СПЭ, уточнении и дополнении экспертных задач в соответствии с развитием психологической науки и законодательства;
- расширении сферы применения СПЭ в гражданском процессе;
- развитии комплексирования, прежде всего в виде комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы; устойчивое комплексирование специальных знаний психологии и лингвистики в виде комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы;
- решении новых экспертных задач – проспективных;
- появлении новых самостоятельных объектов СПЭ – информационных материалов, с разработкой методологии психологической экспертизы информационных материалов.

На организационном уровне это проявилось в:

- производстве СПЭ в государственных СЭУ Минюста и Минздрава России;
- закреплении СПЭ в качестве родовой судебной экспертизы в перечне судебных экспертиз, проводимых в СЭУ Минюста России;
- трансформации СПЭ в системе СЭУ Минюста России – появление двух видов СПЭ: «Исследование психологии человека» и «Психологическое исследование информационных материалов»;
- организации межведомственного взаимодействия между СЭУ Минюста и Минздрава России;
- появлении частных организаций, проводящих СПЭ, создание конкурентной среды на рынке экспертных услуг;
- проведении негосударственными экспертами экспертиз со спорными (с методологической, процессуальной точек зрения) подходами к комплексированию, экспертным задачам и методам.

Современное состояние и практика СПЭ задают несколько векторов ее дальнейшего развития. На содержательном уровне:

- разработка методических основ и методического обеспечения тех видов/подвидов СПЭ, которые не нашли должного применения на практике;
- разработка новых видов/подвидов СПЭ в уголовном и гражданском процессах (например, оценка морального вреда действиями обвиняемого в сексуальном насилии);
- верификация и стандартизация экспертных психологических методик, применяемых экспертами-психологами вне зависимости от их ведомственной принадлежности. Этот перечень открыт...

На организационном уровне:

- разработка требований к экспертным психологическим методикам, их верификация и стандартизация; создание реестра экспертных психологических методик;
- сертификация экспертов-психологов (государственных и негосударственных), создание единого реестра экспертов-психологов;
- сертификация негосударственных экспертных учреждений, занимающихся СПЭ.

Очевидно, что перечень мероприятий организационного уровня, направленный на повышение научно-методического уровня СПЭ и достоверности заключений экспертизы, не исчерпывается вышеперечисленным. Однако решение этой проблемы будет возможно после принятия нового федерального закона о судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации.

Психологические аспекты профилактики скулшутинга в образовательных организациях

Щеглова А.А., Дворянчиков Н.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Проблема вооруженных нападений на территории учебных заведений на данный момент является наиболее острой. Преступления подобного рода до недавнего времени были распространены на Западе, сейчас же таких преступлений все больше и на территории России.

Говоря о рисках безопасности образовательной среды, связанных с агрессивным поведением обучающихся, специалисты понимают следующее:

- насильственные действия (в том числе, с применением оружия) со стороны обучающихся и бывших выпускников по отношению к другим обучающимся, к педагогам и персоналу образовательных организаций;
- участие обучающихся в деятельности деструктивных организаций и деструктивных субкультурных формирований.

Термин «скулшутинг» (англ. school shooting) определяется как применение вооружённого насилия на территории образовательных учреждений, которое нередко

выливается в массовые убийства. Жертвами чаще всего становятся незнакомые преступнику люди и выбираются они по обстоятельствам.

В современной психологии выделяют 3 типа преступников, совершающих вооруженные нападения: психопаты, психотики и травматик. К первому типу относятся лица, для которых характерны нарциссизм, эгоцентризм и отсутствие эмпатии. Они не чувствуют сожаления или раскаяния за совершенные деяния. Ко второму типу относятся лица, страдающие органическими расстройствами личности. Диагноз таким лицам не был вовремя поставлен, а соответственно не было назначено лечение. К третьему типу относятся подростки, пережившие травматическое событие.

Все преступления, связанные с шутингом, схожи между собой: преступления совершают молодые, иногда несовершеннолетние люди, замкнутые, конфликтующие со сверстниками и преподавателями. Выделить такого подростка зачастую непросто, увлекается он тем же, что и все остальные подростки его возраста: серфинг в интернете, книги и т.д.

Выделяются следующие предикаты возникновения рисков безопасности образовательной среды:

1. На уровне обучающегося:

- отсутствие эмоционального контакта с родителями;
- отсутствие дружеских отношений с одноклассниками;
- отсутствие доверительного контакта с педагогами;
- отсутствие образа себя в будущем;
- проявления агрессивного поведения;
- участие в деструктивных организациях, субкультурах;
- интерес к насилию, оружию, к эстетике, связанной с агрессией;
- уклонение от общественных обязанностей.

2. На уровне образовательной организации:

- проявления буллинга и кибербуллинга (как со стороны учеников, так и со стороны преподавателей и администрации учреждения);
- формальный подход к воспитательной работе.

Также мы можем говорить о том, что благодаря социальным сетям возможно выделить лиц группы риска. Зачастую подросток, который собирается совершить подобное преступление, оставляет «следы» в своих социальных сетях. Такие, как странный пост или странное сообщение кому-то из друзей. Разумеется, зачастую это не имеет за собой идею массового убийства, но такие детали должны рассматриваться как угроза безопасности.

На данный момент недостаточно механизмов ранней диагностики и профилактики агрессивного поведения учащихся. Однако, выделим основные мероприятия, необходимые в целях профилактики скулшутинга:

- Изучение групповой динамики в коллективе учеников.

– Наблюдение за ситуацией в коллективе, определение копинг-стратегий учеников, того, как выстраивают ученики свой статус в глазах сверстников, учителей и администрации учреждения.

– Наблюдение за поведенческой реакцией учеников в различных жизненных обстоятельствах.

– Семья играет большую роль в формировании поведения подростка, ребенок может проецировать поведение родителей на сверстников, учителей и т.д.

Литература

1. Ениколопов С.Н., Мешкова Н.В. Психологические аспекты «Преступлений ненависти» // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2008. No 2(15). С. 63–74.
2. Langman P. Rampage school shooters: a typology // Aggression and Violent Behavior. 2009. Vol. 14. No 1. P 79–86. doi: 10.1016/j.avb.2008.10.003.

Психогенное индуцирование, осуществляемое разведенным родителем, как форма эмоционального насилия

Адмакина Т.А.

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

(г. Санкт-Петербург, Россия)

Статья посвящена «психогенному индуцированию» – явлению, при котором один родитель влияет на мнение ребенка, навязывает свою позицию и формирует негативный образ другого родителя после развода (Харитонов Н.К. и др., 2014). Таким образом, ребенок, оказавшийся в поле власти родителя-индуктора, подвергается эмоциональному насилию.

Безосновательное уничтожение и обесценивание образа мамы/папы наносит ущерб детской психике.

Внедрение негативных чувств к другому родителю равносильно прививанию ненависти у ребенка к самому себе. Это рождает в детской психике внутренний конфликт, нарушение личностной идентичности (Адмакина Т.А., 2022).

У таких детей наблюдаются серьезные психосоциальные нарушения. Они склонны вступать в беспорядочные половые связи, чаще разводятся, имеют больше шансов иметь детей вне партнерства и быть изолированными от своих собственных детей (Baker A. etc, 2006).

Такие дети несамостоятельны и длительно зависят от родителя, с которым проживают и чье мнение активно поддерживают.

Переживания, вызванные семейной ситуацией, могут негативно сказываться на успеваемости и адаптации ребёнка к школе.

Обесцененный родитель также оказывается в сложной, эмоционально выматывающей ситуации. Он хочет участвовать в жизни ребенка, и, как правило, пытается решить ситуацию правовым путем, но зачастую это не приводит к восстановлению связи с сыном/дочкой.

В моем исследовании приняли участие 29 женщин, которые после развода не имеют возможности воспитывать своих детей ввиду того, что дети подвергаются психогенному индуцированию со стороны отца. Возраст группы варьирует от 33 до 47 лет. Средний возраст – 33,4.

Применялась методика «Семантический дифференциал» Ч.Осгуда. Испытуемые оценивали свой родительский образ по предоставленным стандартным шкалам.

Остановимся на обсуждении шкал: «слабый-сильный», «активный-пассивный». По обозначенным параметрам (в сравнении со всеми остальными) получены высокие показатели дисперсий: $M=1,03$, $D=3,17$; $M=0,1$, $D=3,82$ соответственно.

Результаты указывают на высокий разброс значений, отсутствие единообразия ответов по обозначенным категориям у изучаемой группы. Кто-то чувствует беспомощность, в то же время ряд родителей ощущают силы бороться и судиться. Но чаще всего, в их психическом пространстве присутствует внутренний истощающий конфликт – «я вынужден что-то делать, но уже не могу и не вижу смысла». Вот комментарии таких родителей: «Я же не все попробовала, но я не знаю, что еще могу сделать», «Признаю, что лучше не будет, но все еще тлеет надежда», «Чувствую бессилие и тщетность попыток», «Чувствую себя предателем, потому что не могу помочь ребенку», «Никакого КПД. Куда двигаться?».

Спокойствие и четкая, непротиворечивая позиция такого родителя является фактором психологического благополучия ребенка. Ведь мальчик (девочка), оставшийся без любви и заботы мамы, которую любит, но вынужденно демонстрирующий ненависть, относится к группе риска (невроз, депрессия, девиация и делинквентность).

Родитель, оказывающий эмоциональное насилие, не обращается за психологической помощью. А, значит, профессиональному сообществу необходимо держать фокус на поддержке обесцененного родителя как источника и основу эмоционального благополучия ребенка.

Литература

1. Адмакина Т.А. Проективные маркеры психогенного индуцирования в рисунках детей в ситуации психолого-педагогической экспертизы // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Том 19. No 2. С. 373–381. doi: 10.17323/1813-8918-2022-2-373-381.
2. Методологические основы проведения комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз при спорах о праве на воспитание детей: методические рекомендации для экспертов / Н.К. Харитоновна [и др.] // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. No 3(35). С. 93–106.
3. Baker A.J.L., Darnell D. Behaviors and strategies employed in parental alienation: A Survey of Parental Experiences // Journal of Divorce and Remarriage. 2006. Vol. 45. No 1–2. P. 97–124. doi: 10.1300/J087v45n01_06.

Порядок психологического обследования кандидатов в приемные родители в Московской области

Альшанова Н.Н., Бельченко М.А., Рожков О.П., Пешкова Н.В.

Совет руководителей служб сопровождения при Министерстве Социального развития
Московской области
(Московская область, Россия)

Имеющиеся факты жестокого обращения с приемными детьми и возвраты детей из приемных семей послужили основными причинами для реализации

психологического обследования кандидатов в замещающие родители. На федеральном уровне в ст. 146 Семейного кодекса РФ зафиксировано, что «при назначении ребенку опекуна (попечителя) учитываются **нравственные и иные личные качества опекуна (попечителя)**», однако данная норма не определяет способа данной оценки.

Проблема психологического обследования граждан, изъявивших желание принять в семью ребенка-сироту или ребенка, оставшегося без попечения родителей, решается разработкой региональных нормативных актов. В Подмосковье впервые в 2020г. был утвержден порядок организации и проведения психологического обследования кандидатов в приемные родители. На сегодняшний день данный порядок регламентируется распоряжением Министерства социального развития Московской области от 21.06.2022 №20 РВ-178. Он разработан в рамках реализации исполнения поручений Президента Российской Федерации по вопросам опеки и попечительства над детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, от 7 мая 2017г. № Пр-913 г. Психологическое обследование граждан проводится только с их письменного согласия. Проведённый Министерством образования и науки Российской Федерации мониторинг показал, что 92% школ приёмных родителей уже проводят психологическое обследование кандидатов.

В Подмосковье была разработана технология психологического обследования кандидата в замещающие родители и она прошла апробацию с 2013 года в службах сопровождения замещающих семей Московской области. Цель психологического обследования - оценка психологической готовности граждан к приему детей, оставшихся без попечения родителей, в семью и исключения рисков возврата детей из замещающих семей. Проведение обследования включает в себя предварительный (анализ анкеты, первичная беседа), основной (психологическое обследование с помощью методик и при необходимости выезд в семью), заключительный (анализ консилиумом результатов психологического обследования, составление заключения) этапы. Психологическое обследование граждан проводится с использованием единого утвержденного перечня методик, специалисты вправе использовать дополнительные методики в случае необходимости. К перечню обязательных методик относятся: Анкета для кандидатов в замещающие родители, «Опросник мотивации приема» (В.Н. Ослон), «Стандартизированный метод исследования личности, СМИЛ», «Индивидуально-типологический опросник, ИТО», «Метод диагностики межличностных отношений, ДМО (ЛИРИ)», «Тест портретных выборов» (Л. Сонди), «Опросник выраженности психопатологической симптоматики, SCL-90-R» (адаптация Н.В. Тарабриной), «Индекс жизненного стиля» (Р. Плутчик, Г. Келлерман, Х.Р. Конте), «Опросник оценки агрессии» (адаптация Д.Г. Суходольского, С.В. Цыцарева), «Метод цветных выборов, МЦВ», «Опросник измерения родительских установок и реакций, PARI» (адаптация Т.Н. Нещерет), «Шкала семейной адаптации и сплоченности, Faces-3» (Д.Х. Олсон), «Опросник ролевых ожиданий и притязаний в браке, РОП» (А.Н. Волкова).

В Московской области регулярно проводится обучение психологов по проведению психологического обследования, в том числе на базе МГОУ был разработан и реализован курс повышения квалификации продолжительностью 72 ч. Граждане вправе оспорить заключение, обратившись в региональную Комиссию по рассмотрению спорных вопросов психологического обследования и сложных случаев сопровождения замещающих семей или в судебном порядке. На данный момент в Московской области актуальной является задача разработки алгоритма психологического обследования приемных детей, позволяющей оценить актуальное эмоциональное состояние детей, детско-родительские отношения в замещающей семье.

Связь стиля привязанности, родительского стресса и стилей воспитания у людей среднего возраста

Бодрова О.К.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского»
(г. Москва, Россия)

Актуальность темы продиктована изменениями в представлениях о родительстве и в вопросах подходов к воспитанию, стремлении современных родителей соответствовать новым формам воспитания, и как следствие, повышающимся стрессе на фоне желания соответствовать новым требованиям от родителей. Реализация своих родительских ролей происходит у взрослых неотделимо от общения с близкими, при этом взаимодействие с партнером и с членами семьи происходит у каждого индивида по-разному. Такое общение чаще всего происходит на основе своего детского опыта общения с родителями, что отражено в теории привязанности (Боулби; Эйнсворт; Гроссман и др.). При имеющемся недостатке ресурсных примеров стратегий взаимодействия с родителями, в ситуациях стресса, связанного с собственным родительством, будет недостаточно вложенных ресурсов, чтобы справляться со сложными ситуациями и избирать конструктивные стратегии воспитания. Важность воспитания в становлении ребенка трудно переоценить, поэтому данное исследование может помочь находить наиболее эффективные пути работы с родителями и детьми.

Цель исследования - выявление взаимосвязей между имеющимся стилем привязанности, родительским стрессом и стилями воспитания у родителей детей от 3 до 7 лет.

Для исследования были опрошены взрослые (n=74) среднего возраста (25-45 лет) обоих полов, имеющие 1 и более ребенка дошкольного возраста от 3 до 7 лет. Исследование проводилось с помощью google-forms, включало социально-демографическую анкету, опросники «Опыт близких отношений», «MIMARA»,

«Шкала родительского стресса», «АСВ», статистические методы с помощью программы SPSS, U-критерий Стьюдента, коэффициент корреляции Спирмена.

Гипотеза исследования: существует взаимосвязь между стилем привязанности, родительским стрессом и стилями воспитания у взрослых среднего возраста, имеющих детей дошкольного возраста.

Результаты. Беспокорство, негативный эмоциональный фон и ревность в отношениях тесно связаны со всеми составляющими родительского стресса. Избегание в отношениях менее связано с родительским стрессом, чем беспокорство. Чем сильнее выражен стресс от родительской роли, тем более выражены у родителей неразвитость родительских чувств, чрезмерность наказаний, игнорирование потребностей ребенка, и наоборот, при отсутствии родительского стресса родители более чувствительны к потребностям ребенка, применяют меньше наказаний, стремятся к удовлетворению потребностей ребенка. Сравнение по стилям привязанности оказалось не так чувствительно к стилям воспитания.

Указанные обобщенные результаты могут быть полезны в психотерапевтической практике семейных отношений, профилактике родительского выгорания, налаживании детско-родительских и супружеских отношений, предотвращении применения дисгармоничных стилей воспитания, профилактике семейного насилия.

Литература

1. Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003. 447 с.
2. Варга А.Я., Смехов В.А. Психологическая коррекция взаимоотношений детей и родителей // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. 1986. No 4. С. 22–33.
3. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учебное пособие для студентов вузов, обучающимся по специальностям психологии / О.А. Карабанова. – М.: Гардарики, 2005. 320 с.
4. Поливанова К.Н. Современное родительство как предмет исследования // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2015. Том 7. No 3. С. 1–11. doi: 10.17759/psyedu.2015070301.
5. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи - 4-е изд., перераб. и доп. М.: Питер, 2008. 668 с.
6. Abidin R.R., Flens J.R., Austin W.G. The parenting Stress Index // Forensic Uses of Clinical Assessment Instruments / Ed. R.P. Archer. 3rd edition. New York: Routledge, 2006. P. 297–328.

Постдидактическое стрессовое расстройство

Ганузин В.М.

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет»

(г. Ярославль, Россия)

Анализ научной литературы свидетельствует о том, что буллинг, виктимизация, педагогическое насилие и дидактогения широко распространены в образовательной среде (Барбина В.Д. и соавт., 2019; Avanesian G. et al.,2021). Проведенное ранее нами анкетирование 220 учащихся выявило у них психические и психовегетативные отклонения. Данные отклонения мы расценили как постдидактическое стрессовое расстройство (ПДСР) (Ганузин В.М.,2021).

В МКБ-11 предлагаемая новая группа «Расстройств, непосредственно связанных со стрессом» включает расстройство адаптации, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) и сложное ПТСР (Maercker A. et al.,2013). Однако в данном разделе не выделено ПДСР детей, обусловленных школьной средой, буллингом и педагогическим насилием. Мы считаем, что ПДСР является одним из синдромов ПТСР и оно может быть включено в рубрику МКБ-11.

Нами предложена классификация постдидактического стрессового расстройства. *Классификация включает следующие виды ПДСР: По течению: Острое - ПДСР с периода воздействия до 3 месяцев. Характерно яркое проявление симптомов: страх, тревога, избегание контактов с буллером. Подострое - ПДСР до 3-6 месяцев, в зависимости от тяжести травмирующих факторов: страх, тревога, избегание контактов с буллером и т.д. выражены менее ярко по сравнению с острым течением. Хроническое - ПДСР более 6 месяцев. Выявляются признаки истощения нервной системы, со стороны ребенка появляется эгоизм, грубость к членам семьи, равнодушие к окружающим людям, событиям. Усиливаются психовегетативные симптомы, появляется депрессия, тревожные расстройства, панические атаки, агрессия, суицидальные попытки.*

Отсроченное - ПДСР симптомы проявляются через полгода и более после воздействия психотравмирующей ситуации. Деформации эмоционально-волевой сферы. Возникают при длительном хроническом течении ПДСР. Развиваются приступы тревоги, страха, паники. Заостряются негативные черты характера.

По тяжести: Легкое - симптомы со стороны отклонения в психике незначительные. *Среднетяжелое -* симптомы со стороны отклонения в психике умеренные, появляются вегетативные нарушения со стороны органов и систем. *Тяжелое -* все симптомы и синдромы резко выражены, в том числе и психовегетативные (бледность и усиленное потоотделение, тремор кистей рук, скачки АД, головные боли и боли в области сердца, тахикардия, аритмия и др.).

Фаза острого кризиса возникает непосредственно после воздействия психотравмирующего фактора.

Фаза ПДСР возникает непосредственно после воздействия психотравмирующего фактора или через определенный временной период и зависит от остроты и тяжести психотравмирующих факторов. *Ранний восстановительный период* возникает после прекращения психотравмирующих факторов самостоятельно или под воздействием проводимых

противобуллинговых мероприятий и начале психотерапевтической терапии. *Поздний восстановительный период* возникает после прекращения психотравмирующих факторов под воздействием проводимых противобуллинговых мероприятий, с учетом продолжительной реабилитации.

Заключение. Учитывая актуальность проблемы, мы предлагаем на данной конференции обсудить проблему ПДСР, его классификацию и возможность включения его в рубрику МКБ-11.

Литература

1. Барбина В.Д., Слепухина Г.В. Проблемы буллинга в образовательной среде // *Modern Science*. 2019. No 12–2. С. 326–330.
2. Ганузин В.М. Влияние психотравмирующих факторов в детском и подростковом возрасте на их жизненную парадигму (обзор) // *Практическая медицина*. 2021. Том 19. No 6. С. 26–31. doi: 10.32000/2072-1757-2021-6-26-31.
3. Bullying in the Russian secondary school: predictive analysis of victimization / G. Avanesian [et al.] // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. Article ID 644653. 17 p. doi: 10.3389/fpsyg.2021.644653.
4. Diagnosis and classification of disorders specifically associated with stress: proposals for ICD-11 / A. Maercker [et al.] // *World Psychiatry*. 2013. Vol. 12. No 3. P. 198–206. doi: 10.1002/wps.20057.

Девиантная виктимность подростков, подвергшихся жестокому обращению в семье

Григорова З.Н., Шустрова М.В.

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет»
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Подростки в современной действительности являются одной из самых незащищенных и уязвимых групп. Именно в этом возрасте увеличивается риск вовлечения в виктимогенные и криминогенные ситуации. Обычно виктимность и девиантное поведение рассматриваются как два самостоятельных явления. При этом, появились исследования, в которых эти феномены объединены понятием «девиантная виктимность». Данное понятие обозначает устойчивое свойство личности как жертвы неблагоприятных субъективных и объективных факторов социализации, выражающее ее дезадаптивность и проявляющееся в различных формах отклоняющегося виктимного поведения (Гостунская Я.И., 2007).

С целью изучения девиантной виктимности подростков проведено исследование 20 мальчиков и 20 девочек 15-16 лет, имеющих опыт жестокого обращения в семье и субъективно оценивающие этот опыт как травматический. Была выдвинута следующая гипотеза: у подростков, подвергшихся жестокому обращению

в семье, отмечается высокий уровень виктимности и склонности к девиантному поведению; высокий уровень виктимности и склонность к девиантному поведению связаны с агрессивностью, самооценкой, импульсивностью, эмоциональной незрелостью, низкой ответственностью за свои поступки.

Полученные результаты показали, что подростки, подвергшиеся жестокому обращению в семье, имеют выраженную склонность к виктимному поведению. Также у них отмечается тенденция к агрессивному провоцирующему, самоповреждающему, необдуманному, неосмотрительному, импульсивному поведению, которое приводит к реализации различных форм девиантного поведения. Причем в большей степени к агрессивному, враждебному и аддиктивному поведению склонны мальчики.

Среди личностных черт у исследуемых подростков были выделены импульсивность, раздражительность, эмоциональная лабильность, агрессивность, неуверенность при построении социальных контактов, низкий волевой контроль, сниженная самооценка. При совладании с негативными жизненными обстоятельствами для них характерно уменьшение значимости ситуации или её избегание. Таким подросткам не свойственно принятие ответственности за свои поступки, планирование решения проблемы.

В результате корреляционного анализа в качестве ядра корреляционной плеяды был выделен показатель «Агрессивное виктимное поведение». У этого показателя обнаружены положительные взаимосвязи с показателями «Агрессивное девиантное поведение», «Физическая агрессия», «Самооценка» и отрицательная взаимосвязь с показателем «Волевой контроль». Таким образом, подросток, подвергшийся жестокому обращению в семье, обладая внутренней готовностью к виктимности, может сам провоцировать возникновение опасной ситуации для своей жизни посредством проявления агрессивного, противоправного поведения. В связи с низким уровнем контроля своих агрессивных проявлений эти подростки могут провоцировать ситуации, грозящие их безопасности. Выявлена взаимосвязь совокупности показателей «Агрессивное виктимное поведение» и «Агрессивное девиантное поведение», являющейся девиантной виктимностью, с показателем «Самооценка (уверенность в себе)». Таким образом, девиантная виктимность подростков, подвергшихся жестокому обращению в семье, может повышаться за счет гиперкомпенсации самооценки. То есть, подросток, проявляя агрессию к окружающим, пытается тем самым стабилизировать собственный уровень самооценки.

Выдвинутая гипотеза полностью подтвердилась. На основании полученных результатов выделены мишени психокоррекционной работы, разработана программа тренинга по формированию навыков контроля агрессивного поведения подростков, подвергшиеся жестокому обращению в семье.

Литература

1. Гостунская Я.И. Психолого-педагогическая помощь семье в процессе ресоциализации подростка с девиантной виктимностью: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 2007. 23 с.

Специфические знания и навыки специалистов мобильной антикризисной бригады (на примере Воронежской области)

Демина А.В.

ГБУ ВО «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей»
(г. Воронеж, Россия)

Возросшее количество кризисных ситуаций, связанных с обучающимися образовательных учреждений, указало на наличие проблемы недостатка количества профессиональных кадров, способных на их разрешение и предотвращение в кратчайшие сроки. Вследствие этого свою реализацию получила идея по созданию специальных бригад, направленных на разрешение проблемных ситуаций. Так стали разрабатываться и развиваться мобильные антикризисные бригады (кратко МАБ).

Деятельность мобильных антикризисных бригад предполагает реализацию комплекса мер по оказанию экстренной и кризисной помощи субъектам образовательной среды: обучающимся, их родителям (законным представителям), педагогам и администрации образовательных организаций. Сама помощь осуществляется в рамках разноуровневого подхода профилактики: в каждом отдельном случае в зависимости от целевой группы, задействованной в кризисной ситуации, и степени ее вовлеченности.

В 2018 году в г. Воронеж на базе ГБУ ВО «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей» была создана мобильная антикризисная бригада, после в 2021 году реализовывался пилотный проект по созданию подобных антикризисных групп в 4-х муниципальных районах Воронежской области. Успешная реализация данного проекта стала толчком для создания антикризисных бригад в каждом муниципальном районе региона. Так, в 2022 году было создано 34 мобильных антикризисных бригады в каждом муниципальном районе Воронежской области.

Членами антикризисной группы являются представители различных подведомственных подразделений, из разных сфер деятельности. Как правило, в состав муниципальной бригады входят представители администрации, департамента образования, отдела опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних, социальный работник, социальный педагог, психолог, психиатр (или любой другой представитель медицины), представитель органов правопорядка. Но в зависимости от населенного пункта, плотности населения в нем, его специфических особенностей в антикризисную бригаду могут входить и другие представители общества, которые, например, имеют авторитет в определенной конкретной кризисной ситуации. Так, это могут быть представители духовенства, этнических диаспор и т.д. По Воронежской области общее количество специалистов МАБ во всех муниципальных районах вместе составляет около 470 человек.

Опыт взаимодействия с представителями антикризисных бригад разных муниципальных районов позволяет говорить о том, что специалисты мобильных антикризисных бригад, безусловно, обладают определенным набором профессиональных знаний и навыков в рамках своей профессиональной

деятельности, которая необходима при работе антикризисной группы. Однако принадлежность их к мобильным антикризисным бригадам ставит перед ними необходимость иметь и дополнительные специфические знания и навыки, которые будут присущи всем членам мобильной антикризисной бригады вне зависимости от их основной должности и профессии, которые развиваются и формируются у них в процессе работы и во время обучения специалистов муниципальных мобильных антикризисных бригад.

Так, к специфическим знаниям всех специалистов МАБ относятся знания алгоритмов действий всех специалистов в ситуациях суицида несовершеннолетнего (завершенного и попыток), агрессивного поведения, буллинга, скулшутинга. Независимо от своей профессиональной деятельности они должны знать основные признаки этих явлений, способы реагирования на них, методы профилактики и предупреждения рецидивного поведения и стабилизации психологического состояния у несовершеннолетних и у взрослых, их окружающих, а также законы, регламентирующие эти сферы. Относительно специфических навыков специалистам антикризисных бригад необходимо обладать навыком нахождения общего языка с разными типами людей, высокой скоростью реакции при принятии решений, навыком применения творческого и нестандартного мышления при разрешении кризисных ситуаций.

Психологические проблемы подростков, склонных к девиантному поведению

Захарова И.В., Алексеева П.С.

ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет

имени М. К. Аммосова»

(г. Якутск, Россия)

Базовая потребность личности принадлежать группе и ориентироваться на её идеалы, проявлять стремление быть замеченным, принятым и понятым лежит в основе формирования просоциального, нормативного поведения. Острота проблемы формирования нормативно-обусловленного поведения возникает в подростковом возрасте, многие исследователи негативное содержание периода связывают с потерей привычных интересов к занятиям, к учебе, снижением работоспособности, конфликтностью и т.д. Поиск своего «Я», собственной идентичности, изменчивость настроений, эмоциональная неустойчивость, неожиданные переходы от веселья к унынию и пессимизму являются характеристиками подросткового возраста и могут стать причиной асоциальных, конфликтных и агрессивных поступков, усиления социальных аспектов девиации.

Цель: изучение психологических проблем подростков, склонных к девиантному поведению.

Мы предполагаем, что существуют различия в переживании психологических проблем подростками со склонностью к девиантному поведению и подростками с нормативным поведением.

В исследовании приняли участие подростки в возрасте от 15 до 17 лет, обучающиеся в 9 - 11 классах. Всего 103 респондента.

Исследование осуществлено с помощью двух стандартизированных методик: «Психологические проблемы подростков» (Регуш Л.А., Алексеева Е.В., Орлова А.В., Пежемская Ю.С., 2012) и методика диагностики девиантного поведения несовершеннолетних (тест склонности к девиантному поведению (Э.В. Леус, А.Г. Соловьев).

Анализ полученных результатов по тесту склонности к девиантному поведению показывает преобладание направленности на социально предпочитаемое поведение среди сверстников или значимых взрослых, а также наличие тенденции распространенности разных форм поведенческих отклонений независимо от пола и возраста.

Ранжирование по выраженности переживания подростками психологических проблем показывает, что преобладают проблемы с развитием общества (3,17), проблемы с самим собой (2,78) и проблемы, связанные со школой (2,74). Общий итог по всем параметрам не превышает норму, следовательно, вектора психического и личностного развития у подростков исследуемой группы, соответствуют возрастной норме. Но в зависимости от выраженности склонности к девиантному поведению обнаруживаются некоторые особенности в переживании психологических проблем детьми подросткового возраста:

1. У подростков, склонных к самоповреждающему поведению, выражены проблемы, связанные с родителями, с самим собой и с досугом ($p \leq 0,01$). В силу возрастных особенностей – эмоциональной восприимчивости и чувствительности, низкой устойчивости к стрессовым ситуациям, стремлению к независимости от родителей и в совокупности с их характерологическими особенностями личности эти дети могут составлять группу риска и требовать внимания со стороны взрослых людей.

2. Выраженная склонность к агрессивному поведению наиболее характерна для подростков, для которых актуальны проблемы с родителями ($p \leq 0,01$) и с досугом ($p \leq 0,05$). Для подростков, показывающих склонность к зависимому поведению, наиболее характерны проблемы с родителями, со школой и со сверстниками ($p \leq 0,05$).

3. Для несовершеннолетних с тенденцией к делинквентному поведению выделяется наличие проблем с родителями ($p \leq 0,05$). Это может означать, что в случае сложившихся трудных жизненных обстоятельств или ссоры с родителями подростки могут быть способны нарушить социальный порядок, совершить противоправные поступки.

Таким образом, наиболее выраженными у подростков являются проблемы, связанные с самим собой, со здоровьем и со школой, с будущим. Данный вывод согласован с утверждениями В.А. Ясной о том, что девиантным подросткам

свойственен высокий уровень неосознанности, недифференцированности и нереалистичности представлений о будущем (Ясная В.А., 2013).

Литература

1. Психологические проблемы подростков: стандартизированная методика: научно-методические материалы / Л.А. Регуш [и др.]. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. 34 с.
2. Ясная В.А. Искажения идентичности подростков с отклоняющимся поведением // Психология и право 2013. Том 13. No 4. 16 с.

Региональная система консультативно-методического сопровождения социально-психологического тестирования как фактор успешности профилактики девиантного поведения обучающихся

Зенина М. А.

ГБУ ВО «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей»
(г. Воронеж, Россия)

Раннее выявление употребления наркотических средств и психотропных веществ среди обучающихся регламентируется Федеральным законом от 07.06.2013 N 120-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам профилактики незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ».

С целью координации работы по проектированию профилактической работы по результатам тестирования для муниципальных координаторов проводятся кейс-лаборатории. Организуется индивидуальное сопровождение образовательных организаций с высокими показателями резистентности и группы риска по вопросам проектирования профилактической среды в данном учреждении.

С целью оказания методической помощи специалистам и педагогическим работникам системы образования организована такая форма работы как супервизия, которая позволяет совместно профессионально обсудить конкретные случаи из педагогической практики под руководством эксперта в режиме онлайн.

Социально-психологическое тестирование является диагностическим компонентом для построения адресной профилактической работы в образовательной организации. К факторам, влияющим на высокий показатель формирования противоправного поведения подростков, относятся такие шкалы как потребность в одобрении, наркопотребление в социальном окружении, подверженность влиянию группы, принятие асоциальных установок социума. При высоких показателях динных факторов риска подросток под влиянием группы может быть вовлечен в потребление психоактивных веществ и противоправное поведение. Одним их преимуществ методики является возможность создания так называемого «профиля» обучающегося, класса.

Профилактическая работа в образовательной организации выстраивается в трех направлениях: обучающей деятельности, воспитательной и внеурочной деятельности, деятельность по психолого-педагогическому сопровождению.

По итогам проведения тестирования проводятся родительские собрания с привлечением специалистов областного наркодиспансера и полиции по вопросам выстраивания детско-родительских отношений в классах и группах, где выявлен наибольший процент обучающихся с явной рискогенностью социально-психологических условий и повышенной вероятностью вовлечения в зависимое поведение.

С целью оказания методической поддержки специалистам образовательных организаций, реализующих профилактические программы на местах, профессиональным сообществом сформирован каталог лучших практик работы с детством.

По результатам психологического тестирования образовательными организациями принимаются меры профилактического характера, направленные на снижение факторов риска наркотизации:

- организовываются выездные Дни профилактики в составе межведомственной группы (психолог, нарколог, сотрудник полиции) в муниципальные районы с высоким уровнем обучающихся группы риска. В рамках Дней профилактики специалисты проводят интерактивные игры, на которых применяются новые технологии в профилактической работе с несовершеннолетними;

- проводятся интернет-квесты в рамках областной антинаркотической акции «Будущее без наркотиков» с целью профилактики аддиктивного, противоправного поведения и формирования мотивации к ведению здорового образа жизни у обучающихся образовательных организаций.

Важный элемент межведомственного взаимодействия - обратная связь, обмен информацией между органами системы профилактики и совместное обсуждение дальнейшей профилактической работы с подростком. Результатом такой работы стали ежеквартальные круглые столы по вопросам профилактики, и противодействия употреблению наркотических средств, психотропных веществ, алкоголя и табака среди обучающихся.

Литература

1. Федеральный закон от 07.06.2013 N 120-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам профилактики незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ».
2. Планирование и организация системной работы с обучающимися по профилактике раннего вовлечения в незаконное потребление наркотических средств и психотропных веществ. Методические рекомендации для специалистов, педагогических работников - организаторов профилактической деятельности образовательных организаций субъектов Российской Федерации

/Авторы-составители: Алагуев М.В., Заева О.В. Под ред. Артамоновой Е.Г. М.: ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей», 2020.

Психологические компоненты готовности к отказу от контакта с посторонними взрослыми у детей младшего школьного возраста

Иванова Е.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В Российской Федерации растет количество детей, гибнущих в результате преступлений (Бастрыкин А.И., 2017). Актуальные вызовы в обеспечении безопасности несовершеннолетних свидетельствуют о высокой актуальности программ, направленных на формирование у детей устойчивых навыков личной безопасности.

В качестве необходимых компонентов таких программ исследователи выделяют не только теоретическую подготовку, формирование предметных умений и навыков, но и психологическую подготовку, развитие качеств личности, необходимых для безопасной жизнедеятельности (Борисова Т.С., 2021).

Контакты с незнакомыми людьми выделяются как один из характерных для детей видов социальной опасности (Пелихова А.В., 2010). Нами реализуется программа «Круг безопасности», направленная на тренировку у младших школьников готовности и навыков отказа от вступления в контакты, инициируемые посторонними взрослыми. В целях повышения эффективности этой и подобных программ, актуально теоретическое и экспериментальное изучение психологических условий и механизмов формирования у ребенка способности отказаться от контакта с посторонними. Целью проводимого исследования выступает выявление комплекса факторов, способствующих или препятствующих формированию такой способности.

Базой для формирования готовности к осознанному отказу от контакта выступает одно из ведущих психологических новообразований младшего школьного возраста – рефлексия, благодаря которой появляется способность представить последствия своих действий, не приводя их в исполнение, совершенствовать произвольную регуляцию поведения (Матвеева О.Н., 2010). Вместе с тем, у младших школьников недостаточно знаний и жизненного опыта, чтобы определить степень опасности конкретной ситуации и принять безопасное решение (Борисова Т.С., 2021).

Согласно гипотезам исследования, в число основных условий реализации отказа от контакта входят:

- наличие знаний о потенциальной опасности чужих взрослых;
- своевременная актуализация этих знаний в конкретной, неожиданной для ребенка ситуации контакта;
- преодоление социальных установок на необходимость безусловного подчинения любым взрослым;

придание приоритетности мотивам применить на практике полученные знания по безопасности и защитить себя от угрозы нежелательного контакта по отношению к мотивам соблюдать указанные выше установки;

преодоление страхов, ступора, растерянности, стеснения и других личностных проявлений;

наличие отработанной в игровой форме практики как принятия решений об уходе от контакта, так и их воплощения.

Исследование предполагается завершить в 2023 г.

Литература

1. Бастрыкин А.И. Преступления против несовершеннолетних в интернет-пространстве: к вопросу о виктимологической профилактике и уголовно-правовой оценке // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Том 11. No 1. С. 5–12. doi: 10.17150/2500-4255.2017.11(1).5-12.
2. Борисова Т.С., Берлянд Ю.Б., Снитко А.А. Личная безопасность детей младшего школьного возраста как сфера воспитательной деятельности // Управление образованием: теория и практика. 2021. Том 11. No 6. С. 28–41. doi: 10.25726/d5469-3258-7409-v.
3. Матвеева О.Н. О социализации младших школьников в современных условиях // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2010. No 16(20). С. 151–157.
4. Пелихова А.В. Педагогическое сопровождение семьи как фактор обеспечения социальной безопасности ребёнка // Вестник челябинского государственного педагогического университета. 2010. No 4. С. 181–188.

Психологический анализ причин ложных сообщений о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних

Карпова А.В., Михайлова Ю.А., Чинова Д.С.

Главное управление криминалистики (Криминалистический центр) Следственного комитета Российской Федерации
(г. Москва, Россия)

В настоящее время наряду с ростом преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних увеличивается и количество ложных сообщений о преступлениях данной категории. В литературе описываются два основных варианта оговора: оговор отца или отчима по научению матери в ситуации развода и раздела имущества либо определения места проживания ребенка, а также оговор отчима девочкой-подростком из мотивов мести.

Анализ нашей практики психологического сопровождения расследования половых преступлений выявляет гораздо большее число ситуаций и причин сообщения несовершеннолетними и их законными представителями недостоверных сведений о сексуальном злоупотреблении. Далеко не всегда при этом речь идет о

целенаправленном оговоре и преднамеренной лжи. Малолетние могут сообщать недостоверные сведения в результате внушающего воздействия, неверного понимания ситуации, разворачивания фантазирования под влиянием расспросов и т.д. Также зачастую те или иные сообщения маленького ребенка могут быть неверно поняты и интерпретированы взрослыми. Помимо этого, в нашей практике встречаются случаи «безмотивного» ложного сообщения о действиях сексуального характера со стороны неустановленных лиц.

Нами была предпринята попытка классификации и систематизации причин сообщения несовершеннолетними недостоверных сведений при расследовании преступлений против половой неприкосновенности.

1. Недостоверная информация о сексуальном злоупотреблении может появиться в результате обмана или ошибки, а также возникать в процессе активных расспросов ребенка.

1.1. Обман может быть целенаправленным оговором с соответствующей мотивацией оговора или ситуативным разворачиванием фантазирования с целью привлечения внимания или оправданием своих проступков. При этом мотивация оговора может иметь разную степень осознанности.

1.2. Ошибки могут возникать в результате неверного понимания ситуации ребенком или неверной интерпретации сообщений ребенка окружающими.

1.3. В ходе активных расспросов ребенка о сексуальном злоупотреблении может быть сформирована недостоверная информация, в дальнейшем воспринимаемая ребенком как реальная.

2. При анализе возникновения показаний выявляется, что первоначальным источником сообщаемых сведений может выступать сам ребенок (его внутренняя мотивация) или другой человек (законный представитель, родственник, другой несовершеннолетний потерпевший).

3. Структура сообщаемой недостоверной информации может быть тотальной или частичной. Так, ситуация сексуального злоупотребления может быть сконструирована полностью либо ребенок может сообщать о реальной ситуации, искажая или дополняя ее привнесенными деталями. Одним из примеров частичной структуры недостоверной информации является ситуация, когда подростки приписывают насильственный характер добровольному половому акту.

Дифференциация причин сообщения ложной информации по делам о сексуальном злоупотреблении позволяет эффективнее выстраивать стратегии дальнейшей работы с несовершеннолетними в рамках расследования данной категории дел.

Литература

1. Ваксэ Е.В. Психология допроса несовершеннолетних правонарушителей и жертв сексуального насилия. М.: Генезис, 2014. 310 с.
2. Карпова А.В., Михайлова Ю.А., Чижова Д.С. Возможности психологического анализа показаний несовершеннолетних свидетелей и потерпевших в

уголовном судопроизводстве // Психология и право. 2019. Том 9. No 4. С. 174–186. doi: 10.17759/psylaw.2019090413.

3. Шарфф Д.Э., Шарфф Д.С. Терапия физической и сексуальной травмы, основанная на терапии объектных отношений. М.: ЦПКиП, 2019. 304 с.
4. Aussagepsychologie für die Rechtspraxis: Zwischen Wahrheit und Lüge / R. Ludewig [et al.]. Zürich: Dike Verlag, 2017. – 573 с.

Специфика проявления самоповреждающего поведения у подростков-жертв буллинга

Кириленко Е.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

В современных исследованиях, связанных с буллингом, было выявлено, что жертвы буллинга прибегают к самоповреждающему поведению, одному из видов аутодеструктивного поведения. Данная связь, а именно возникновение самоповреждающего поведения на фоне ситуации буллинга, является актуальной для интереса научного сообщества в связи с малым количеством исследований.

Буллинг представляет собой процесс агрессивного поведения лица или группы по отношению к жертве. За все время изучения данного феномена было выделены модели и концепции буллинга, а также определены свойственные для участников буллинга характеристики (Smith, P., 2012). Самоповреждающее поведение определяется как аутодеструктивное поведение, приводящее к повреждению своего тела. Подростковый возраст является группой риска для обоих вышеперечисленных феноменов, так как данный период характеризуется амбивалентностью и парадоксальностью, а также в его рамках происходит становление подростка как личности и определение его индивидуальности (Польская Н.А., 2010).

Цель исследования: выявление, описание и систематизация особенностей проявления самоповреждающего поведения у подростков - жертв буллинга. Выборку исследования составили 154 человека в возрасте от 14 до 17 лет (юношей - 76 чел., девушек - 78 чел., средний возраст - 15 лет). Набор респондентов производился в очном и онлайн форматах. Выборка была разделена на 4 группы: нормативная, склонная к проявлению самовреждающего поведения и без высокого риска буллинга, не склонная к самоповреждающему поведению и с высоким риском буллинга, склонная к проявлению самоповреждающего поведения и с высоким риском буллинга. Разделение было произведено на основе результатов шкалы склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению методики «Склонность к отклоняющемуся поведению» (А.Н. Орел) и определения наличия позиции жертвы в процессе буллинга по результатам шкалы «Небезопасность» опросника риска буллинга (Бочавер А.А. и др.). Помимо этого, были использованы анкета

«Модификации тела и самоповреждения» (Польская Н.А., Кабанова А.С.), шкала причин самоповреждающего поведения (Польская Н.А.) и авторская анкета для сбора социально-демографических данных.

Результаты исследования привели к выводам, что жертвы буллинга оценивают свое положение в учебном коллективе как более небезопасное, а также более отстраненное от контактов с одноклассниками, что также свидетельствует о выраженной тревожности и замкнутости подростка и может стать фактором возникновения самоповреждений. Выявлено, что у жертв буллинга, склонных к самоповреждающему поведению, проявляется высокий риск девиантного, аддиктивного, деликвентного поведения, а также непринятие женской роли у девушек. Обнаружено, что для жертв буллинга, склонных к самоповреждающему поведению, характерны снижение эмоционально-волевого контроля и повышенный уровень агрессии. Подростки прибегают к самоповреждающему поведению для снижения эмоционального напряжения и восстановления самоконтроля.

Литература

1. Польская Н.А. Особенности самоповреждающего поведения в подростковом и юношеском возрасте // Известия Саратовского университета. 2010. Том 10. No 10. С. 92–97.
2. Smith P.K. School Bullying // Sociologia, problemas e praticas. 2012. No 71. P. 81–98. doi: 10.7458/SPP2012702332.

Волонтерская помощь многодетным семьям как профилактика риска семейного неблагополучия в рамках работы социальноориентированной некоммерческой организации

Кузьмина М.Д.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Многодетная семья – это социальный институт с особой формой развития, он наиболее ценен в плане улучшения демографической ситуации. В то же время он и наиболее уязвим, поскольку сталкивается с рядом проблем: материальное обеспечение, стеснённые жилищные условия, малая доступность образования для детей, сложности в удовлетворении потребностей детей, психологическая поддержка родителей.

На фоне материальных трудностей, психологического кризиса и ряда других факторов в семье возникает риск возникновения семейного неблагополучия.

Под семейным неблагополучием мы понимаем социально-психологический феномен, который включает в себя комплекс проблем: нарушение воспитательной функции семьи, влекущее деформацию личности одного или нескольких членов семьи и приводящее к девиантному поведению (Истратова О.Н., 2013).

Развитие волонтерской деятельности позволило по-новому взглянуть на проблемы населения, на формы социальной поддержки. Множество успешных социальных практик некоммерческого сектора получили государственную поддержку, в том числе практики поддержки семьи.

Особое место среди волонтерских организаций занимает объединение многодетных семей. Их лидеры являются сами многодетными родителями и привлекают в волонтеры своих друзей, знакомых, которые также являются многодетными. Своей деятельностью они способствуют развитию гуманистических ценностей в обществе, в том числе семейных ценностей. Важно учитывать, что любая работа волонтерских объединений должна соблюдать законодательство, а оказание помощи соответствовать первоначальным целям и задачам взаимодействия, иметь добровольный характер и отвечать следующим принципам: востребованность; сбалансированность; системность; добровольность.

Спектр направленности волонтерской помощи семье достаточно широк, поскольку имеет большой перечень задач по решению социальных проблем:

- психологической (тренинги, консультации, индивидуальная работа с одним или несколькими из членов семьи, профориентационное тестирование для подростков, профилактика родительского и профессионального выгорания);

- педагогической (организация семейного и/или детского досуга, формирование толерантного (милосердного) отношения к окружающим, профилактика безнадзорности, асоциальных явлений и криминогенного поведения, интеллектуальная поддержка);

- социальной (социализация людей с ОВЗ и/или ментальными нарушениями, оказание помощи семьям в трудной жизненной ситуации, адресная помощь по хозяйству семьям в ТЖС, вещевая и продуктовая помощь);

- медицинской (пропаганда бережного отношения к здоровью, уход за больными членами семьи).

Семья запрашивает чаще всего такие виды помощи: общение, занятость детей (досуг, сопровождение ребенка в секции, образовательные учреждения), помощь по хозяйству, юридическая, психологическая или педагогическая консультация, материальная помощь (продукты, бытовые принадлежности). Основной запрос волонтерам – это человеческое отношение (общение, поддержка эмоционального характера, внимание), то есть от волонтеров члены многодетных семей ждут простой посильной помощи, сопровождаемой психологической поддержкой.

Литература

1. Истратова О.Н. Семейное неблагополучие как социально-психологическая проблема // Известия ЮФУ. Технические науки. 2013. С. 242–249.

Личностные особенности взрослых участников судебно-психологической экспертизы в семейных спорах

Кулькова Ж.Г.

«Центр психологической диагностики и консультирования»

(г. Челябинск, Россия)

При рассмотрении гражданских дел об определении места жительства ребенка с одним из родителей, находящихся в разводе, об установлении порядка общения ребенка с отдельно проживающим родителем судом назначается судебно-психологическая экспертиза. Психолог в статусе судебного эксперта должен быть компетентен в психологии детей, в детско-родительских отношениях, а также способен предоставить информацию об индивидуально-психологических особенностях родителей.

За период с 2016 года в ходе проведения судебно-психологических экспертиз в гражданском судопроизводстве по делам, затрагивающим интересы несовершеннолетних, на базе Центра проведено более 200 опытно-экспериментальных исследований родителей. При осуществлении психологической диагностики личностных особенностей родителей нами используется методика изучения личности Р. Кеттелла (взрослый вариант, 187 вопросов). При обработке и интерпретации результатов исследования лиц, являющихся родителями и сторонами спора по вопросам, затрагивающим интересы несовершеннолетних, мы обратили внимание на частоту отклонений по одной из шкал валидности - шкале «Мотивационного искажения» (MD). Данная шкала отражает отношение к тестированию, как стремление выглядеть в благоприятном свете. Имеющие показатели по данной шкале более 9 ($MD > 9$) пытаются создать слишком благоприятное представление о себе. За исключением крайне редких случаев, когда результаты не искажаются (например, родители - священнослужители), имеет место сознательное манипулирование результатами, намеренное искажение представления о себе в пользу более социально одобряемого собственного образа, либо неосознанное стремление показать себя с максимально выгодной стороны и скрыть свои отрицательные психологические характеристики.

Для разрешения вопросов, поставленных судом перед экспертом судебно-психологической экспертизы, затрагивающих интересы несовершеннолетних детей, манипулирование результатами обследования является личностной особенностью, негативно характеризующей сторону судебного процесса, то есть одного или обоих родителей. Это позиционирует их как незаинтересованных в разрешении судебного спора с учетом объективной, достоверной информации, как ставящих свои интересы выше интересов ребенка.

Нами был проведен анализ полученных за пять лет в ходе судебно-психологических экспертиз данных методики Р. Кеттелла по дополнительному показателю «Мотивационного искажения» (MD). Из 52 респондентов, среди которых 31 женщина (29 человек моложе 30 лет, из них 19 женщин, и 23 человека старше 30

лет, из них 12 женщин), у 17 человек (32,7%) показатель превышает нормативный ($MD > 9$).

В качестве контрольной группы мы привлекли 36 человек, в том числе 28 женщин, состоящих в разводе родителей детей (19 человек моложе 30 лет, из них 14 женщин, и 17 человек старше 30 лет, из них 14 женщин). Из 36 респондентов контрольной группы только у 4 человек (11,1 %) показатель превышает нормативный ($MD > 9$).

Обработка результатов обеих групп по критерию математической статистики Фишера показала, что разница значений статистически достоверна: ϕ^* -критерий $F = 2,481$ находится в зоне значимости ($> 2,31$), зона незначимости ($< 1,64$).

При ответе на вопрос суда о влиянии индивидуально-психологических особенностей родителей на актуальное психоэмоциональное состояние и перспективы психологического развития детей психолог-эксперт может и должен учитывать показатель «Мотивационного искажения» (MD) методики Р. Кеттелла.

Литература

1. Новиков Д.А. Статистические методы в педагогических исследованиях (типовые случаи). М.: МЗ-Пресс, 2004. 67 с.
2. Рукавишников А.А., Соколова М.В. Факторный личностный опросник Кеттелла: методическое руководство. СПб.: ИМАТОН, 2013. 96 с.

Психологические аспекты формирования правосознания несовершеннолетних в контексте реализации программы «Юный следователь»

Мельцева А.О.

ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации»

(г. Санкт-Петербург, Россия)

Научный руководитель - Воронова Ю.В.

Вопрос правового и морально-нравственного воспитания детей и подростков стоит достаточно остро. Решая задачи ранней профориентации и формирования правосознания несовершеннолетних, Следственный комитет Российской Федерации реализует программу «Юный следователь».

Для того, чтобы выявить то, как дети и подростки воспринимают такие явления, как воровство, хулиганство, коррупция нами было проведено исследование. Исследование проводилось в два этапа в форме ассоциативного эксперимента. В первом этапе приняли участие 48 учеников пятых и девярых классов МАОУ Гимназии №31 г. Перми, которые ни разу не участвовали в программе «Юный следователь», а также не проходили другие программы, направленные на формирование правосознания. Во втором этапе участниками исследования стали 78

детей и подростков в возрасте от 10 до 17 лет, проходившие программу «Юный следователь».

Участникам исследования было предложено написать свои ассоциации на вышеуказанные понятия, а также нарисовать одно из них. По итогам исследования получились следующие результаты:

Более 90% учащихся 5-х классов не имеют представления о содержании понятия коррупция и ни с чем не ассоциируют его, среди 9-х классов данная цифра равна 7%. В основном коррупция ассоциируется с бюрократическим аппаратом страны, материальным положением граждан и деньгами.

Понятие хулиганства у ребят из 5-х и 9-х классов узко и примитивно. Более того, бытовое понимание хулиганства у них смешано с пониманием хулиганства как уголовно-наказуемого деяния, около 10% не разделяют понятия хулиганства и воровства.

Наиболее осознаваемым для учеников 5-х и 9-х классов стало понятие воровства, на него дали ассоциации более 85% участников. Основные ассоциации: кража, тюрьма, деньги.

Результаты опроса участников программы «Юный следователь» отличаются: только у 8% среди учащихся 5-7 классов, и 7% среди учащихся 8-10 классов нет ассоциаций к понятию коррупция. Подавляющее большинство ассоциирует понятие коррупция со взяткой, 30% показывают негативное отношение к данному понятию.

Хулиганство и воровство ассоциируются с понятиями преступление, наказание, правонарушение, тюрьма, что показывает понимание противоправности данных явлений. Большинство участников исследования имеют ассоциации к данным понятиям через конкретные примеры.

Таким образом, более 85% участников программы «Юный следователь» имеют представление о том, что такое коррупция. Среди детей и подростков, которые не участвовали в программе, данная цифра не превышает 60%. Только 32% из них связывают воровство и хулиганство с противоправным поведением и наказанием и лишь 4% выражают негативное отношение к данным понятиям. Среди участников программы проценты по данным критериям значительно выше и составляют более 50%. 12% детей и подростков, которые не принимали участие в программе, не имеют никаких ассоциаций к понятиям воровство и хулиганство. Каждый участник программы «Юный следователь» дал ассоциации к данным понятиям.

Таким образом, респонденты, прошедшие обучение по программе «Юный следователь», имеют более четкое понимание противоправности и наказуемости представленных преступных деяний, что позволяет констатировать эффективность программы для формирования правосознания несовершеннолетних.

Региональная модель межведомственного взаимодействия в случае совершения попыток суицида несовершеннолетними, законченного суицида, буллинга, агрессивного поведения несовершеннолетних и иных кризисных и чрезвычайных ситуаций, требующих сопровождения социально-психологической службы

Насонова Д.В.

ГБУ «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей»
(г. Воронеж, Россия)

В 2018 году с целью повышения эффективности межведомственного взаимодействия по оказанию комплексной социально-реабилитационной помощи несовершеннолетним разработан Порядок межведомственного взаимодействия на территории Воронежской области в случае совершения попыток суицида несовершеннолетними, законченного суицида, буллинга, агрессивного поведения несовершеннолетних и иных кризисных и чрезвычайных ситуаций, требующих сопровождения социально-психологической службы для предупреждения рецидивного поведения и стабилизации психологического состояния несовершеннолетних. Реализация Порядка повысила оперативность в получении органами профилактики информации о кризисных ситуациях для своевременного принятия соответствующих мер, выявления и устранения причин и условий, способствующих суицидальному, агрессивному, асоциальному поведению несовершеннолетних, а также выявления и пресечения случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение действий, представляющих опасность для их жизни, а также для организации реабилитации в рамках третичной профилактики поведения несовершеннолетних.

Согласно Порядку КДНиЗП при получении информации о кризисной ситуации с участием несовершеннолетних готовит Постановление об организации профилактической работы с несовершеннолетним и семьей по оказанию комплексной психолого-педагогической и медико-социальной помощи, которое направляет в образовательную организацию, где обучается подросток. В случае отказа несовершеннолетних и их родителей от предложенных видов помощи КДНиЗП принимает необходимые меры по защите прав и законных интересов ребенка в пределах, установленных действующим законодательством.

Образовательная организация (школа, колледж) разрабатывает Индивидуальную программу сопровождения несовершеннолетнего (далее - ИПС) несовершеннолетнего, в которой планирует мероприятия по оказанию психологической, медицинской помощи, занятость несовершеннолетнего, мероприятия по формированию поддерживающего окружения подростка, работу с законными представителями и т.д. По результатам работы на Совете профилактики образовательной организации принимается решение о завершении или продлении ИПС. Информация о проведенных мероприятиях, динамике и результатах ежемесячно направляется в КДНиЗП. После завершения ИПС за обучающимся,

продолжает наблюдать классный руководитель/мастер группы, при необходимости подключая социально-психологическую службу. При повторном выявлении риска разрабатывается новое ИПС с учетом ранее составленных проведенных мероприятий.

В 2018 году на базе ГБУ ВО ЦПППиРД создана Мобильная антикризисная бригада (далее - МАБ), в состав которой включены 3 психолога, 1 методист, прошедшие специальную профессиональную подготовку по вопросам оказания психологической помощи в кризисной ситуации, построения межведомственного взаимодействия по проведению профилактической работы. В 2022 году созданы 34 муниципальных Мобильные антикризисные бригады, в состав которых включены 450 специалистов муниципальной системы профилактики.

МАБ реализует комплекс мер по оказанию экстренной и кризисной психологической помощи субъектам образовательной среды. Особенностью данного комплекса мер является его разноуровневый подход профилактики: в каждом отдельном случае в зависимости от целевой группы, включенности субъектов в кризисную ситуацию – от первичной до третичной профилактики суицидального, антивитаального, социально-дезадаптивного поведения обучающихся. Эффективность работы бригады оценивается в ходе реализации комплекса мер (не менее 3 месяцев) по следующим критериям: снижение интенсивности острых стрессовых реакций у участников ситуации; стабилизация их актуального психического состояния; выработка навыков, умений; коррекция профилактической деятельности в целом на уровне образовательной организации.

Выявление конфликта лояльности привязанности к конфликтующим родителям (законным представителям) в ходе экспертизы

Пешкова Н.В., Иванова Е.Н.

МБУ ДПО «Учебно-методический центр»

(г.Реутов, Россия)

С 2019 г. специалисты Отдела УМЦ в рамках межведомственного взаимодействия и сотрудничества с экспертными организациями участвуют в проведении судебных экспертиз и досудебных исследований в гражданских делах по детско-родительским спорам. В 34 случаях из 56 имел место конфликт лояльности привязанности ребенка к обоим родителям (или к кровному и приемным родителям). Как известно из ряда научных исследований, «разведенные родители осознанно или неосознанно ищут в детях психологическую поддержку ..., тем самым вовлекают их в конфликт выбора между родителями ..., что предъявляет к ребенку в психологическом плане слишком сложные требования» (Сафуанов Ф.С., Харитонов И.К., Русаковская О.А., 2012). Ребенок, вынужденный выбирать между конфликтующими сторонами, испытывает интенсивное эмоциональное напряжение и компенсаторно делает выбор, отвергая одну из сторон. Состояние эмоционального напряжения, обусловленного конфликтом лояльности, и его

последствия в виде формирования негативного отношения к одной из сторон деструктивно влияют на психику ребенка. Выявление конфликта лояльности позволяет делать выводы, насколько мнение ребенка отражает его интерес, как влияет ситуация развода на его состояние.

Психологи в экспертной деятельности пользуются распространёнными методиками, которые создавались для диагностики широкого спектра проблем. В связи с этим у практиков возникает потребность во вспомогательных инструментах, позволяющих проводить более качественную интерпретацию полученных данных. В ходе нашей работы эмпирическим путем были выделены следующие критерии. 1. Уход от ситуации выбора, что проявлялось в утрированном чередовании выборов в методике исследования межличностных отношений (Гильяшева И.Н., Игнатьева Н. Д., 1994) или отказе рисовать кого-то первым из родителей в рисуночных тестах. Дети так это поясняли: «В тот раз я выбрал папу, сейчас очередь мамы» или «Первым я нарисую себя, а вторым можно маму, и папу; можно им обоим №2 написать?». Вербально дети также были не готовы сделать свой выбор относительно проживания. 2. Отказ от ранее сделанного выбора. Например, подэкспертный в методике «Два дома» (Марцинковская Т.Д., 1997) выбрал для отца комнату в красивом доме, а для матери – в некрасивом, после чего разместил мать в красивом доме, а изображение некрасивого дома отрезал ножницами. Часто дети размещали фигуры родителей в разных домах, но при этом дети обозначали себе комнату в обоих домах или рисовали отдельный дом для себя посередине. 3. Восприятие родителей как недостаточно надежных. Например, в рассказах по 1 карточке в методике «Расскажи историю» (Махортова Г.Х., 2004) дети составляли рассказы, в которых птенцы выживали благодаря своим действиям или заботе третьих лиц, родительские фигуры умирали или появлялись на последнем этапе. Аналогичные результаты были получены в методике САТ. 3. В случае, когда имело место разрешение конфликта лояльности с отвержением одного родителя значимыми становились: расхождения в вербальном и невербальном поведении ребенка в т.ч. в момент взаимодействия с отвергаемым родителем; утрированное негативное отношение к отвергаемому родителю и утрированное позитивное отношение к предпочитаемому. Выделенные критерии должны быть осмыслены в научном плане и быть представлены в более развернутом варианте.

Литература

1. Гильяшева И.Н., Игнатьева Н.Д. Методика исследования межличностных отношений ребенка: методическое пособие. М.: Фолиум, 1994. 64 с.
2. Марцинковская Т.Д. Детская практическая психология: учебник. М.: Гардарики, 2000. 255 с.
3. Махортова Г.Х. Расскажи историю: проективная методика исследования личности ребенка. М.: Когито-Центр, 2004. 62 с.
4. Сафуанов Ф.С., Харитоновна И.К., Русаковская О.А. Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о

воспитании и месте жительства ребенка. 2-е издание, исправленное. М.: Генезис, 2012. 192 с.

Вопросы законодательной регламентации внутришкольного учета

Пимонов В.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Образовательные организации осуществляют индивидуальную профилактическую работу, которая в ст. 1 Федерального закона от 24.06.1999 N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (Федеральный закон ..., 1999) определяется как деятельность по своевременному выявлению несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном положении, а также по их социально-педагогической реабилитации и (или) предупреждению совершения ими правонарушений и антиобщественных действий.

При этом п. 2 ст. 14 данного закона наделяет образовательные учреждения обязанностями по выявлению несовершеннолетних:

- 1) имеющих отклонение в поведении либо проблемы в обучении,
- 2) находящихся в социально опасном положении,
- 3) не посещающих или систематически пропускающих по неуважительным

причинам занятия.

Однако согласно закону не школы, а органы управления образованием обязаны вести учёт учащихся, не посещающих либо систематически пропускающих занятия. На это обстоятельство обращено внимание в Методических рекомендациях, подготовленных Минобрнауки (Письмо Минобрнауки, 2016).

Такое положение дел лишено здравого смысла, поскольку указанные органы не ведут индивидуальную профилактическую работу с учащимися.

С целью придания школьному учёту правового характера, представляется правильным обязанностями по учёту определенных категорий несовершеннолетних на законодательном уровне наделить образовательные организации, к тому же именно школы, а не органы управления образованием ведут учёт различных категорий несовершеннолетних. Без законодательного закрепления за образовательными организациями такой обязанности внутришкольный учёт является неправовой мерой, зачастую приводящей к терминологической неопределенности и явным перегибам.

Так, в нормах исследованных нами положений общеобразовательных школ одной из категорий обучающихся, подлежащих учёту, являются несовершеннолетние, систематически пропускающие занятия без уважительных причин. При этом учреждения среднего образования по-разному подходят к толкованию понятия «систематический пропуск занятий». Например, в положениях о внутришкольном

учете встречаются следующие формулировки: «от 40 и более уроков» (Положение о постановке учащихся на внутришкольный учет..., 2018); «суммарно 15 дней за учебную четверть» (Положение о постановке на учет и снятии с учета...). Иногда же пропуск занятий и вовсе не является основанием для постановки обучающегося на внутришкольный учёт.

Нередко на внутришкольный учёт ставятся подростки без достаточных оснований, что приводит к навязчивому контролю за их внешкольным поведением. Например, за причёску или за употребление энергетических напитков.

Представляется правильным полагать, что основания и порядок постановки отдельных категорий обучающихся на школьный учёт должны быть определены федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере общего образования. Данное положение необходимо закрепить в федеральном законе.

Литература

1. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 24.06.1999 N 120-ФЗ: последняя редакция // КонсультантПлюс: надежная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/ (дата обращения: 15.09.2022).
2. О направлении методических рекомендаций [Электронный ресурс]: вместе с «Методическими рекомендациями по вопросам совершенствования индивидуальной профилактической работы с обучающимися с девиантным поведением»: письмо Минобрнауки России от 28.04.2016 N АК-923/07 // КонсультантПлюс: надежная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199935/96c60c11ee5b73882df84a7de3c4fb18f1a01961/ (дата обращения: 15.09.2022).
3. О постановке учащихся МБОУ ЦО № 6 на внутришкольный учет [Электронный ресурс]: положение // МБОУ ЦО №6 «Перспектива». URL: <http://perspektiva.beluo31.ru/wp-content/uploads/2019/02/положение-о-внутришкольном-учете.pdf> (дата обращения: 15.09.2022).
4. Положение о постановке на учет и снятии с учета несовершеннолетних обучающихся с девиантным поведением ГБОУ г. Москвы «Школа № 627» [Электронный ресурс] // ГБОУ Школа № 627. URL: <https://sch627.mskobr.ru/files/положения/Положение%20о%20постановке%20на%20ВШУ.pdf> (дата обращения: 15.09.2022).

Участие психолога в следственных действиях. Инициатива, пределы компетенции и ответственность

Плахина А.А.

Управление процессуального контроля за расследованием отдельных видов преступлений Следственного комитета Российской Федерации
(г. Москва, Россия)

Как известно, в следственных подразделениях Следственного комитета Российской Федерации расследуются преступления различных категорий, одна из них – расследование преступлений с участием несовершеннолетних.

При поступлении сообщений о таких преступлениях, особенно там, где речь идет о малолетних субъектах, следователь сталкивается с большим числом трудностей, которые преодолевает в одиночку. Ведь именно он, один на один остается с возможной жертвой преступления и потенциальным лицом, совершившим деликт. Именно следователю предстоит получить первое объяснение ребенка.

Как показывает многолетняя практика, следователь успешно справляется с поставленной задачей, входит в контакт с ребенком, в доступном для ребенка формате получает необходимые сведения, понимая свою ответственность за создание психологически безопасных условий проведения проверочных мероприятий, а затем и следственных действий.

Однако за последние несколько лет все чаще встречаются случаи некомпетентного участия различных специалистов и экспертов, которые готовы ответить просто на сложные вопросы, такие как, было ли преступление совершено в отношении ребенка, правдивы ли показания ребенка, каково количество эпизодов преступных деяний и т.д. Следователь, особенно молодой специалист, не всегда может понять возможности и границы компетентности того или иного специалиста, полагая, что иное лицо может ответить на вопросы, которые входят исключительно в компетенцию судебно-следственных органов.

Так, недавно следователи, полагаясь лишь на мнение специалистов-полиграфологов, не проводя добросовестно проверочных, следственных и иных процессуальных мероприятий, принимали судьбоносные решения. Это происходило, несмотря на то что мнение о недопустимости таких проверок в качестве доказательств Верховный суд Российской Федерации высказал уже давно и однозначно, так же, как и многие эксперты и в целом научное сообщество. В связи с низким качеством проверок на полиграфе, отсутствием единого подхода к их проведению и получением в результате сомнительных выводов следствие изменило мнение относительно использования полиграфа.

В настоящее время аналогичная ситуация, на наш взгляд, складывается с психологами, или лицами так себя позиционирующими.

При изучении материалов процессуальных проверок в одном из регионов выявлена порочная практика следователей, сформировавшаяся примерно за год, но, к счастью, не получившая дальнейшего распространения: следователи, проводя

минимальное количество опросов, делегировали свои должностные полномочия сотрудникам одного из центров социальной помощи семье и детям. Сотрудники (психологи) этого центра по запросу следователя отвечали на следующие вопросы: «правдивы ли пояснения «Иванова» относительно совершения в отношении него развратных/насильственных действий?», «Применял ли «Петров» насилие к н/л «Сидоровой»? Совершала ли н/л «Сидорова» добровольно половой акт с «Петровым» и в какой форме?».

Также были выявлены случаи некомпетентной работы психологов не только в рамках следственных действий, но и в ходе их непроцессуальной деятельности. Психологи высказывались не только об индивидуальных особенностях ребенка, но и о том, реально ли ребенок пережил совершенное в отношении него насилие. Принятые процессуальные решения по таким материалам процессуальных проверок отменены как незаконные.

Необходимо отметить, что указанные незаконные и необоснованные решения принимались следователями, имеющими опыт работы от 1 до 3 лет. В своих объяснениях они указывали, что доверяли опытному специалисту со слов последнего, воспринимая себя некомпетентными, в силу возраста и, соответственно, небольшого жизненного опыта.

Наши исследования показали, что 47 % психологов, участвовавших в следственных действиях, констатировали как факт совершение или несвершение преступления. 28% психологов не высказывали своего мнения относительно события преступления, но оно было сформировано. 25% сообщили, что выполнили лишь свои обязанности в виде участия в следственных действиях и не имели какого – либо мнения по событию. При этом из 47 % психологов, констатировавших наличие или отсутствие события преступления, дали об этом соответствующие показания. Однако 41% их них через непродолжительное время (от 1 до 6 месяцев) в устных беседах стали сомневаться в своих выводах, транслируя это вслух.

Таким образом, психологи, отвечая на вопросы, касающиеся обстоятельств совершения преступления, достоверности (правдивости, сокрытия информации и т.д.) грубейшим образом выходят за рамки своей профессиональной компетенции, вторгаясь в сферу юриспруденции, что является недопустимым.

Расследование уголовного дела жестко регулируется действующим законодательством, роли и функции следователя и иных лиц четко обозначены. Так, определена функция психолога - участие в следственном действии в соответствии со ст. 191, 425 УПК РФ. При распространении описанной ранее порочной практики деятельность психолога в уголовном процессе дискредитируется. В связи с этим считаем необходимым обучение психологов основам УПК РФ в части, касающейся проведения следственных действий с участием психолога.

Особенности привлечения девочек-подростков к секстингу в сети интернет

Пятакова А.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Дебольский М.Г.

Актуальность темы исследования обусловлена проблемой отсутствия профилактики секстинга (отправка личных фотографий, сообщений и видео интимного содержания посредством современных средств связи) среди девочек-подростков на сайтах знакомств для подростков. Как показывают исследования, причиной такого явления выступает груминг - как преступление в отношении половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Объект исследования: речевые манипулятивные техники, используемые соблазнителями в отношении несовершеннолетних на сайтах знакомств. Предмет исследования: факторы рисков уязвимости к речевому манипулятивному воздействию у девочек-подростков в возрасте от 12 до 17 лет.

Цель исследования: определение основных факторов риска уязвимости к речевым манипулятивным техникам на каждом этапе взаимодействия с грумером; Методы исследования: контент- анализ, метод экспертных оценок, невключенное наблюдение. Гипотезы: 1) Девочки в возрасте от 12 до 17 лет, зарегистрированные на сайте знакомств, подвержены риску вовлечения в секстинг посредством речевых манипулятивных техник. 2) Контент сексуального характера в коммуникациях с соблазнителями на сайтах знакомств среди подростков обретает форму привычного. 3) Привлечение девочек к онлайн отношениям сексуального характера происходит с помощью финансовой мотивации в частных чат-ботах на сайтах знакомств. Задачи исследования: 1) Выявить отличительные особенности реализации «онлайн груминга» в чатах знакомств. 2) Выделить группу соблазнителей. 3) Выявить манипулятивные техники, используемые соблазнителями.

Для реализации исследования были проведены следующие действия: 1. Выделены основные каналы, чаты и чат-боты знакомств в Telegram. 2. Определены основные способы приобщения и вовлечения подростков в переписку с соблазнителями. 3. С помощью чат-ботов были выделены списки участников, которые активно участвуют в переписках с несовершеннолетними девочками в чатах знакомств. 4. Проведен анализ текстовых, аудио и видео сообщений, их характера и смысловой нагрузки. 5. На основе полученных данных выявлены основные отличительные особенности вовлечения девочек- подростков в «онлайн груминг» с помощью манипулятивных техник.

Отличительной особенностью реализации «онлайн груминга» в чатах знакомств является создание «сексуализированной» среды, которая становится привычной и «обычной» для подростков, а также имеет элементы развлекательного характера. Таким образом, «стирается» грань запрета к теме сексуального и приобретает «юмористический» подтекст. Большой риск вовлечения в «секстинг»

происходит в анонимных чат-ботах, так как «стирается» возможность персонализировать оппонента. Также отличительная особенность вовлечения подростков в секстинг заключается в определенной экономической «подоплеке» таких чат-ботов, где на стадии регистрации можно указать "продажа, покупка, обмен интим-материалами". Вовлекаемой является "подготовленная" аудитория, которая ищет знакомств с противоположным полом, поэтому такие платформы становятся средой, где жертва наиболее уязвима. В то же время девочки-подростки, наблюдая за происходящим в уже в «привычной» атмосфере контента чатов знакомств не только выступают как «жертвы», но и как носители "товара", за который взрослые участники взаимодействия готовы платить. Результаты исследования могут служить базой для дальнейшего исследования такого явления, как груминг, на площадках онлайн знакомств. Ими могут пользоваться правоохранительные органы, авторы исследований на эту тему, школьные учителя и психологи, результаты исследования могут применяться на практике в работе психологов-консультантов, сталкивающихся в своей профессиональной деятельности с проблемой вовлечения девочек-подростков в переписку с грумерами. Данные исследования дают основу для создания ряда профилактических программ по снижению риска виктимности подростков в чатах знакомств.

Субъективное восприятие подростками своей семьи и роли отца в ней

Романова Н.М.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»
(г. Саратов, Россия)

Особенности субъективного восприятия подростками своей семейной системы и отношения к ним родителей лежит в основе их психологического благополучия. Известно, что дисгармоничная родительская позиция и ее отражение в субъективном восприятии подростка обуславливает неблагоприятное развитие его «Я-концепции» (Карабанова О.А., 2005).

Методы исследования. *Тестирование:* тест «Подростки о родителях» Е. Шафера в адаптации Л.И. Вассермана, И.А. Горьковой, Е.Е. Ромициной; тест «Шкала семейной адаптации и сплоченности» (FACES III) Д. Олсона, Дж. Портнера, Р. Белла в адаптации Э.Г. Эйдемиллера, А.Г. Лидерса, М.Ю. Городновой; *метод статистического анализа:* одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова, коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Эмпирическая база исследования: исследование проводилось онлайн с помощью онлайн-инструмента Google Forms. Выборка: 50 подростков из полных семей (42 испытуемых женского пола, 8 - мужского пола). Возраст: от 14 до 17 лет (M=16).

Результаты. Каждая из методик раскрывает особенности восприятия подростками своей семейной системы и отношение родителей к ним. По данным методики «Шкала семейной адаптации и сплоченности», подростки описывают свои семьи как имеющие преимущественно разобщенный уровень семейной сплоченности (58%); ригидный (54%) и хаотичный (30%) уровни семейной адаптации. Разобщенный уровень семейной сплоченности (методика «Шкала семейной адаптации и сплоченности») связан со шкалами теста «Подростки о родителях» Е. Шафера: директивностью отца (0,647*; * $p \leq 0,05$) и враждебностью отца (0,864*; $p \leq 0,05$). Ригидный уровень семейной адаптации также связан с директивностью отца (0,599*; $p \leq 0,05$) и враждебностью отца (0,779*; $p \leq 0,05$). Для хаотичного уровня семейной адаптации значимых связей не выявлено.

Обсуждение. Большая часть подростков показывает неудовлетворенность существующей семейной системой. Преобладающее число подростков оценивают свои семьи как имеющие преимущественно деструктивные особенности семейной адаптации и сплоченности: холодность, отсутствие привязанности и отгороженность членов семьи друг от друга (разобщенный уровень семейной сплоченности); низкая степень гибкости и чрезмерная иерархизированность семейной системы (ригидный уровень семейной адаптации); непоследовательность и непредсказуемость действий и поведения членов семейной системы, спонтанность принимаемых решений (хаотичный уровень семейной адаптации). Выявлена важность роли отца в характере семейной адаптации и сплоченности. В своем восприятии подростки связывают фигуру отца как важнейшую в создании семейного психологического климата. Подростки видят своего отца как преимущественно холодного, отчужденного и агрессивного. Воспринимаемая подростками его директивность и враждебность напрямую связаны с видением семьи как имеющей разобщенный и ригидный уровни семейной адаптации и сплоченности.

Литература

1. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учебное пособие. М.: Гардарики, 2005. 320 с.

Проблемы экспертной оценки уголовно-процессуальной дееспособности у несовершеннолетних обвиняемых

Терехина С.А., Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Федонкина А.А.
ФГБУ «НМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России,
ФГБОУ ВО МГППУ, ФГБНУ «НЦПЗ»
(г. Москва, Россия)

В последнее десятилетие в связи с изменением законодательства приобрели актуальность вопросы комплексной оценки уголовно-процессуальной дееспособности (УПД) правонарушителей. Она является отдельным предметным видом комплексных

судебных психолого-психиатрических экспертиз, в рамках которого исследованию подлежит комплекс способностей обвиняемого, связанных с пониманием характера и значения судопроизводства и своего процессуального положения в нем, самостоятельным совершением действий, направленных на реализацию своих прав и обязанностей. Несовершеннолетние правонарушители в силу возраста и психологических особенностей не могут самостоятельно реализовывать свое право на отстаивание собственных интересов, поэтому в уголовном судопроизводстве им законодательно обеспечивается дополнительная защита. В связи с этим особый статус подростков-правонарушителей необходимо учитывать при разработке критериев комплексной клинико-психологической оценки УПД.

В силу неполной сформированности у подростков мотивационно-смысловой сферы, особенностей их когнитивного развития, незрелости регуляторных механизмов к ним целесообразно предъявлять менее жесткие требования по сравнению со взрослыми обвиняемыми с точки зрения их возможности принимать участие в судебно-следственных действиях. Основные ограничения связаны с такими нарушениями способности к регуляции своего поведения несовершеннолетним, которые существенно препятствуют регламенту проведения судебно-следственных мероприятий (Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., 2018). При оценке УПД подростка-правонарушителя целесообразно исходить из двух вариантов возможных решений («может в полной мере» / «не может»), поскольку введение «ограниченной УПД» не будет иметь практических последствий при решении вопроса о его возможности принимать участие в судебно-следственных действиях. Однако это не касается оценки способности несовершеннолетнего обвиняемого давать показания, при которой должны быть предусмотрены более дифференцированные варианты экспертных решений. Отдельно необходимо исследовать способность несовершеннолетнего к продуктивному взаимодействию с защитником и законным представителем, поскольку от него во многом зависит качество защиты его прав и интересов в судебном процессе.

Всесторонность и доказательность экспертных выводов определяется использованием адекватного и надежного психодиагностического инструментария, адаптированного к решению задач экспертной практики. Комплекс применяемых в рамках экспертизы несовершеннолетних методик в целом позволяет оценить потенциальную УПД обвиняемых подростков. В то же время не уделяется должного внимания оценке актуальной возможности несовершеннолетнего реализовать свои процессуальные функции, которая предполагает разработку соответствующих методических средств, использующих принцип моделирования судебно-следственной ситуации (Ошевский Д.С., Терехина С.А., Дозорцева Е.Г. и др., 2018).

Перспективным является изучение особенностей оценки УПД у психически здоровых несовершеннолетних с признаками личностной незрелости, а также исследование гендерной специфики УПД подростков-правонарушителей.

Литература

1. Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г. Комплексная психолого-психиатрическая оценка уголовно-процессуальной дееспособности несовершеннолетних обвиняемых с психическими расстройствами: научный обзор // Российский психиатрический журнал. 2018. No 3. С. 33–39.
2. Клинико-психологические аспекты экспертной оценки уголовно-процессуальной дееспособности у несовершеннолетних обвиняемых / Д.С. Ошевский [и др.] // Психология и право. 2018. Том 8. No 3. С. 226–239. doi: 10.17759/psylaw.2018080316.

Влияние развода родителей на формирование девиантного поведения подростков

Токарева Г.М.

ФГОУ ВО «ПМГМУ им. И.М. Сеченова»

ГБУЗ Московской области «Центральная клиническая психиатрическая больница им. Ф.А. Усольцева»
(г. Москва, Россия)

Пережитый в детстве развод родителей, по мнению многих специалистов, приводит к значительным последствиям в жизни ребенка, в том числе способствует формированию девиантного поведения (Манапова Е.И., 2004; Макаartyчева Г.И., 2007).

Дети остро реагируют на любое нарушение семейного стереотипа. В 60% случаев они дают психогенную реакцию, из которых около 1/3 переходит в развернутые психогенные заболевания: невроты и личностные нарушения, а также отклонения в поведении, вплоть до противозаконных (Овчарова Р.В., 2001).

В Центре амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы при ГБУЗ МО «ЦКПБ им. Ф.А. Усольцева» проведен анализ случаев совершения правонарушений среди подростков в возрасте 14-18 лет. Во всех учтенных случаях подэкспертные признали свою вину в инкриминируемых им деяниях. Среди них 53% подростков, совершивших правонарушения, пережили развод родителей в различные периоды жизни: в раннем возрасте - 15%, дошкольном возрасте - 24%, школьном возрасте - 22%, подростковом возрасте - 39%. Совершили правонарушения агрессивного характера, направленные против личности (телесные повреждения, убийства), 18% обследованных. А значительное большинство (82%) - правонарушения неагрессивного характера (хулиганство, кражи, оборот наркотиков).

Влияние семьи на психологическое и социальное благополучие ребенка несравнимо по значимости с другими социальными институтами. В семье формируется личность, происходит знакомство с социальными ролями и овладение ими, формируются нормы поведения, на основе которых закладывается нравственность ребенка. Семья способствует самоутверждению человека,

стимулирует его социальную, творческую активность, раскрывает индивидуальность (Афанасьева Т.М., 1998).

Значим возраст ребенка, в котором он пережил ситуацию развода родителей. Подростковый возраст является сензитивным для развития ценностно-смысловой сферы, которая играет чрезвычайно важную роль в саморегуляции поведения, осуществляет функцию внутренних психологических границ. В случае развода родителей, который приводит к изменению устоявшихся стереотипов, стабильных взаимоотношений, происходит переосмысление ценностей и жизненных смыслов. Это может приводить к подростковым реакциям отказа, протеста, группирования, ощущению непонятности другими, чувству вины, стыда за неблагополучных родителей.

У подростков интенсивно происходит процесс социализации с отчуждением от той среды, где живет ребенок либо приобщением к ней. Отчуждение проявляется в виде чрезмерной чувствительности, уязвимости, неуверенности, эмоциональной неустойчивости, раздражительности и вспыльчивости, критичного отношения к родителям. В ситуации конфликтного развода родителей подростки могут встать на сторону одного из них, проявлять агрессивность или замкнуться, испытывать чувство одиночества, тоски, покинутости, разочарования в привычных нравственных нормах, могут разувериться в любви, найти «поддержку» и «понимание» в неблагополучных компаниях и, как следствие, проявлять различные формы девиантного поведения.

В ситуации развода родителей, особенно конфликтного, у подростков высок риск формирования девиантного поведения. На этом фоне возрастает значимость психологического сопровождения детей как непосредственно в ситуации развода родителей, так и после него.

Литература

1. Афанасьева Т.М. Семья: учебное пособие для 9–10-х кл. сред. шк. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1988. 284 с.
2. Макарычева Г.И. Коррекция девиантного поведения: тренинги для подростков и их родителей. СПб.: Речь, 2007. 368 с.
3. Мананова Е.И. Психология девиантного поведения: учебное пособие для вузов. Омск: [Изд-во ОмГПУ], 2004. 143 с.
4. Овчарова Р.В. Справочная книга социального педагога. М.: Творческий Центр Сфера, 2005. 480 с.

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Современное положение пенитенциарной психологии за рубежом

Алигаева Н.Н.

ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний»

(г. Рязань, Россия)

По данным бюро судебной статистики (Bureau of Justice Statistics, 2022) к концу 2020 года около 5 500 600 человек находились под надзором исправительных систем в Соединенных Штатах, что на 11% меньше, чем в то же время в предыдущем году. Большинство исследователей относят факт снижения количества осужденных с замедлением работы уголовно-исполнительной системы в связи с пандемией, а не внесением изменений в правовую деятельность. И поскольку система постепенно возвращается к деятельности, численность осужденных восстанавливается до допандемического уровня.

С увеличением количества осужденных остро встает вопрос: наказывать или реабилитировать лиц, совершивших правонарушение.

Конечно, в заключении осужденные не должны испытывать чувства полной удовлетворенности или радости. Но сочетание строгих условий отбывания наказания, нехватки бюджета и квалифицированных специалистов приводят к меньшей вероятности реабилитации лиц, отбывающих наказание. Так, более 70% лиц, содержащихся в американских тюрьмах, имеют, по крайней мере, одно диагностированное психическое заболевание или расстройство, связанное с употреблением психоактивных веществ. Каждый день около 380 000 человек с психическими заболеваниями находятся в тюрьмах по всей территории Соединенных Штатов, а еще 574 000 – под исправительным надзором. Исследователи отмечают, что тюрьмы во многом стали де-факто психиатрическими больницами, однако они были построены для того, чтобы иметь дело с преступниками, отбывающими срок наказания, а не с психически больными людьми.

Во многих пенитенциарных учреждениях психологи являются основными «поставщиками» психиатрической помощи. Психологи предоставляют услуги, начиная от проверки новых заключенных на наличие психических заболеваний и заканчивая групповой терапией и кризисным консультированием. Однако для того, чтобы добиться значительного прогресса в профилактике проблем, связанных с преступностью, необходимо выявить их причины, основываясь на научных теориях. Теоретическая безграмотность угрожает развитию научных подходов и является существенным препятствием для эффективной судебно-психологической и

исправительной практики. В исправительных учреждениях, где решения имеют реальные последствия, заманчиво представлять, что есть один «лучший» способ выполнения работы (Ward T., 2020).

Однако, может показаться бессмысленным сравнивать США с их населением более 300 миллионов человек, например, с небольшим населением Норвегии и их системой исправительных учреждений, направленной на реабилитацию. Но ужесточение наказания мало способствует сдерживанию преступности. Задача уголовно-исполнительной системы заключается не только в наказании путем изоляции и жесткого контроля, но и в социальном обеспечении (получение образования, профессии, пенсии и иных льгот), воспитании и психологической поддержке, что способствует дальнейшей благоприятной ресоциализации.

Знание как достоинств, так и недостатков зарубежного опыта и практики исполнения наказаний помогает не повторять «чужих» ошибок и своевременно внедрять эффективные психотехнологии.

Литература

1. Baleo M. Why and How Should We Jail Criminals? [электронный ресурс] // Nótt. URL: <https://nottmagazine.wordpress.com/2015/05/23/why-and-how-do-we-jail-criminals/> (дата обращения: 22.09.2022).
2. Number of persons under the supervision of adult correctional systems in the United States, 2010–2020? [электронный ресурс] // Bureau of Justice Statistics. URL: <https://bjs.ojp.gov/#number-of-persons-under-the-supervision-of-adult-correctional-sy> (дата обращения: 19.09.2022).
3. Ornstein N., Leifman S. Locking People Up Is No Way to Treat Mental Illness [электронный ресурс] // The Atlantic. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2022/05/mental-illness-treatment-funding-incarceration/643115/> (дата обращения: 19.09.2022).
4. Sawyer W., Wagner P. Mass Incarceration: The Whole Pie 2022 [электронный ресурс] // Prison Policy Initiative. URL: <https://www.prisonpolicy.org/reports/pie2022.html> (дата обращения: 19.09.2022).
5. Ward T. Why theory matters in correctional psychology: theoretical illiteracy and therapeutic ineffectiveness // Forensische Psychiatrie, Psychologie, Kriminologie. 2020. Vol. 14. No 1. P. 22–34. doi: 10.1007/s11757-019-00578-9.

Изучение жизненного пути осужденных женщин с негативной установочной позицией к социуму

Баламут А.Н.

ФКУ «Научно-исследовательский институт ФСИН России»

(г. Москва, Россия)

Актуальность рассматриваемого вопроса очевидна ввиду того, что определение жизненного пути личности не имеет достаточного распространения и полного раскрытия в различных источниках по психологии, однако имеет значительные возможности для применения в области пенитенциарной психологии. Для научного осмысления и восприятия смысла жизненного пути необходимо уточнение значения данного понятия.

Идеи Б.Г. Ананьева (Ананьев Б.Г., 2008, переизд.) о жизненном пути личности как субъекте, преобразующем жизненные обстоятельства, являются актуальными и в настоящее время, именно с позиции отношения к жизненным трудностям и способам их преодоления.

В этой связи положительная трансформация личности связана с выбором дальнейшего жизненного пути человека. При этом если данный выбор жизненного пути человеком происходит осознанно и целенаправленно, что требует высокого уровня личностного, волевого и интеллектуального развития, то возможности раскрытия творческого потенциала существенно повышаются. Что касается осужденных, их личный выбор, в большинстве случаев, менее осознанный.

Однако мы не только можем определять свой жизненный путь посредством осознанного или менее осознанного выбора, но и преобразовывать сделанный выбор жизненного пути в процессе его реализации, даже если первоначально данный выбор осуществлен менее осознанно, под влиянием эмоций и др.

Внимание к жизненному пути осужденных женщин связано с необходимостью изменения их поведения в условиях исправительной колонии и подготовкой к жизни в новых условиях свободы. Особенно остро встает проблема осознания себя и своего будущего, перспектив своей жизни у осужденных с негативной установочной позицией к социуму. Все вышесказанное предопределило актуальность данной темы исследования.

При этом жизненная позиция характеризуется избирательностью отношения субъекта жизнедеятельности к событиям, происходящим в жизни человека и на основе прошлого опыта формирующей определенную точку зрения, определяющую восприятие реальности, а также облегчающую или усложняющую в дальнейшем его жизнь с учетом избранных стратегий поведения.

В этой связи негативная установочная позиция к социуму подразумевает враждебное, агрессивное отношение (фиксация на негативных последствиях травмирующего опыта), где под социумом подразумевается не только персонал исправительного учреждения, институты гражданского общества, но и сама жизнь после освобождения и то, как эту жизнь осужденная видит для себя.

Согласно результатам проведенного под нашим научным руководством исследования, можно сделать вывод о том, что для осужденных женщин с негативной установочной позицией к социуму характерен «фрустрационный синдром», проявляющийся в виде иллюзорности будущего, «краха» жизненных планов и перспектив с доминированием амбивалентных состояний и чувств безнадежности, незащищенности, отчаяния, обреченности. Происходит изменение ценностей,

которые обусловлены длительностью пребывания в местах лишения свободы, влиянием условий пенитенциарной среды. На субъективном уровне для настоящего периода жизни у данной категории лиц наблюдается потеря ощущения личностной значимости происходящего, нарушение психологической связи с действительностью, недостаточность эмоциональной вовлеченности в события настоящего, созерцательность позиции, ощущение недостатка сил, утомление, выраженное чувство одиночества.

Все это важно учитывать в психокоррекционной работе с осужденными женщинами в процессе формирования психологической готовности к освобождению посредством осознания негативного отношения к событиям жизни и переоценки своего жизненного пути в целом.

Литература

1. Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания: избранные психологические труды. 3-е издание, стереотипное. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: МОДЭК, 2008. 432 с.

Психологические особенности различных групп несовершеннолетних осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции

Бокова Н.В.

ФКУ «Уголовно-исполнительная инспекция» УФСИН России по г. Москве
(г. Москва, Россия)

Левин Л.М.

ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет»
(г. Москва, Россия)

Анализ официальной статистики показывает заметное снижение количества правонарушений, совершаемых несовершеннолетними. Уменьшилась также численность несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях (Характеристика лиц..., 2022). Это свидетельствует о положительных тенденциях динамики преступности несовершеннолетних и совершенствовании профилактической работы с подростками. Однако ряд исследователей (А. М. Потапов, С. И. Паканич, Е.Г. Дозорцева, М.Г. Дебольский, А.Р. Ратинов, Ю.М. Антонян и др.) обращают внимание, что преступления несовершеннолетних преимущественно носят групповой характер и требуют дополнительного изучения психологии их взаимодействия. Это также указывает на актуальность темы исследования.

Общий объем выборки – 100 несовершеннолетних осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции, которые были поделены на 4 группы: подростки, совершившие преступления в группе (25 человек) и индивидуально (25

человек), не имеющие психических расстройств; а также 2 группы респондентов, состоящих еще и на учете в ПНД, совершивших правонарушения как индивидуально, так и в группе (по 25 человек в каждой).

По результатам опросника самооценки психических состояний у несовершеннолетних, совершивших групповые правонарушения, отмечаются завышенные показатели по шкале «агрессивность» (как на усреднённом профиле, так и большинства осужденных), в сравнении с аналогичными результатами у осужденных, совершивших индивидуальные преступления.

Подростки, совершившие преступления группового характера и состоящие на учете в УИИ, имеют свои специфические психологические особенности, по сравнению с другими условно осужденными. Среди таких особенностей обращают на себя внимание такие характеристики, как повышенная тревожность, более высокая астеничность, более высокая агрессивность.

Обнаружены значимые различия между группами по застревающей, тревожной и возбудимой акцентуациям. Также, у таких подростков наблюдается более выраженная, чем у подростков, не состоящих в ПНД, возбудимость, и менее выраженная застревающая акцентуация, которая соотносится с выявленной ранее низкой ригидностью.

Также стоит отметить, что у осужденных, состоящих на учете в ПНД, отмечается менее выраженная склонность к социально-желаемым ответам, что характерно для лиц с психопатией, а также, более низкий самоконтроль, что, также может быть обусловлено различными психическими аномалиями, и более высокая склонность к различного рода аддикциям, можно предположить, что именно аддикции у данных подростков послужили причиной постановки на учет в ПНД.

Обнаружены значимые различия в результатах по педантичной, тревожной и дистимной акцентуациям. У подростков, совершивших преступления в группе, отмечаются более высокие показатели тревожности, и сама тревожная акцентуация в данной группе встречается гораздо чаще, чем среди подростков, совершивших преступления индивидуально. Данный факт можно объяснить тем, что подростки с высокой тревожностью не способны совершить преступное деяние индивидуально, однако, объединяясь в группы, подростки, субъективно распределяя ответственность за преступление между членами группы, не чувствуют такой сильной тревожности, и субъективно готовы совершить преступное деяние.

Знание отмеченных выше особенностей позволяет индивидуализировать процесс исправительного воздействия на осужденных данной категории.

Литература

1. Характеристика лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Федеральная служба исполнения наказаний. URL: [https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/index\(2\).php](https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/index(2).php) (дата обращения: 09.10.2022)

Особенности психологического состояния у осужденных мужского пола в зависимости от срока и вида наказания

Ваганова Р.М., Мельникова Д.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Длительность срока отбывания наказания и его вид являются одними из основных факторов, которые влияют на психологическое состояние осужденных. Их влияние может приводить к изменениям актуального эмоционального состояния и деструктивному поведению. Длительные сроки отбывания наказания могут осложнять ресоциализацию осужденного и после отбывания наказания (Рогач В.Г., 2019; Гончаров Д.Ю., Кудряшов А.В., 2019).

Цель исследования: выявление особенностей психологического состояния у осужденных мужского пола в зависимости от срока и вида наказания.

Методики исследования: экспресс-диагностика фрустрации В.В. Бойко, анкеты самооценки. Статистическая обработка данных осуществлялась в программе IBM SPSS Statistics 21. Для выявления связей признаков был использован критерий независимости Хи-квадрат; для выявления различий между 2 независимыми выборками был применен критерий Манна-Уитни.

Выборка. В исследовании приняли участие 36 осужденных, которые отбывают наказание в исправительном учреждении общего режима. Все участники исследования мужского пола. Из них 18 мужчин (50%) осуждены на срок до 3,5 лет и 18 мужчин (50%) осуждены на срок более 3,5 лет.

Выводы: 1. Наказания, влекущие за собой лишение свободы, сильнее влияют на психологическое состояние осужденных, чем наказания, не подразумевающее лишение свободы, ввиду наличия в исправительных учреждениях факторов пенитенциарной среды. Попадая в исправительное учреждение, осужденный лишается свободы, а также происходит резкое ограничение связи с внешним миром. Более того, в местах лишения свободы существуют строгие правила нахождения, и в своем большинстве они не позволяют осужденному вести себя так, как он это делал до назначения наказания. Они вносят строгую регламентацию в жизнь преступника.

2. В результате проведенного исследования были выявлены следующие актуальные психологические состояния, которые часто встречаются у осужденных на протяжении всего периода отбывания наказания в исправительном учреждении: стресс, фрустрация, тревожность, депривация, агрессия, аффект. На наш взгляд, данный результат может объясняться тем, что осужденные данной категории отбывают наказания в исправительных учреждениях, где факторы пенитенциарной среды в совокупности с личностными особенностями осужденных, а также криминальная субкультура негативно влияют на психологическое состояние осужденных, в частности, приводят к появлению вышеперечисленных негативных состояний.

3. По результатам проведенного исследования, у осужденных, которые отбывают более длительные сроки наказания, были выявлены следующие актуальные психологические состояния: фрустрация ($p=0,019<0,05$), одиночество ($p=0,007<0,05$), тоска ($p=0,012<0,05$), тревожность ($p=0,01<0,05$), напряженность ($p=0,045<0,05$).

4. Можно предположить, что длительное влияние факторов пенитенциарной среды на осужденных в местах лишения свободы необратимо влияет на психологическое и эмоциональное состояние осужденных. Усугубляются проявления негативных сторон личности человека. Следовательно, осужденному, который вышел на свободу после отбывания длительного срока наказания будет сложно ресоциализироваться в общество, что может быть основанием для повторного совершения преступлений.

Литература

1. Гончаров Д.Ю., Кудряшов А.В. Практика применения наказания в виде пожизненного лишения свободы. // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2019. No 4. 220–230.
2. Рогач В. Г. Психология переживаний у осужденных мужского пола, отбывающих длительные сроки лишения свободы: монография. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2019. 181 с.

Классификация несовершеннолетних, совершивших сексуализированные преступления: проблемы и перспективы в науке и практике

Вартанян Г.А.

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
ФКУ «СИЗО №5 УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области»
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Актуальность исследования обусловлена высоким риском совершения рецидивных преступлений, а также тем обстоятельством, что потерпевшими часто становятся несовершеннолетние. Зарубежные исследования позволили установить неоднородность группы агрессоров, в связи с чем вопросы интервенций вызвали необходимость рассматривать их под другим углом (Michael C. Seto, Martin L. Lalumière, 2010). Таким решением является выделение классификации, позволяющей точнее формировать психотерапевтические мишени, разрабатывать психокоррекционные, превентивные и профилактические программы.

Теоретический анализ отечественной литературы позволил выделить ряд противоречий. С одной стороны, большое количество исследований, посвящённых изучению сексуализированной агрессии и личности взрослых, и недостаточное количество аналогичных исследований несовершеннолетних, – с другой. Необходимость разработки и внедрения психологических программ, с одной стороны, и их однородность, не позволяющая в полной мере выполнять поставленные задачи, –

с другой. Изложенное позволяет чётче увидеть проблему исследования и необходимость её разработки.

Анализ зарубежных источников позволил выделить несколько подтверждающих и дополняющих друг друга классификаций (J. Hunter, 2000; R. Corsini и A. Auerbach, 2003). Данная идея продолжает разрабатываться, что подчёркивает её теоретико-методологическое и практическое значение. Отметим, что подобных исследований в отечественной литературе не обнаружено.

Проведённое нами исследование с участием 318 несовершеннолетних позволило выделить авторскую классификацию: подавляющий и перверсивный типы (Вартанян Г.А., 2018). Сексуализированная агрессия первых инструментальна, преступления ситуативны, совершаются в группе, чаще в отношении гетерообъекта. Обнаружена взаимосвязь численного состава группы и уровня жестокости ($r=0,33$; $p\leq 0,05$). Несовершеннолетние отличаются токсичной маскулинностью, имеют ранний сексуальный дебют. Преступления вторых имеют прямой сексуальный контекст, тщательно продумываются, совершаются одним преступником, чаще в отношении гомообъекта. Несовершеннолетние замкнуты и необщительны. Сексуальный дебют или совпадает с деликтом, или имеется психотравмирующий гетероориентированный опыт.

В последнее время на проблему необходимости классификации и отсутствия в национальной литературе соответствующих исследований указывают и европейские коллеги (Sandra Siria, Enrique Echeburúa and Pedro J. Amor, 2020), что, на наш взгляд, подтверждает значимость и актуальность темы в широком научном и практическом аспектах.

Представленная проблема открывает пути для психокоррекционной и превентивной работы с несовершеннолетними, её выделение позволит разрабатывать и внедрять соответствующие программы интервенций. Предложенная авторская классификация отражает специфические особенности несовершеннолетних и может быть использована пенитенциарными психологами.

Литература

1. Вартанян Г.А. Клинико-психологические особенности несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления сексуального характера: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2018. 218 с.
2. Психологическая энциклопедия / Ред. Р. Корсини, А. Ауэрбах. 2-е издание. СПб.: Питер, 2003. 1096 с.
3. Hunter J.A., Understanding Juvenile Sex Offenders: Research Findings and Guidelines for Effective Management and Treatment [Электронный ресурс]: Report (Study/Research). 2000. NCJ Number191591. // Office of Justice Programs: U.S. Department of Justice. URL: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/understanding-juvenile-sex-offenders-research-findings-and-0> 2000 (дата обращения: 08.10.2022).

4. Seto M.C., Lalumière, M.L. What Is So Special About Male Adolescent Sexual Offending? A Review and Test of Explanations Through Meta-Analysis // *Psychological Bulletin*. 2010. Vol. 136. No 4. P. 526–575. doi: 10.1037/a0019700.
5. Siria S., Echeburúa E., Amor P.J. Characteristics and risk factors in juvenile sexual offenders // *Psicothema*. 2020. Vol. 32. No 3. P. 314–321. doi: 10.7334/psicothema2019.349.

Особенности переживания чувства вины женщинами, осуждёнными за корыстные преступления

Власова Е.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
(г. Москва, Россия)

Ушков Ф.И.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения
наказаний»
(г. Москва, Россия)

Вина является важным основанием к переоценке своих поступков, ведет к успешной ресоциализации, последующей интеграции в общество с устойчивой составляющей к отказу от противоправного поведения (Калистратов П.Ю., 2011).

Чувство вины – сложный и противоречивый феномен. С одной стороны, вина является социальным регулятором, положительно влияет на отношение человека с самим собой; с другой – часто рассматривается деструктивный аспект вины, который оказывает негативное влияние на здоровье человека и на его жизнь в целом (Белик И.А., 2006).

Феномен вины изучается в психоаналитическом (З. Фрейд, А. Фрейд, К. Хорни и др.), гуманистическом (А. Маслоу и др.), экзистенциально-гуманистическом (И. Ялом, Дж. Бьюдженталь), экзистенциальном (В. Франкл, Р. Мэй и др.) и когнитивном (J. Tangney, M. Hoffman) подходах.

При многообразии подходов рассмотрения чувства вины, авторами отмечается, что есть оптимальный уровень переживания чувства вины. Люди с таким показателем вины показывают наибольшие адаптивные способности (Ильин Е.П., 2009).

Авторы выделяют черты характера, которые присущи женщинам-преступницам. Ю.М. Антонян в своих работах пишет об импульсивности, демонстративности, неспособности контролировать поведение, тревожности. Другими авторами указывается, что заключенные женщины лживы, скрытны, эгоистичны и отрицают собственную вину (Янчук И.А., 2018).

Чезаре Ломброзо делал акцент на том, что женщины с необыкновенным упорством отрицают свою вину даже при наличии доказательств, которые невозможно интерпретировать двояко (Янчук И.А., 2018).

Женщины, осужденные за корыстные преступления, грубы, конфликты, раздражительны, властны, агрессивны. Они верят в успех без усилий: готовы вкладывать крупные суммы денег в сомнительные компании, надеются заработать, участвуя в финансовых пирамидах (Сухов А.Н., 2021).

Г.М. Дементьева и И.В. Морозкина пишут о том, что у женщин, осужденных за корыстные преступления, существует тенденция к меньшей эмоциональности и большая устойчивость антисоциальных установок. Они не признают свою вину и не раскаиваются за содеянное (Янчук И.А., 2018).

Для профилактики преступлений первостепенными становятся эффективное психологическое сопровождение осужденных и ресоциализация. Именно ресоциализация дает гарантию на отсутствие повторного преступления (Борченко В.А., 2019).

Расширение исследований в области изучения особенностей чувства вины женщин, осужденных за корыстные преступления, поможет в индивидуализации планов психологического сопровождения и положительно скажется на динамике снижения количества корыстных преступлений.

Литература

1. Белик И.А. Чувство вины в связи с особенностями развития личности: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2006. 209 с.
2. Борченко В.А. Особенности социальной работы с осужденными женщинами // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт». Самарский юридический институт ФСИН России. 2019. С. 27-30.
3. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений. СПб.: Изд-во Питер, 2009. 576 с.
4. Калистратов П.Ю. Гендерные особенности проявления вины у осужденных // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика. 2011. Том 11, № 3. С. 95–97.
5. Сухов А.Н. Пенитенциарная психология: учебник. М.: Изд-во Проспект, 2021. 1248 с.
6. Янчук И.А. Особенности личности женщин, осужденных к лишению свободы, и их влияние на индивидуализацию исполнения наказания // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 4(44). С. 61–68.

О психокоррекционной работе с осужденными за коррупционные преступления

Гусева А.С.

ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний»

(г. Рязань, Россия)

Согласно статистическим данным за 2021 год, «количество осужденных за коррупционные преступления выросло на 35%. По словам председателя Верховного суда России, за преступления коррупционной направленности в 2021 году осуждены 9,6 тыс. лиц - на 2,5 тыс. больше, чем в 2020 году» (Председатель ВС РФ..., 2022). Поскольку целями уголовно-исполнительной системы являются исправление осужденных и предупреждение совершения ими новых преступлений, пенитенциарным психологам необходимо использовать комплексное психокоррекционное воздействие, направленное на коррекцию личностных особенностей осужденных за коррупционные преступления.

По мнению Б. Д. Карвасарского, под психокоррекционной работой понимается психологическое воздействие на определенные психологические структуры личности с целью обеспечения полноценного развития и функционирования индивида (Карвасарский Б. Д., 2013). Основной целью воздействия на осужденных, является их исправление, что, в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством, включает формирование у них положительных личностных качеств и стимулирование правопослушного поведения.

Психокоррекционная работа с осужденными за коррупционные преступления проводится с учетом специфики учреждения и режимных требований. Организация психокоррекционной работы включает в себя несколько этапов: 1) предварительный, 2) тренинговый, 3) заключительный.

На *предварительном этапе* происходит осуществление психологической диагностики личностных особенностей осужденных за коррупционные преступления на входе и выходе с использованием психодиагностического инструментария.

Тренинговый этап включает в себя проведение тренингов по программе психологической коррекции личностных особенностей осужденных за коррупционные преступления. На начальных этапах психокоррекционного воздействия психолог обозначает цели и задачи тренинга, проводит техники по сплочению, доверию. В ходе тренинга большое внимание уделяется работе со смысловой сферой, самопознанием, так как мы полагаем, что основу коррупционного поведения составляют именно особенности смысловой сферы человека и его представления о жизни. Полагаем, что, уделяя чрезмерное внимание проблемам коррупции как явления, мы провоцируем активизацию механизмов психологической защиты. В тренинговой работе мы особенно подчеркиваем именно личность и личностные качества каждого участника, через которые возможно изменить его смысловые установки. После окончания тренинговых занятий проводится повторная психологическая диагностика по методикам, использованным на предварительном этапе.

Заключительный этап – заключительное слово. Финальным мероприятием, возвращающим участников к проблеме коррупции, является «заключительное слово». После проработки индивидуальных особенностей каждого участника группы путем отвлечения от болезненных проблем и тем, связанных с совершенными преступлениями, осужденные возвращаются к этой теме с новыми мыслями и

настроениями, пропустив их через «нового себя». Участникам предлагается в диалоговой форме обозначить свою позицию и свое отношение к коррупции, а также к лицам, которые совершают коррупционные преступления.

Таким образом, главной задачей психокоррекционной работы выступает оптимизация представлений осужденного о себе как о человеке, сформировавшем представления о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями, не нарушая при этом закон.

Литература

1. Карвасарский Б.Д. Психотерапевтическая энциклопедия. 3-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2006. С. 944.
2. Председатель ВС РФ: более чем на треть возросло число осужденных за коррупцию в 2021 году [Электронный ресурс] // Раблер/. URL: <https://news.rambler.ru/crime/48100886-predsdatel-vs-rf-bolee-chem-na-tret-vozroslo-chislo-osuzhdennyh-za-korrupsiyu-v-2021-godu/> (дата обращения: 29.09.2022).

Основные подходы к исследованию личностной ответственности сотрудников УИС в рамках отечественной и зарубежной психологии

Заргаров А.В.

ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний»

(г. Рязань, Россия)

В настоящее время в психологии отсутствует единое представление понятия «ответственность», но все же принято относить ответственность к базовым свойствам личности, именно по этой причине она изучается смежными науками: философией, юриспруденцией, социологией, педагогикой, этикой.

Ответственность – это «гарантирование субъектом достижения результата собственными силами на основе самостоятельно принятого решения, осознанного долга и совести» (Прядеин В.П., 2001).

К. А. Абульханова-Славская рассматривает ответственность как «самостоятельное, добровольное осуществление необходимости в границах и формах, определяемых субъектом» (Абульханова-Славская К.А., 1985. С.6).

В научной литературе часто происходит отождествление двух понятий: «ответственного отношения» и «ответственности», но стоит отметить значительную разницу этих двух понятий, ответственное отношение носит ситуативный характер, а ответственность – это устойчивое свойство личности. Поэтому подразумевать под данными терминами что-то общее считается грубой ошибкой.

Большой вклад в исследование феномена ответственности внесли: К. А. Абульханова-Славская (1995); В. П. Прядеин (2001), В. В. Ильин, А. Е. Разумов (1988); К. Муздыбаев (1983); А. Г. Спиркин (1972); Э. И. Рудковский (1979); В. Ф. Сафин (1986); В. П. Зинченко (1989); Н. А. Минкина (1989); И. С. Марьенко (1983); Г. Л. Тульчинский (1990); В. С. Кузнецова, В. С. Морозова (1983); J. H. Harvey, В. Harris, R. D. Barnes (1975); С. R. Rogers (1961); L. Kolberg (1969,1981); J. Piaget (1977) и др.

В трудах отечественных и зарубежных ученых можно выделить два основных подхода к исследованию ответственности личности: системное исследование и исследование отдельных аспектов ответственности. В рамках системного подхода ответственность принято рассматривать с позиции системного анализа и единства характеристик, выполняющих схожие функции В. П. Прядеин называет их функциональными блоком (Прядеин В.П., 2001). При исследовании отдельных аспектов ответственности чаще рассматривают взаимосвязи: социальная и личная ответственность; ответственность и свобода личности; нравственная категория ответственности; ответственность как действие; ответственность в каузальной атрибуции; ответственность личности в соотношении внутреннего и внешнего; воспитание ответственности. Рассмотрим некоторые наиболее значимые из них:

Социальная и личная ответственность – в рамках данного исследования ответственность рассматривается во взаимосвязи социальной и личной ответственности. В этой области наиболее значимые исследования принадлежат А. Г. Спиркину, он утверждает, что «С чувством ответственности совершается не любой поступок человека, а лишь социально значимый» (Спиркин А.Г., 1972. С. 291), по его мнению, «объективной основой ответственности человека перед обществом и самим собой является реальная связь общества и личности, которая всегда носит противоречивый характер. Существуют социальные нормы, но существует и свобода выбора, в том числе и возможность их нарушения. Где нет выбора, там нет и ответственности» (Спиркин А.Г., 1972. С. 293).

Ответственность и свобода личности – авторы исследований в данной области сходятся на необходимости свободного и самостоятельного выбора личности перед каким-либо ответственным действием (Ильин В.В., Разумов А.Е., 1988).

Нравственная категория ответственности – в исследованиях этого направления ответственность рассматривалась с позиции этики, нравственности и морали. Ведущим нравственным качеством ответственность становится тогда, «когда она не может быть изменена субъектом по его произвольному желанию» (Сафин В.Ф., 1986. С.116)

Воспитание ответственности – в отечественной психологии до сих пор остается спорным вопрос о сензитивных периодах воспитания ответственности: по мнению В. С. Мухиной он колеблется от 5 до 6 лет, а в исследованиях К. А. Абульхановой-Славской этот период длится до студенческого возраста. По мнению различных ученых, воспитать ответственность – значит научить субъекта осознанию

прав и обязанностей (Ильин В.В., Разумов А.Е., 1988), пониманию соотношения свободы и ответственности (Франкл В., 1990).

Многогранность и многоаспектность изучения ответственности позволяют применить полученные знания в области исследования личностной ответственности сотрудников УИС. В деятельности уголовно-исполнительной системы развитие данного свойства личности сотрудника особо необходимо, так как это связано со спецификой его работы.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Типология активности личности // Психологический журнал. 1985. Том 6. № 5. С. 3–18.
2. Ильин В.В., Разумов А.Е. Догматизм теории – дефицит ответственности. Философия и некоторые уроки прошлого // Коммунист. 1988. № 12. С. 60–72.
3. Прядеин В.П. Ответственность как системное качество личности: учебник. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 209 с.
4. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М.: Политиздат, 1972. 303 с.
5. Теория и практика формирования коммунистического сознания: межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. В.В. Гонеева. Уфа: БГПИ, 1986. С.129.
6. Франкл В. Человек в поисках смысла: [вопросы психологии и психотерапии]: сборник: пер. с англ., нем. М.: Прогресс, 1990. 386 с.

Теоретический анализ психологических особенностей личности тубинфицированных осужденных

Ильиных Н.А.

ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний»

(г. Рязань, Россия)

В науке интерес к проблематике тубинфицирования систематически возникал как у отечественных, так и у зарубежных ученых. В разное время туберкулёз и реакцию организма на инфицирование изучали Юлиус Конгейм, Теодор Лангганс, Роберт Кох, Карло Форланини, Алексей Абрикосов, Шарль Манту, Феликс Мендель, Александр Колесник, Ролло Мэй и другие. При этом многие исследователи обращали внимание на психологические особенности тубинфицированных лиц, которые значительно отличались от особенностей здоровых людей, либо лиц, отягощенных другими заболеваниями.

По мнению, переболевшего туберкулёзом американского психолога и психотерапевта Р. Мэя, при инфицировании туберкулёзом организм мобилизует свои внутренние ресурсы и ведет борьбу с инфекцией (туберкулезной палочкой), что проявляется невротической тревогой - признак нерешенного глубинного конфликта (Мэй Р., 2013).

Л.Л. Рохлин предложил разделить особенности психологического реагирования личности на заболевание туберкулезом на пять групп: 1) депрессивно-астеническое (разбитость, подавленность, эмоциональная невыносимость); 2) психастеническое (суицидальные мысли, пессимизм); 3) ипохондрическое (беспокойство, депрессия, тревога); 4) истерическое (трагичность, театральность, чрезмерная эмоциональность); 5) эйфорически-анозогнозическое (нарушение режима, вред здоровью, игнорирование заболевания) (Рохлин Л.Л., 1957). М.В. Виноградов утверждает, что для тубинфицированных характерны депрессивные реакции, нарушение социальной адаптации (противопоставление себя социуму) (Виноградов М.В., 1991). Данные Р.Ш. Валиева по изучению личностных характеристик тубинфицированных указывают на выраженные изменения по шкалам невротической триады (ипохондрия, депрессия, истерия), психопатии и шизофрении опросника ММРІ. При хронических прогрессирующих формах туберкулёза выявлена ипохондрия личности, сочетающаяся с депрессивными расстройствами, нарастающей психоастенизацией, уходом личности во внутренний мир переживаний, чаще всего диагностировались патохарактерологические черты (Валиев Р.Ш., 1999).

При изучении ценностных ориентаций осужденных А.А. Истомин в том числе исследовал осужденных, больных острой формой туберкулёза. Им установлено, что у тубинфицированных осужденных самый низкий уровень по шкале «Цели в жизни», «Эмоциональная насыщенность жизни», «Результативность жизни» и «Локус контроля-Я». При этом «Локус контроля-Жизнь» у группы тубинфицированных осужденных выше, чем у остальных осужденных (Истомин А.А., 2010).

Проведенное нами в рамках изучения смысложизненных ориентаций исследование дает возможность утверждать, что тубинфицированным осужденным по сравнению с соматически здоровыми осужденными свойственен повышенный уровень тревожности, импульсивности, ипохондрии, паранойи, шизоидности, при этом у них ниже уровень выраженности силы Эго, самоуважения, самоинтереса, стремления к власти, удовлетворенности и осмысленности жизни (Ильиных Н.А., 2022).

Проведенный нами теоретический анализ позволил предположить, что заболевание туберкулёзом оказывает схожее влияние на психологические особенности личности независимо от её социальной среды. Данное предположение актуализирует проведение исследования, направленного на выявление психологических различий у тубинфицированных осужденных и законопослушных граждан.

Литература

1. Валиев Р.Ш. Лечение больных туберкулезом легких с учетом особенностей их личности и отношения к болезни // Проблемы туберкулеза. 1999. № 4. С. 27–30.
2. Виноградов М.В. Психические состояния больных с ограниченными формами туберкулеза легких // Проблемы туберкулеза. 1991. № 10. С. 41–43.
3. Ильиных Н.А. Смысложизненные ориентации тубинфицированных осужденных: дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2022. 192 с.

4. Истомин А.А. Ценностные ориентации осужденных к лишению свободы: монография. Псков: Псковский юридический ин-т ФСИН России, 2010. 211 с.
5. Мэй Р. Человек в поисках себя. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2013. 224 с.
6. Рохлин Л.П. Сознание болезни и его значение в клинической практике // Клиническая медицина. 1957. Том 35. No 9. С. 11–20.

**Исследование рефлексии как структурного компонента служебной деятельности
сотрудников уголовно-исполнительной системы, несущих
службу с огнестрельным оружием**

Кадочникова И.В.

ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

(г. Челябинск, Россия)

Способность к рефлексии для сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее–УИС) в определенной степени является основой успешности выполнения служебной деятельности и, соответственно, показателем ее результативности, с точки зрения А.В. Карпова (Карпов А.В., Скитяева И.М., 2001). В рамках настоящего исследования рефлексия сотрудников УИС была рассмотрена с позиций деятельностного направления (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев), рассматриваемая как структурный компонент деятельности (Карпов А.В., Скитяева И.М., 2001).

В эмпирическую базу исследования вошли сотрудники отделов охраны исправительных учреждений Челябинской области. Сотрудник отдела охраны находится в пролонгированном состоянии психофизиологической мобилизованности, так как данный вид деятельности связан не только с повышенным эмоциональным реагированием, но и с возникновением крайне экстремальных ситуаций, связанных с возможностью применения огнестрельного оружия (Димитров А.В., Сафронов В.П., 2002).

Цель исследования: изучение рефлексии сотрудников УИС, несущих службу с огнестрельным оружием (далее–сотрудники). В исследовании приняли участие 103 сотрудника, мужчины в возрасте 19-42 лет. Сотрудники распределялись по стажу службы: 1 период службы – от начала трудовой деятельности до трех лет, 2 период – от трех лет до семи лет в УИС, 3 период – от семи лет и более. Исследование проведено с помощью «Методики определения индивидуальной меры рефлексивности» А.В. Карпова (Карпов В.П., 2003). Математическая обработка результатов реализована с использованием непараметрического критерия Н – Краскела – Уоллеса. Объект исследования – личность сотрудника. Предмет – рефлексия как структурный компонент деятельности сотрудников. Гипотеза: рефлексия как структурный компонент деятельности сотрудников по мере увеличения стажа службы подвержена определенным изменениям.

Получены следующие результаты.

1. У сотрудников на 1 периоде службы:

- выявлены более высокие показатели по шкале «рефлексия настоящей деятельности» ($M=45,0$) и более низкие показатели по шкале «рассмотрение будущей деятельности» ($M=29,03$) в сравнении с сотрудниками аналогичной группы, имеющих больший стаж службы; сотрудники могут в начале своей службы иметь несколько искаженное представление о предстоящей деятельности.

2. У сотрудников на 2 периоде службы выявлены:

-понижение показателей по шкале «рефлексия настоящей деятельности» ($M=37,0$): служба на наблюдательном посту в относительно монотонных условиях не требует от сотрудника быстрой перестройки имеющейся программы деятельности;

-повышение показателей по шкале «рассмотрение будущей деятельности» ($M=40,52$) как некоторая ориентация на будущее, еще не произошедшие события.

3. У сотрудников на 3 периоде службы выявлены:

- дальнейшее понижение показателей по шкале «рефлексия настоящей деятельности» ($M=31,0$) (при $p=0,000$ Н-Краскела-Уоллеса при сравнении трех независимых выборок);

- дальнейшее увеличение показателей по шкале «рассмотрение будущей деятельности» ($M=49,17$) (при $p=0,000$ Н-Краскела-Уоллеса при сравнении трех независимых выборок).

У сотрудников отдела охраны усиливается ориентация на будущие события, может появиться «выжидающая» позиция противоправных действий со стороны спецконтингента (совершение побега).

Таким образом, по мере увеличения стажа службы у сотрудников УИС, несущих службу с огнестрельным оружием, наблюдаются изменения в способности к рефлексии, выступающей структурным компонентом деятельности. Это требует внимания как самих сотрудников службы охраны, так и психологов при их профессиональном сопровождении.

Литература

1. Димитров А.В. Сафронов В.П. Основы пенитенциарной психологии: учебное пособие. М.: Московский психолого-социальный институт, 2003. 175 с.
2. Карпов А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. Том 24. No 5. С.45–57.
3. Карпов А.В., Скитяева И.М. Психология рефлексии: монография. М.: Институт психологии РАН; Ярославль: Аверс Пресс, 2001. 203 с.

**Основные направления сотрудничества
психологической службы УФСИН России по городу Москве с институтами
гражданского общества и благотворительными фондами**

Кашкина И.Н.

Психологическая служба УФСИН России

(г. Москва, Россия)

Распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р утверждена Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года, в которой одними из приоритетных целей обозначены:

исправление осужденных, совершенствование воспитательной, психологической и социальной работы; повышение уровня открытости и формирование положительного мнения о деятельности пенитенциарной системы.

Рассмотрим опыт взаимодействия с общественными организациями и институтами гражданского общества в учреждениях УФСИН России по г. Москве в рамках психологической деятельности.

Деятельность пенитенциарных психологов УФСИН России по г. Москве освещается в рамках заседаний комиссий общественной палаты Российской Федерации по вопросам благотворительности и социальной работы. По результатам заседаний налажено продуктивное взаимодействие с благотворительными организациями.

При содействии Фонда «Забота» проведены неоднократные обучающие семинары для психологов, сотрудников воспитательных служб учреждений. Фонд также принимает участие в оказании психологической помощи несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым в следственных изоляторах.

Федерацией еврейских общин России, на площадке «Еврейского музея и Центра толерантности», проведен тематический консультативный тренинг для специалистов учреждений. Осужденные из отряда по хозяйственному обслуживанию следственного изолятора № 6 для содержания женщин представили публике спектакль по пьесе Виктора Франкла «Синхронизация в Биркенвальде, Метафизическая конференция», что способствует осознанию социальных ценностей и смысла жизни.

Режиссёрами постановки выступили психолог учреждения Анна Саранцева и руководитель Высшей школы логотерапии Московского института психоанализа, почетный член Международной ассоциации логотерапии и экзистенциального анализа Светлана Штукарева. Для осужденных женщин проводят мастер-классы народная артистка России Юлия Зыкова, директор центра культуры и киноискусства режиссёр, актер Алексей Свиридов.

Начальник УФСИН регулярно проводит рабочие встречи с членами Общественного совета при ФСИН России, представителями некоммерческих общественных организаций (НКО), на которых обсуждаются вопросы совершенствования условий содержания ПОО, организации работы по профилактике деструктивного поведения среди сотрудников УИС.

Доцент кафедры юридической психологии и права факультета «Юридическая психология» Московского государственного психолого-педагогического университета Е.М. Шпагина провела для личного состава УФСИН семинар «Информационная безопасность: психологические аспекты».

Благодаря Фонду помощи заключенным созданы улучшенные условия содержания в отряде по хозяйственному обслуживанию осужденных женщин в СИЗО-6. Оборудована комната психологической работы, закуплены материалы для проведения арт-терапии.

В ФКУ СИЗО-5 УФСИН России по г. Москве с несовершеннолетними подозреваемыми, обвиняемыми реализуется проект "книга – ключ к новой жизни". Организаторами выступили комиссия Общественной Палаты РФ по вопросам благотворительности и социальной работе совместно с международной общественной организацией «Союз православных женщин», руководитель центра кризисной психологии при храме Воскресения Христова при Патриаршем подворье, член Общественного совета ФСИН России Михаил Хасьминский.

С целью профессиональной ориентации студентов по специальности психология, формирования положительной мотивации к службе в УИС с рядом гражданских ВУЗов заключены договоры о прохождении практической подготовки на базе УФСИН России по городу Москвы. В психологических лабораториях и воспитательных отделах в настоящее время проходят службу выпускники Московского государственного психолого-педагогического университета, Московского института психоанализа, Российского государственного гуманитарного университета и других московских вузов. Студенты имеют возможность проходить практику в следственных изоляторах, изучать основы деятельности пенитенциарных психологов, реализовывать полученные знания в работе с подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными.

Таким образом, важными направлениями взаимодействия психологической службы с институтами гражданского общества и благотворительным организациям выступают:

1. Оказание помощи в ресоциализации подозреваемых, обвиняемых, осужденных, особенно несовершеннолетних посредством создания улучшенных условий отбывания наказания и привлечения профильных специалистов.

2. Повышение уровня открытости учреждений УФСИН России по г. Москве для общественности и возможности участия представителей гражданского общества в процессе исправления ПОО.

3. Организация занятий для психологов по повышению профессиональной компетентности.

4. Морально-нравственное воспитание сотрудников уголовно-исполнительной системы.

О готовности к психологическому обеспечению деятельности службы пробации, создаваемой в России

Поздняков В.М.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Как сообщалось в прессе, 31 января 2022 г. глава Минюста России Чуйченко К.А. на встрече с Президентом РФ доложил о готовности к развертыванию службы пробации в стране уже с 2023 г. При этом министр ссылаясь на результаты компаративных исследований по инновациям в уголовно-исполнительных системах в мире, на опыт внедрения пробации в государствах ближнего зарубежья. Было доложено, что в разработанном проекте ФЗ «О пробации в Российской Федерации» акцент сделан на ресоциализацию, в том числе с реализацией индивидуальных программ восстановления и формирования у осужденных социально полезных связей, по оказанию психологической помощи и решению иных социально-гуманитарных проблем. По расчетам Минюста, в службе пробации должно работать около 50 000 человек, причем все сотрудники «будут обладать соответствующими знаниями, в том числе и в области психологии».

Ранее проведенный нами компаративный анализ востребованности достижений психологии в практике пробации за рубежом (Поздняков В.М., 2011) ориентировал, что возможными направлениями в деятельности и отечественных психологов могут стать следующие: 1) участие в подготовке для судов и прокуратуры «Досудебных докладов», базирующихся на психосоциальном обследовании личности потенциального клиента пробации; 2) содействие процедуре «Примирение с помощью посредника»; 3) разработка и реализация индивидуальных и групповых программ коррекции поведения поднадзорных лиц; 4) выполнение диспетчерской функции в деятельности сотрудников пробации, в т.ч. по целевому привлечению специалистов помогающих профессий из институтов гражданского общества. По опыту стран СНГ, создавших службы пробации, психологи могут быть штатно включены в отделы обеспечения социальной адаптации, правовой и психологической помощи.

Анализ публикаций последнего десятилетия показал, что при множестве статей и наличии монографических исследований юристов по проблематике введения пробации в России, со стороны юридических психологов научная активность была недостаточной (Ермасов Е.В., Дегтярева О.Л., 2015; Габараев А.Ш., Тимофеева Т.Н., 2020). В итоге может быть неготовность к включению психологов в новую сферу правоприменительной практики, где есть специфика в работе с конкретными категориями подопечных службы пробации: лиц, которые получили условно-досрочное освобождение из колоний, осужденных к наказаниям, не связанных с изоляцией от общества и др.

В проекте ФЗ «О пробации в Российской Федерации» прописано, что реализуемые в отношении подопечных служб пробации индивидуальные программы исправления, социальной адаптации и реабилитации подготавливаются по результатам оценки их личности. Однако, учитывая, что анализ эффективности подходов к профилированию личности осужденных, реализуемых за рубежом в рамках актуарной или клинической моделей, пока не осуществлялся, возможна критика профдеятельности психологов, включенных в штат службы пробации.

В проекте ФЗ «О пробации в Российской Федерации» также прописано, что индивидуальные программы применяются к осужденным в зависимости от обстоятельств, характеристики их личности и индивидуальной нуждаемости, а также сроков их применения в рамках конкретного вида пробации (досудебной, приговорной (исполнительной), пенитенциарной, постпенитенциарной). В связи с этим актуальным представляется выход на создание в электронном виде базы данных по подопечным разных видов пробации, т.к. в законопроект заложен «принцип преемственности, непрерывности, добровольности ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации».

В заключение отмечу, что с учетом отсутствия в России нужного количества компетентных специалистов, а патронаж и иные социальные организации помощи развиты недостаточно, представляется важным осуществить ввод службы пробации поэтапно, в том числе первоначально экспериментально отработать на ряде регионов и психотехнологии.

Литература

1. Габараев А.Ш., Тимофеева Т.Н. Социально-психологические и правовые аспекты деятельности служб пробации зарубежных стран // Социально-политические науки. 2020. Том 10. No 1. С. 90–95.
2. Ермасов Е.В., Дегтярева О.Л. Проблемы создания службы пробации в России // Преступление и наказание. 2015. No 10. С. 21–23.
3. Поздняков В.М. Востребованность психологов при создании в России службы пробации // Человек: преступление и наказание. 2011. No 4(75). С.131–135.

Актуальные вопросы и приоритетные направления деятельности психологов УИИ (на примере ОПО ФКУ УИИ УФСИН России по г. Москве)

Сазонова А.С.

ФКУ «Уголовно-исполнительная инспекция»

УФСИН России по г. Москве

(г. Москва, Россия)

Основные направления деятельности сотрудников отделений и групп психологического обеспечения уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России связаны с непрерывным и планомерным психологическим сопровождением сотрудников подведомственных учреждений, а также осуждённых, состоящих на учете в УИИУФСИН России.

Одним из видов работы ОПО в контексте сопровождения личного состава учреждения является изучение социально-психологического климата (далее – СПК) в коллективе сотрудников.

Согласно результатам проведенного исследования, уровень СПК в коллективе сотрудников ФКУ УИИ УФСИН России по г. Москве в 2021 г является

удовлетворительным, при этом проблемными моментами, требующими особенного внимания со стороны руководителей учреждения, явились:

- неравномерное распределение обязанностей между сотрудниками – 16%;
- большой объем работы - 61% (с увеличением на 16% в сравнении с АППГ);
- неудовлетворенность материально-техническим обеспечением рабочего места - 75%;
- недовольство организацией досуга и неформального общения сотрудников - 26%.

Приоритетным направлением в деятельности ОПО является психологическое сопровождение несовершеннолетних осуждённых.

В целях профилактики повторных правонарушений несовершеннолетними, вовлечения их в криминальные субкультуры, психологами осуществляется работа, направленная на формирование правопослушного поведения, позитивного самопринятия, привлечения подростков к активной общественной жизни.

В рамках междуведомственного взаимодействия сотрудниками ОПО активно привлекаются специалисты сторонних организаций: представители РПЦ, воспитатели и психологи социально-реабилитационных центров г. Москвы, врачи-наркологи, сотрудники культурно - досуговых учреждений.

Значимую роль в профилактике повторных правонарушений среди несовершеннолетних играет созданная в рамках медиации в 2017 году на базе ГБУ СРЦ «Возрождение» Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы Городская служба примирения. Восстановительное правосудие и медиация позволяют решать такие задачи, как: осознание несовершеннолетним, совершившим преступление, последствий причиненного вреда, принятие им обязательств по заглаживанию вреда перед пострадавшей стороной и определение такой стратегии дальнейшей жизни, которая исключала бы криминальные способы решения проблем.

Также одним из ведущих вопросов, касающихся деятельности психологов, представляется вопрос сопровождения осуждённых, освобождающихся условно-досрочно из мест лишения свободы. В соответствии с Указом Президента РФ от 02.03.2021 № 119 «О внесении изменений в Положение о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314" функция контроля за лицами, освобождёнными условно-досрочно, передана из МВД в уголовно-исполнительную инспекцию ФСИН России. Данная категория лиц представляет особую группу риска в плане рецидива ввиду длительной изоляции от общества, подверженности влиянию криминальной среды, низкого адаптационного потенциала и нуждается в повышенном внимании со стороны психологов. По сути, на УИИ возложены дополнительные функции пост-пенитенциарного института Пробации.

Одним из существенных факторов, осложняющих деятельность психологов уголовно-исполнительной инспекции с данной категорией осуждённых, является

выраженный дефицит нормативно-правовой документации, регламентирующей новое направление работы.

Таким образом, можно сделать вывод, что психологическая служба играет важнейшую роль в функционировании уголовно-исполнительной инспекции, решая не только традиционный круг задач, но и выполняя ряд функций института Пробации. Современные вызовы требуют её непрерывного развития и совершенствования.

Психологические состояния мужчин, осужденных за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности

Соколова Е.Р.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Мельникова Д.В.

Одной из проблем исправительного процесса, охватывающих личность преступника, специфический социально-психологический статус, а также условия содержания в пенитенциарной среде, являются негативные психологические состояния лиц, осужденных за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Данная группа, в большей степени, подвергается социальной дезадаптации, которая негативно влияет на самого осужденного, а также на пенитенциарную среду и систему исправительного учреждения в целом (Мардахаев Л. В., 2016). Следовательно, данная группа осужденных нуждается в исследовании их актуальных психологических состояний на момент пребывания в исправительном учреждении для выявления мишеней дальнейшей коррекции.

Целью нашего исследования стало выявление актуальных психологических состояний у мужчин, осужденных за преступление против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Использовались следующие методики: сокращенный многофакторный опросник для исследования личности «Мини-мульти» (В.П. Зайцев, В.Н. Козюля), опросник суицидального риска «ОСР» (Разуваева Т.Н.), индивидуально-типологический опросник «ИТО» (Собчик Л.Н.), диагностика состояния стресса «ДСС» (К. Шрайнер), авторская анкета самооценки актуального психологического состояния осужденных и математическая обработка данных; нами были проанализированы две выборки: 35 осужденных мужского пола по ст. 158, 161, 228, 232, 131-135 УК РФ и 44 осужденных мужского пола со средним социально-психологическим статусом (ст. 111 и 228) и с низким социально-психологическим статусом (ст. 131-135).

Выводы: 1. В результате эмпирического исследования были выявлены часто встречаемые психологические состояния у осужденных за преступление против половой неприкосновенности и половой свободы личности: беспокойство

($p=0,019<0,05$), подавленное настроение ($p=0,006<0,05$; $p=0,011<0,05$), одиночество, тоска, подавленность ($p=0,005<0,054$; $p=0,000<0,05$), конфликтность ($p=0,015<0,05$), безысходность ($p=0,021<0,05$), трудность в принятии решений ($p=0,002<0,05$, $p=0,019<0,05$) и в составлении планов ($p=0,018<0,05$), что может свидетельствовать о тенденции к возникновению тяжелых актуальных психологических состояний у данной группы осужденных, которые могут повлиять на их функционирование и исправление в пенитенциарном учреждении.

2. Эмпирическое исследование выявило, что у осужденных с низким социально-психологическим статусом наиболее выражено состояние стресса в середине срока отбывания наказания, в отличие от группы со средним социально-психологическим статусом ($p=0,000<0,05$). Данная тенденция может свидетельствовать о наличии стрессового состояния у осужденных за преступление против половой неприкосновенности и половой свободы личности на протяжении всего срока наказания. Такое состояние может быть обусловлено особенностью социального положения данной категории осужденных (Варданын К.К., 2019).

Выявленные актуальные психологические состояния могут выступать препятствием для эффективной исправительной работы с данной группой осужденных, а, соответственно, могут становиться важными мишенями для психологической работы.

Литература

1. Варданын К.К. Донозологическая диагностика в практике медико-психологического обследования спецконтингента пенитенциарной системы // Девиантология. 2019. Том 3. No 2. С. 3–8.
2. Дебольский М.Г., Матвеева И.А. Суицидальное поведение осужденных, подозреваемых и обвиняемых в местах лишения свободы // Психология и право. 2013. No 3. 12 с.
3. Мардахаев Л.В. Стимулирование адаптации осужденного в условиях пенитенциарного учреждения // Международный пенитенциарный журнал. 2016. No 2. С. 22–25.

Технология двусторонней оценки социально-психологической обстановки в исправительных учреждениях

Степанова Е.С.

Межрегиональный отдел психологической работы ГУФСИН России по Свердловской области

(г. Екатеринбург)

Распопин Е.В.

ФГКОУ ВО «Уральский юридический институт МВД России»

(г. Екатеринбург)

В исправительных учреждениях ФСИН России регулярно проходят исследования социально-психологической обстановки в среде осужденных. Целью этих исследований является мониторинг массовых настроений среди осужденных и выявление проблемных моментов в работе учреждения. (Дебольский М.Г., 2008, Дмитриев Ю.А., 2007). В свою очередь, для проведения таких исследований необходимы современные психодиагностические инструменты. В связи с этим, на базе межрегионального отдела психологической работы ГУФСИН России по Свердловской области разработана методика двусторонней оценки социально-психологической обстановки в исправительном учреждении.

Целью методики является изучение согласованности оценки социально-психологической обстановки в исправительных учреждениях ФСИН России со стороны сотрудников и осужденных.

Теоретическими основаниями методики выступили следующие положения.

1. Социально-психологическая обстановка в исправительных учреждениях обусловлена следующими факторами:

- а) контроль или попустительство со стороны сотрудников;
- б) эмоциональное отвержение или принятие между сотрудниками и осужденными;
- в) исправление или криминальное заражение как цель и функция, которую реализует исправительное учреждение.

2. Оценка социально-психологической обстановки должна проводиться в двустороннем порядке: перечисленные показатели должны оцениваться и сотрудниками, и осужденными. Об уровне благополучия обстановки будет говорить степень согласованности их оценок по шкалам методики.

В соответствии с теоретическими положениями, методика включает в себя следующие шкалы:

1. Контроль/попустительство (порядок/беспорядок). Шкала предназначена для оценки такого параметра, как дисциплина, ее соблюдение со стороны сотрудников и осужденных.

2. Эмоциональное принятие/отвержение (человечность/бесчеловечность). Шкала предназначена для оценки взаимоотношений между сотрудниками и осужденными в исправительном учреждении.

3. Исправление/криминальное заражение (польза/вред). Шкала предназначена для оценки того, насколько исправительное учреждение способствует исправлению осужденных.

0. Общая шкала.

Методика характеризуется удовлетворительными психометрическими характеристиками. Были изучены такие параметры, как дискриминативность пунктов, надежность шкал по внутренней согласованности, внутренняя согласованность между шкалами, валидность конструктивная и критериальная (Батулин Н.А., 2012, Бурлачук Л.Ф., 2002). Стандартные показатели по шкалам опросника представлены в диапазонах низких, средних и высоких оценок.

Интерпретация результатов методики состоит из двух этапов.

Первый этап – количественный. На этом этапе строится профиль оценок, полученных по шкалам методики в группе сотрудников и в группе осужденных.

Второй этап – качественный. На этом этапе производится сопоставление профилей, полученных в группах, а именно:

- а) насколько согласуются или расходятся их оценки по шкалам опросника;
- б) на каком уровне (низком, среднем или высоком) они находятся;
- в) какие шаги могут быть предприняты для улучшения и оптимизации обстановки в исправительном учреждении исходя из полученных результатов.

Литература

1. Батулин Н.А., Мельникова Н.Н. Технология разработки психодиагностических методик. Челябинск: ЮУрГУ, 2012. 134 с.
2. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике. 2-е изд. перераб. и доп. СПб.: Питер, 2002. 528 с.
3. Дмитриев Ю.А., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология: учебник для образовательных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 681 с.
4. Психодиагностика в уголовно-исполнительной системе: учебно-методическое пособие / М.Г. Дебольский [и др.]. М.: НИИ ФСИН России, 2008. 268 с.

Особенности психологической подготовки к освобождению осужденных женщин, отбывших длительные сроки наказания

Сучкова Е.Л.

ФКОУ ВО «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы
исполнения наказаний»
(г. Вологда, Россия)

Длительные сроки лишения свободы являются мерой наказания, соразмерной тяжести совершенных преступлений, но при этом нахождение в длительной изоляции от социума может приводить к дезориентации в окружающей социальной действительности и разрыву социально-полезных связей с обществом. Успешность социально-психологической адаптации к жизни на свободе напрямую зависит от того, насколько эффективно осуществлялась психологическая работа с осужденными женщинами весь период отбывания наказания и непосредственно перед освобождением. С целью повышения эффективности психологической подготовки данной категории осужденных на базе исправительной колонии общего режима ГУФСИН России по Новосибирской области нами было проведено исследование по изучению особенностей планирования ими своей жизни после освобождения (под нашим руководством в сборе эмпирических данных участвовала М.Ю. Кобелева).

Специально для проведения исследования был разработан план нестандартизированного интервью и перечень незаконченных предложений для изучения жизненных планов на период после освобождения. В экспериментальную группу были включены 32 осужденные женщины, отбывавшие длительные сроки наказания, в контрольную группу вошли 32 женщины, осужденные к менее длительным срокам (всем испытуемым из обеих групп осталось отбывать наказание менее 12 месяцев до освобождения). В целом результаты, полученные с помощью нестандартизированного интервью, позволяют говорить о том, что у большинства (59,4%) осужденных женщин, отбывающих длительные сроки лишения свободы, в жизненных планах на период первых дней после освобождения присутствуют намерения восстановить отношения с семьей, а осужденные женщины, отбывающие небольшие сроки лишения свободы, планируют сразу после освобождения прежде всего искать работу (53,1%). Осужденные женщины, отбывающие длительные сроки, считают, что после отбытия наказания у них будет интересная и насыщенная положительными событиями жизнь. У 65,6% опрошенных присутствуют опасения, связанные с тем, что на свободе у них могут возникнуть трудности при трудоустройстве, но они стараются об этом не думать. Определенная идеализация своего будущего может стать причиной срыва постепенной адаптации в том случае, если надежды не оправдаются. Кроме того, респондентки из данной группы преувеличивают свои адаптивные возможности, так 78,1% осужденных женщин заявили о том, что в период нахождения в местах лишения свободы они приобретали новые знания и вырабатывали в себе качества, которые помогут им в дальнейшем в жизни на свободе. Такая установка может способствовать недооценке тех сложностей, которые неизбежно у них возникнут в процессе адаптации к жизни в обществе и приведет к неконструктивным способам решения жизненных проблем.

В процессе психологической подготовки к освобождению осужденных женщин, отбывающих длительные сроки, необходимо помочь им построить реалистичные планы с учетом существующих жизненных обстоятельств. Последствием отбывания наказания является судимость, которая часто выступает помехой при трудоустройстве, а отсутствие легального заработка влечет за собой невозможность содержать себя и семью, что может толкнуть человека на повторное совершение правонарушений. В рамках социально-психологического тренинга психологу необходимо проводить упражнения, направленные на обучение способам поиска работы, повышение уровня коммуникативных навыков в ситуации отказа работодателя. Кроме того, необходима подготовка осужденных женщин к встрече с членами семьи после длительного отсутствия. Существующие сложности во взаимоотношениях с родителями, супругами, детьми необходимо рассмотреть в ходе индивидуального консультирования. Для преодоления сложностей и барьеров, которые могут возникнуть в общении, можно с помощью занятий с элементами ролевых игр смоделировать ситуации, связанные со встречей и взаимодействием с близкими в первые дни после освобождения.

Социально-психологическая адаптация осужденных при различном отношении к криминальной субкультуре и выборе способа совладающего поведения

Тарасова В.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Дебольский М.Г.

Социально-психологическая адаптация осужденных – это приспособление к новой среде, усвоение и принятие новых норм поведения в социальной роли, в активности, выраженной в целенаправленности действий судимых лиц по преобразованию действительности (Мельников В.М., 2014).

Целью проведенного исследования является выявление особенностей копинг-стратегий осужденных в процессе адаптации к условиям содержания в местах лишения свободы при различном отношении к криминальной субкультуре.

В исследовании приняли участие 25 осужденных из ФКУ ИК-12, ФКУ ИК-8, ФКУ ИК-1, которые находились в ИУ на этапе адаптации (не более 6 месяцев с момента прибытия). Были использованы методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонд, опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкман в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой, анкетирование на определение отношения к криминальной субкультуре.

По результатам анкетирования при наличии хотя бы одного ответа, определяющего положительное отношение к криминальной субкультуре, осужденный определялся в группу с высокой идентичностью, в ней оказалось 10 человек. 15 человек были определены в группу с нейтральным отношением: у каждого был хотя бы 1 ответ, определяющий нейтральную позицию.

По результатам исследования социально-психологической адаптации осужденные были разделены на 2 группы: с высоким показателем адаптивности – 7 человек, с нормативным – 16 человек.

Для определения значимых различий в отношении к криминальной субкультуре и уровне социально-психологической адаптации был использован U-критерий Манна–Уитни. Полученные результаты показывают значимые различия ($U=0,000$, $p<0,001$) в уровне социально-психологической адаптации. Более адаптированы осужденные с положительным отношением к криминальной субкультуре. Полученные данные подтверждают, что криминальная субкультура помогает осужденному в процессе адаптации: облегчает переживание изменения условий, изоляцию.

Для определения значимых различий в способах совладающего поведения и уровне социально-психологической адаптации был использован U-критерий Манна–Уитни. Данные группы отличаются по половине стратегий совладающего поведения, другие стратегии на статистически значимом уровне не отличаются. Для группы с

высоким уровнем основными стратегиями являются положительная переоценка, самоконтроль и планирование решения проблемы. Характерно преодоление трудностей путем положительного переосмысления сложившейся ситуации и нахождения в ней стимула для личностного роста, планирования собственных действий с учетом условий, собственного опыта и имеющихся ресурсов, при этом подавления собственных эмоций, снижая вероятность их влияния на оценку ситуации и выбор стратегии поведения.

Для осужденных с нормативным уровнем адаптации характерны бегство-избегание, самоконтроль и положительная переоценка, что проявляется в отрицании проблемы, особой требовательности к себе, переосмыслении сложившейся ситуации, нахождении в ней стимула для личностного роста.

Таким образом, криминальная субкультура и выбор определенных копинг-стратегий помогают осужденным лучше адаптироваться к новым условиям пребывания (Юрьев Р.А., 2011; Крюкова Т.Л., 2008). Для дальнейшего изучения темы необходимо исследовать наличие различий в уровне социально-психологической адаптации у осужденных из различных типов ИУ.

Литература

1. Крюкова Т.Л. Человек как субъект совладающего поведения // Психологический журнал. 2008. Том 2. № 2. С. 88–95.
2. Мельников В.М. Социально-психологическая оценка осужденных, ходатайствующих о помиловании // Вестник бурятского государственного университета. 2014. № 2. С. 248–251.
3. Юрьев Р.А. Функции и особенности криминальной субкультуры // Вестник Кузбасского института. 2011. № 4(7). С. 56–74.

Программа психологической подготовки осужденных женщин, направленная на развитие детско-родительских отношений в условиях дома ребенка при исправительной колонии

Туманова Е.П.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Дебольский М.Г.

Согласно статье 100 УИК РФ, в 12 исправительных учреждениях, в которых отбывают наказание осужденные женщины, имеющие детей, созданы дома ребенка. На 1 сентября 2022 г. в них находился 321 ребенок в возрасте до 3 лет. Главная идея создания дома ребенка при исправительном учреждении состоит в том, чтобы способствовать полноценному участию осужденной матери в развитии и воспитании своего ребенка, в формировании и поддержании психологической связи между ребенком и матерью, воспитании у осужденных женщин материнских чувств.

Многочисленные исследования показывают, что участие осужденной матери в воспитании ребенка формирует чувство ответственности за развитие и судьбу своего ребенка, снижает риск повторного преступления.

В настоящее время около 60% женщин-матерей проживают совместно с ребенком, что положительно влияет на его психическое развитие, а также способствует развитию материнских чувств. По мнению В. С. Мухиной, материнство для женщины представляет собой психологическое состояние и социальную ответственность женщины, являющиеся составной частью ее ментальности (Мухина В.С., 2006). Большинство женщин испытывают подлинные материнские чувства к своим детям, но часто воспроизводят педагогически несостоятельные формы воспитания, которые применялись к ним самим в детстве, встречаются также случаи, когда мотивом рождения ребенка у осужденной являются корытные побуждения (надежда на отсрочку наказания или досрочное освобождение, проживание в улучшенных условиях, получение дополнительного питания, возможность не работать до 3-х летнего возраста ребенка и др.). Кроме того, в связи с карантином, вызванным пандемией, осужденные матери длительное время не могли встречаться со своими детьми, что сказывалось на детско-родительских отношениях.

Сотрудники дома ребенка осуществляют целенаправленную работу по развитию и охране здоровья детей, пытаются компенсировать влияние неблагоприятных факторов, о чем, в частности, свидетельствуют ежегодные Всероссийские конкурсы на лучший дом ребенка при исправительных колониях. Сотрудники воспитательного аппарата и психологической службы проводят просветительскую и психокоррекционную работу с «мамочками», как часто называют в колонии женщин, имеющих детей.

Проведенное нами в 2021 г. психодиагностическое исследование в одном из таких учреждений показало, что осужденные женщины, имеющие детей в доме ребенка, имеют более высокий уровень ответственности и ситуативной тревожности, чем контрольная выборка. Индивидуальные и групповые беседы с осужденными показывают, что женщины, имеющие детей, принимают ответственность за судьбу своего ребенка, испытывают тревогу в связи с неопределенностью условий жизни после освобождения. Ситуативными факторами повышенной тревожности, раздражительности, для многих женщин являются отношения со своими детьми, непонимание причин их плача, «капризов», непослушания, неумение играть с ребенком, петь ему песенки, успокоить и переключить его внимание на другие объекты. Многие женщины весьма слабо и примитивно представляют себе сущность психологического кризиса 1 и 3 лет. Основываясь на отечественных научных школах развития ребенка (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, В. С. Мухина, Л.Ф. Обухова, Г.В. Семья), а также опыта профилактики девиантного материнства, нами разработана комплексная тренинговая программа психологической помощи осужденным женщинам, имеющим детей в доме ребенка при ИК. Программа включает элементы просвещения о психологических закономерностях развития ребенка, освоение

фольклорных психотехнологий работы с детьми, коррекции ценностных ориентаций и криминально-значимых личностных свойств осужденных женщин.

Литература

1. Калашникова Т.В., Калашникова М.М. Формирование особой трудовой деятельности персонала УИС по психологическому сопровождению осужденных женщин, имеющих детей, в условиях заключения, в постреволюционный период в России и настоящее время // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4(84). С. 191–199. doi: 10.35750/2071-8284-2019-4-191-199.
2. Медикосоциальная эффективность совместного содержания матери и ребенка в местах лишения свободы / Б.А. Спасенников [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2018. Том 26. № 2. С. 98–102. doi: 10.18821/0869-866X-2018-26-2-98-102.
3. Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития: учебник для студентов высших учебных заведений. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Академия, 2006. 608 с.

Психологические методы профилактики аддиктивного поведения у несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом

Филимонова А.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
(г. Москва, Россия)

Ушков Ф.И.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
ФГКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний»
(г. Москва, Россия)

Профилактика аддиктивного поведения – важная задача для психологической и социальной работы. Существует множество подходов к воспитательным, коррекционным программам, которые направлены на психологическую коррекцию и профилактику аддиктивного поведения. Один из основных принципов этих программ – это принцип гуманности, направленный на максимальное раскрытие личностного потенциала подростка.

В профилактике аддиктивного поведения психологическая коррекция мировоззрения подростка может проводиться средствами рационального, когнитивного и поведенческого консультирования (Бурменская Г.В., 2002). В связи с чем, было проведено исследование, в котором приняли участие психологи УИС, работающие с несовершеннолетними, находящимися в конфликте с законом и имеющими аддикции.

В ходе исследования выявлены проблемы, которые возникают при проведении профилактики аддикций и реализации психокоррекционных программ с несовершеннолетними, находящимися в конфликте с законом. В результате анализа ответы респондентов-психологов можно разделить на следующие категории:

проблемы, связанные с особенностями подросткового возраста: протестные реакции; низкий уровень рефлексии и эмоционального интеллекта у участников; отдаленность подростков от родителей; трудности установления контакта; социально желательное поведение подростков; неумение осознать свою социальную значимость;

проблемы, связанные с особенностями подростков, находящихся в конфликте с законом: имеющиеся диагнозы у воспитанников в связи с пагубным употреблением ПАВ; асоциальный образ жизни в прошлом; отсутствие позитивных социальных навыков; высокая вероятность рецидивов после освобождения; низкая мотивация самого несовершеннолетнего осужденного на данную работу; отрицание сформированной зависимости.

В рамках исследования психологами отмечены в используемых формах работы следующие преимущества.

Индивидуальное консультирование: открытость участников и сохранение конфиденциальности; способствует более глубокому психокоррекционному воздействию на несовершеннолетнего с учетом его личностных особенностей, жизненной ситуации; высокая эффективность воздействия.

Групповое консультирование: при групповой работе появляется возможность увидеть свою проблему со стороны; развиваются коммуникативные навыки; подросткам легче выражать свои проблемы и решать их; большой охват аудитории.

Кроме того, пенитенциарные психологи отметили, что наиболее часто используемыми методами в их практике и наиболее эффективными являются фильмотерапия, мотивационное интервью и аутотренинги, а более редко используемыми методами и менее эффективными, по их мнению, оказались практики осознанного отказа и библиотерапия.

Для составления полной картины используемых методов респондентов попросили назвать дополнительно методы работы, помимо указанных выше, которые они используют в своей работе. Психологи УИС указали, что чаще всего используют методы арт-терапии и КПТ, которые отвечают задачам и целям профилактики.

Литература

1. Возрастно-психологический подход в консультировании детей и подростков: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Г.В. Бурменская [и др.]. М.: Academia, 2002. 409 с.
2. Егоров А.Ю. Нехимические (поведенческие) аддикции (обзор) // Аддиктология. 2005. № 1. С. 65–77.
3. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. М.: Ось-89, 2001. 702 с.

Выявление мотивов демонстративно-шантажных актов членовредительства, лиц, содержащихся в следственных изоляторах

Чеботарев И.В.

ГБОУ ВО Московской области «Московский государственный областной университет»

(г. Мытищи, Россия)

Научный руководитель – Шульга Т.И.

В настоящее время проблема членовредительства лиц, содержащихся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы, считается актуальной. Это вызвано, в первую очередь, достаточной распространенностью данного явления. Ряд исследователей аутоагрессии отмечают, что большая часть актов членовредительства в закрытых учреждениях, в том числе учреждениях УИС, совершается с демонстративно-шантажными мотивами (Королькова Е.Р., 2019), отмечая при этом их разнообразие (Кряжева С.Г. 2018). Однако, большинство таких исследований относятся к исправительным учреждениям, без учета специфики следственного изолятора.

Для выявления мотивов демонстративно-шантажных актов членовредительства нами был проведен контент-анализ материалов расследования 57 актов членовредительства, совершенных в следственном изоляторе органа УИС Центрального Федерального округа. Из 57 актов членовредительства 40 актов (70% от общего числа) совершены с демонстративно-шантажными мотивами, что подтверждает выводы ранних исследований. Нами были выделены разные виды демонстративно-шантажных мотивов: протест против действий администрации (27,5% от числа демонстративно-шантажных актов); нежелание содержаться в конкретной камере (22,5%); стремление добиться значимых целей (22,5%); уход от конфликта с сокамерниками (15%); желание получить медицинскую помощь, в т.ч., психиатрическую (5%); несогласие с приговором, отказ от этапирования в исправительное учреждение (2,5%); протест против действий судебно-следственных органов (2,5%); стремление улучшить условия содержания (2,5%).

Нами также классифицировано суицидальное поведение по направленности на объект воздействия (объект манипуляции): сотрудники СИЗО, судебно-следственные органы, сокамерники. Наиболее часто в качестве объекта воздействия встречаются сотрудники учреждения (77,5%), сокамерники выступали объектом воздействия в 15% случаев, судебно-следственные органы – в 5%. Это можно объяснить, с одной стороны, распространенностью криминальной субкультуры, с другой, возможностью непосредственного взаимодействия с сокамерниками и администрацией при отсутствии постоянного контакта с судебно-следственными органами. Нами также проанализировано суицидальное поведение по ранее предложенной классификации: избегания, протеста и достижения (Новиков В.В., 2007). Наиболее часто встречаются мотивы протеста (против действий сотрудников администрации, приговора) – 55%, мотивы достижения (значимых целей) встречались в 30%, мотивы избегания

(конфликта, насилия со стороны сокамерников) – 15%. Несмотря на неоднородность мотивов, способы совершения актов членовредительства достаточно стереотипны – множественные поверхностные самопорезы предплечий.

По результатам анализа мотивов демонстративно-шантажных актов членовредительства можно сделать вывод, что их профилактика должна предусматривать психологическую работу не только с потенциальным аутоагрессантом, но и объектами, на которых направлена манипуляция – сотрудниками учреждения, сокамерниками. При распределении подозреваемых, обвиняемых по камерам важно учитывать не только режимные требования, но и социально-психологическую совместимость заключенных.

Литература

1. Королькова Е.Р. Демонстративно-шантажное поведение как способ адаптации в условиях закрытой системы. теоретический обзор // Взаимодействие академической и практико-ориентированной психологии в сфере образования: материалы II Национальной научно-практической конференции с международным участием / Под науч. ред. проф. В.А. Мазилова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 89–92.
2. Кряжева С.Г. Демонстративно-шантажное суицидальное поведение как форма группового неповиновения в местах лишения свободы // Групповые неповиновения и массовые беспорядки в учреждениях УИС: сборник материалов круглого стола: г. Москва, 30 ноября 2017 г. / Под общ. ред. С.В. Гарника. М.: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2018. С. 198–200.
3. Новиков В.В. Проблемы суицидального и демонстративно-шантажного поведения среди осужденных ИУ // Ведомости УИС. 2007. № 12. С. 39–41.

Рекомендации по коррекции ценностно-смысловой сферы личности осужденных, содержащихся в строгих условиях отбывания наказания

Штефан Е.Ф.

ФКОУ ВО «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний»
(г. Вологда, Россия)

Осужденные, содержащиеся в строгих условиях отбывания наказания, являются лицами, активно противодействующими установленному порядку отбывания наказания в исправительном учреждении. Как показали наши исследования, они уязвимы по отношению к неблагоприятным внешним воздействиям, склонны к неадекватному реагированию в подобных ситуациях (Сучкова Е.Л., Штефан Е.Ф., 2019). В условиях отчуждения осужденных от ценностей общества и непринятия ими его моральных и правовых норм традиционный подход к организации процесса исполнения наказания, основанный на применении

карательных и репрессивных мер, еще больше усиливает сопротивление процессу ресоциализации. Решение данной задачи невозможно без выявления особенностей ценностно-смысловой сферы осужденных, которая непосредственно определяет направленность и содержание активности личности.

С целью изучения особенностей ценностно-смысловых ориентаций осужденных, содержащихся в строгих условиях отбывания наказания, нами было проведено эмпирическое исследование на базе ФКУ ИК-18 УФСИН России по Мурманской области (под нашим руководством в сборе эмпирических данных участвовал С.Н. Ключин). Выборку исследования составили 60 осужденных мужского пола, в экспериментальную группу включены 30 осужденных, содержащихся в строгих условиях отбывания наказания, в контрольную группу вошли 30 осужденных, содержащихся в обычных условиях отбывания наказания. В ходе исследования были использованы специально разработанное нестандартизированное интервью и методики «Ценностные ориентации» (О.И. Мотков, Т.А. Огнева).

Результаты, полученные с помощью методики «Ценностные ориентации» (О.И. Мотков, Т.А. Огнева) показали, что осужденные, содержащиеся в строгих условиях отбывания наказания, в отличие от осужденных в обычных условиях, меньше ценят наличие теплых отношений с людьми и высокое положение в обществе. В интервью осужденные, содержащиеся в строгих условиях отбывания наказания, чаще отмечали высокую для них значимость ценностей, связанных с физической силой, а для осужденных, содержащихся в обычных условиях, большую ценность представляют свобода и семья. Таким образом, для осужденных, содержащихся в строгих условиях отбывания наказания, наименее значимы те ценности, которые связаны с ориентацией на правопослушный образ жизни (свобода, семья, благополучие близких), они уверены в том, что выбранный способ проживания жизни является наиболее подходящим для них и позволяет контролировать происходящие события.

Для проведения психологической коррекционной работы, направленной на появление позитивных ценностей, нужно создать условия для появления у осужденных из данной группы потребности в подобных изменениях. С этой целью необходимо помочь им прояснить систему жизненных ожиданий и желаний, что позволит создать определенный психологический дискомфорт, связанный с тем, что жизнь преступника не является примером успешной реализации человеком своих возможностей. В коррекционной работе можно использовать упражнения, которые апробировались в группах осужденных (Сучкова Е.Л., Штефан Е.Ф., 2015). Для индивидуальной коррекции целесообразно применение методов и приемов работы с личной историей каждого конкретного осужденного, что позволит расширить и обогатить смысл жизни новыми ценностями.

Литература

1. Сучкова Е.Л., Штефан Е.Ф. Проблемные вопросы формирования мотивации к правопослушному поведению у осужденных, отбывающих наказание в строгих

условиях содержания // Психология и право. 2019. Том 9. No 4. С. 236–248.
doi: 10.17759/psylaw.2019090417.

2. Сучкова Е.Л., Штефан Е.Ф. Психологическая коррекция ценностно-смысловой сферы осужденных, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы: методические рекомендации. Вологда: Вологодский ин-т права и экономики ФСИН России, 2015. 66 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Психологические особенности установления контакта сотрудников полиции с представителями этнических общностей

Антонова Э. А., Ефимкина Н.В.

ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»
(г. Москва, Россия)

Этнокультурное многообразие населения современных городов демонстрирует необходимость понимания общих черт и особенностей людей, в них проживающих. По профессиональным обязанностям сотрудникам полиции необходимо взаимодействовать с совершенно разными людьми, каждый из которых – личность со своеобразными взглядами и жизненными установками. Понимать собеседника и выстраивать конструктивный диалог – необходимость для эффективного профессионального общения.

Опрос сотрудников оперативных подразделений выявил, что 60% респондентов испытывают трудности в общении с представителями разных национальностей (этносов). При этом большая часть опрошенных, 50%, пояснила, что трудности возникают на этапе установления контакта.

С целью совершенствования навыков установления контакта с представителями различных этносов (народностей) было разработано практическое занятие с сотрудниками оперативных подразделений.

Оно состояло из пяти основных этапов.

1. Этап опроса (индивидуального анкетирования) и выявления знаний об этнокультурных различиях представителей 5 этносов.

2. Использование метода «мозговой штурм» выявляло и фиксировало психологические особенности представителей различных этносов (культур).

3. Выбор желающих принять непосредственное участие в «кейсе-ситуации» и подбор экспертов – наблюдателей, для заполнения бланка экспертной оценки и фиксирования всех показателей. Необходимо отметить, что экспертами могли быть те, чей стаж службы в полиции более 10 лет.

4. На четвертый этап были приглашены представители разных этнических групп, и участники – коммуникаторы выполняли задание в соответствии с предложенным «кейсом - ситуацией».

5. Обратная связь – важный компонент любой психологической работы, поэтому на последнем этапе работы мы получили отзывы от всех участников: коммуникаторов, иностранных граждан (которые принимали участие в эксперименте) и экспертов.

По результатам практического занятия были сделаны важные выводы и предположения:

1. Сотрудники полиции используют базовые принципы установления психологического контакта, не всегда учитывая этнические (кросс-культурные) особенности граждан (80% коммуникаторов);

2. Для достижения поставленной задачи (например, получение определенной информации от собеседника) важен опыт (стаж службы) и общекультурные компетенции сотрудника полиции (80% коммуникаторов);

3. Применение психологических приемов и коммуникативных техник помогает на 70% быстрее добиться поставленной задачи (результаты получены в соответствии с фиксацией экспертами временных показателей).

4. Установление психологического контакта с реципиентом способствует получению более полной и правдивой информации (60% коммуникаторов).

В рамках использования «кейс-ситуаций» мы четко можем не только выявить и проработать коммуникативные трудности в установлении психологического контакта, поддержании линии общения, но и направить особое внимание на результативность и выполнение задач сотрудника (коммуникатора).

Исследования в данном направлении будут продолжены и представлены научному сообществу для обсуждения и получения рекомендаций. А для сотрудников полиции планируется разработка методических рекомендаций по использованию психологических приемов и техник в их профессиональном общении с представителями различных этносов.

Криминалистический профайлинг в юридической психологии

Арефинкина Е.Г.

Сочинский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Российского университета дружбы народов»
(г. Сочи, Россия)

Для того, чтобы далее говорить о криминалистическом профайлинге необходимо дать ему точное определение. На наш взгляд, довольно точную дефиницию дает Асямов С.В., который определяет его как процесс установления неизвестного преступника в рамках расследования преступления, базирующийся на основе анализа места преступления, методах юридической психологии и закономерностях человеческого поведения (Асямов С.В., 2021). Криминалистический профайлинг или криминалистический (следственный) анализ преступления – это инструмент, который дает правоохранительным органам описательные и поведенческие характеристики наиболее вероятного преступника и рекомендации относительно методов расследования, помогающих его идентифицировать. Синонимами криминалистического профайлинга в юридической психологии и юриспруденции являются сегодня такие термины, как криминальный профайлинг,

психологическое портретированные преступника, криминальное профилирование, криминалистическое портретирование, поведенческий анализ преступления. Такое большое количество похожих терминов, используемых для его описания, связано с тем, что данное направление все еще остается достаточно новым научно-практическим направлением деятельности. Общим, что объединяет различные подходы к пониманию криминалистического профайлинга, является то, что он направлен на анализ доказательств и сведений, собранных на месте преступления, свидетельских показаний и прочих данных, имеющихся в материалах дела для того, чтобы разработать поисковый портрет (профиль) неизвестного преступника, сузить круг поисков и ускорить процесс его розыска и задержания. Его задача быть подспорьем, использовать достижения психологии в сфере юриспруденции для борьбы с наиболее опасными типами преступников. Криминалистический анализ дела – набор рекомендаций для тех специалистов, которые расследуют дело, для того чтобы сузить круг лиц, подозреваемых в совершении преступления, ускорить поимку настоящего преступника и предотвратить совершение им новых тяжких преступлений. А для того, чтобы установить виновное в совершении преступления лицо, профайлеру необходимо понять, что произошло и почему.

Анализируя личность преступника, профайлеры в первую очередь анализируют его мотивационную сферу и то, как он подготовился к преступлению, далее уже анализируются способ и сама специфика совершения преступления, то, как скрывались следы совершенного деяния и скрывались ли они, как виновное лицо повело себя после того, что оно совершило. То есть специалист рассматривает преступление не с юридической, а с психологической точки зрения в целях выявления специфики поведения и личности преступника, его демографических и биологических особенностей, которые могут помочь следствию в установлении и поиске виновного лица. Однако необходимо отметить, что несмотря на значительные научные успехи в сфере профайлинга, стоит помнить, что психология, как и любая другая социальная наука, оперирует вероятностями. Поэтому полностью полагаться на данные психологического профиля было бы ошибочно. Профайлинг как инструмент в руках психолога никогда не заменит опытного следователя, а результаты расследования во многом будут зависеть от аналитических умений данного специалиста и понимания того, как применить полученные психологические заключения на практике, в сфере юриспруденции и поиска вероятного преступника. Поэтому поисковые профили преступников должны рассматриваться как одно из средств поиска неизвестного преступника в комплексе со всеми остальными следственными мероприятиями.

Литература

1. Асямов С.В. Криминалистический профайлинг: понятие и история становления. Ташкент: ЮРПСИ, 2022. 180 с.
2. Криминалистическое изучение личности: научно-практическое пособие для магистров / Отв. ред. Я.В. Комиссарова. М.: Проспект, 2016. 224 с.

Место коммуникативных навыков при вынужденном общении в деятельности сотрудников правоохранительных органов

Борисова Д.П.

Центральная нормативно-техническая лаборатория ФСИН России

(г. Москва, Россия)

Личность сотрудника правоохранительных органов представляет большой интерес. То, каким образом выстраивается деятельность каждого сотрудника, оказывает значительное влияние на достижение положительных результатов деятельности, а также и на создание имиджа правоохранительных органов в целом.

Деятельность большинства сотрудников направлена на взаимодействие с гражданами, обладающими различными статусами, поэтому учет деталей коммуникативной и социально ориентированной активности крайне необходим при организации профессиональной деятельности. Это позволяет обеспечить реализацию сразу нескольких аспектов служебной деятельности: выстроить грамотное, располагающее доверительное взаимодействие, что способствует получению необходимой информации; обеспечить безопасность граждан и собственную безопасность.

Зачастую сотрудники находятся в положении, когда контакт с людьми не вызван каким-либо взаимным интересом, он возникает при необходимости решения какой-то проблемной ситуации. Данные особенности общения являются свойствами вынужденного контакта, который характеризуется следующими признаками: невозможность избежать взаимодействие, различное социальное положение, негативное отношение одного из собеседников, отличные мотивы у участников контакта (Миронова О.И., 2012). Соответственно, когда информация от одной стороны общения исходит в непонятной форме, не учитывается в деятельности и вызывает неадекватную реакцию другой стороны, то такое общение является неэффективным (Молчанова Т. Ю., 2020).

В свою очередь, особенности профессиональной деятельности сотрудников накладывают определенный отпечаток на их профессиональную коммуникацию.

Очень важно в рамках такой специфической деятельности обладать навыками установления конструктивного диалога, прогнозирования хода развития взаимодействия, поддержания нейтральной обстановки, а также конструирования вербальной и невербальной речи (Молчанова Т. Ю., 2020).

Задача развития коммуникативных качеств стоит перед подготовкой сотрудников к службе. Профессиональные знания и навыки, а также опыт службы однозначно имеют значение, придают уверенности в своих действиях, однако данных навыков не всегда бывает достаточно для учета всех факторов при выстраивании продуктивного общения.

Если рассмотреть деятельность сотрудников пенитенциарных учреждений, то увидим, что на них возложено множество обязанностей, которые заключаются в обеспечении безопасности, осуществлении надзора за содержащимися лицами, а также подготовке к освобождению и реабилитации.

Важно понимать, что сотрудники должны устанавливать и поддерживать оптимальные рабочие отношения как с сотрудниками, так и с осужденными, сочетая в себе такие качества, как строгость, авторитетность и способность к пониманию, оказанию посильной помощи. Такого рода взаимодействие позволяет достичь поставленных целей и успешно отражается на процессе реабилитации. Это позволяет мотивировать осужденных к правопослушному образу жизни.

Такая предписанная роль требует способности к быстрому переключению внимания, способности быстро и в условиях дефицита информации принимать решения и эффективно справляться с непредвиденными ситуациями. Однако развитие коммуникативных способностей и выстраивание навыков взаимодействия в рамках вынужденного общения не всегда имеет достаточное отражение в подготовке сотрудников.

Литература

1. Миронова О.И. Свойства, показатели и уровни развития вынужденного контакта // Бъдещите изследвания – 2012: 17–25 февруари: материали за VIII международна научна практична конференция / Ред. М.Т. Петков. София: Бял ГРАД-БГ, 2012. С. 62–65.
2. Молчанова Т.Ю. Особенности профессиональной коммуникации сотрудников уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2020. No 45(335). С. 213–215. URL: <https://moluch.ru/archive/335/74728/> (дата обращения: 16.09.2022).

Субъективные факторы коррупционного поведения как элемент социальных представлений сотрудников госавтоинспекции

Борисова С.Е.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

(г. Орёл, Россия)

В настоящее время сохраняют остроту вопросы, связанные с распространенностью феномена коррупции, что обуславливает пристальное внимание со стороны представителей разных областей науки и практики. При этом в литературных источниках говорится о недостаточной освещенности психологических особенностей данного явления; характеризуются факторы коррупционного поведения, отдельное место среди которых занимают детерминанты социально-психологического порядка (Абдуллин А.Г., Лихолетов В.В., 2020; Климовицкий С.В., Карпова С.Г., 2016; Максименко А.А., Дейнека О.С., Крылова Д.В., 2020).

Нами предпринято эмпирическое исследование социальных представлений, свойственных сотрудникам Госавтоинспекции и относящихся к психологическим аспектам коррупционного поведения полицейских – представителей той же профессиональной категории. Осуществлен опрос, предполагающий рассмотрение респондентами новостных видеорепортажей телевидения о субъективных причинах разных форм проявления коррупции в действиях сотрудников подразделений Государственной инспекции безопасности дорожного движения (далее - ГИБДД).

Поясним, что, с нашей точки зрения, в ходе субъективного анализа событий и поступков персонажей видеоматериалов, опрашиваемый сотрудник Госавтоинспекции оказывается подвержен защитному механизму проекции. Другими словами, в ряде случаев респонденты не вполне осознанно отражают в ответах характеристики внутреннего мира антагониста видеосюжета, вероятно присущие самим отвечающим, но не признаваемые ими во всеуслышание. Это является ценной информацией для понимания психологических особенностей полицейских и их отношения к обсуждаемым эпизодам коррупции.

Согласно полученным результатам эмпирического исследования, в числе вероятных доминирующих субъективных факторов коррупционного поведения сотрудников Госавтоинспекции опрошенными указывается стремление персонажей новостного видеоконтента к удовлетворению корыстных интересов в сочетании с чувством безнаказанности, а также недостаточная мотивация к соблюдению стандарта антикоррупционного поведения полицейского.

Одновременно, настораживающим выступает и выбор респондентами вариантов ответов, свидетельствующих о недостаточной степени выраженности правосознания сотрудников, слабом учете их личностных качеств и положительной мотивации к служебной деятельности при назначении на должности старшего начальствующего состава полиции, неблагоприятной социально-психологической атмосфере в подразделениях ГИБДД.

В связи с этим актуализируется насущность использования комплекса мер, направленных на профилактику коррупционного поведения и формирование наиболее востребованных в существующих реалиях профессионально-важных качеств личности сотрудников Госавтоинспекции.

При этом желательно применять оптимальное сочетание современных подходов управления персоналом и инноваций психологической практики, способствующих поддержанию нематериальной профессиональной мотивации и созданию прочной системы корпоративных ценностных ориентиров, обеспечивающих юридически грамотное, этичное и компетентное поведение сотрудников подразделений ГИБДД.

Литература

1. Абдуллин А.Г., Лихолетов В.В. Коррупция как особая форма психологического и морального насилия над личностью // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология. 2020. № 1. С. 29–36. doi: 10.18323/2221-5662-2020-1-29-36.

2. Климовицкий С.В., Кареева С.Г. Методология измерения социально-психологических факторов коррупции // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Том 1. No 4. С. 206–222.
3. Максименко А.А., Дейнека О.С., Крылова Д.В. Этикопсихологическое портретирование российского коррупционера // Национальный психологический журнал. 2020. No 4(40). С. 31–47. doi: 10.11621/npj.2020.0403.

К проблеме связи антисоциальной креативности и эмоционального интеллекта у сотрудников органов внутренних дел

Бочкова М.Н.
(г. Москва, Россия)

Креативность, реализующаяся в девиантном поведении, стала предметом изучения во многих отраслях психологии. Для нас представляет интерес девиантность, угрожающая благополучию других членов организации. Она проявляется в конкуренции за дефицитные ресурсы в виде агрессивного общения: оскорбительных комментариев о противнике, насмешках, критике личности оппонента, лжи (Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., 2020). Обзор исследований показывает, что важную роль в этом играет антисоциальная креативность и эмоциональный интеллект и, более того, данная проблема актуальна для органов внутренних дел России (Бочкова М.Н., 2022, в печати).

В наших исследованиях в 2018-2021 г.г. участвовали осужденные за корыстные и корыстно-насильственные действия (далее КП); осужденные за агрессивно-насильственные действия; кадеты; курсанты 2-3 курса; курсанты 4-5 курсов; действующие сотрудники органов внутренних дел, имеющие высшее образование (далее ОВДВо) и имеющие среднее образование (далее ОВДСо) (всего N=285).

Использовалась батарея опросников для диагностики антисоциальной креативности (АК), агрессии, эмоционального интеллекта, макиавеллизма, черт Большой пятерки. Проверялись гипотезы: 1. Существуют различия в характере связи эмоционального интеллекта и АК в зависимости от возраста и образования; 2. Враждебность является медиатором связи понимания собственных эмоций и АК. В основу гипотез вошли полученные нами результаты у осужденных (Бочкова М.Н., 2020), показавшие важную роль эмоционального интеллекта и враждебности в АК.

Согласно непараметрическим сравнениям по критерию Манна-Уитни, *значимо высокий уровень*:

- АК у кадетов; при этом различия в остальных выборках выявлены только у осужденных КП, у которых она значимо ниже ($p < 0.05$) по сравнению с курсантами старших курсов;

- враждебности у кадетов и осужденных КП по сравнению с другими выборками; нет различий между курсантами и сотрудниками ОВДВо, значимо низкая

враждебность у сотрудников ОВДСо по сравнению со всеми выборками;

- понимания собственных эмоций у сотрудников ОВД; самое низкое у кадетов; осужденные КП лучше понимают собственные эмоции, чем кадеты, но хуже, чем остальные выборки.

Главным предиктором, объясняющим 22% дисперсии значений АК, является враждебность ($\beta=0.576$; $p<0.001$). Анализ медиации показал, что враждебность является медиатором связи понимания собственных эмоций и АК. Таким образом, мы получили подтверждение второй гипотезы.

Первая гипотеза подтверждается частично: направление взаимосвязи самооценки понимания собственных эмоций и АК в группах однонаправленное, но разное по силе, и самая сильная связь выявляется у осужденных за корыстные преступления. У кадетов, курсантов старших курсов и действующих сотрудников органов внутренних дел с высшим образованием эта связь ослабевает значительно сильнее ($p<0.05$; 0.01 ; 0.05 , соответственно). Стоит отметить, что объединение групп по возрасту не дало такого эффекта. Можно говорить о том, что самооценка понимания собственных эмоций у представителей данных групп в меньшей степени опосредует АК по сравнению с осужденными за корыстные преступления, курсантами 2 курса и действующими сотрудниками ОВД, получившими среднее неюридическое образование, и важную роль в этом играет полученное или получаемое образование.

Литература

1. Бочкова М.Н. Девиантное поведение сотрудников органов внутренних дел: обзор исследований в современной российской психологии // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. В печати.
2. Бочкова М.Н. Эмоциональный интеллект и креативность: связь и взаимодействие на примере разных категорий осужденных // Психология и право. 2020. Том 10. No 1. С. 92–102. doi: 10.17759/psylaw.2020100108.
3. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. Креативность и девиантность: современное состояние проблемы в психологии // Психология и право. 2020. Том 10. No 3. С. 86–107. doi: 10.17759/psylaw.2020100307.

Психологическая готовность сотрудников отделов информации и общественных связей МВД России – составляющая защиты от негативного информационно-психологического воздействия

Вахнина В.В., Морщакина М.С.

Академия управления МВД России

(г. Москва, Россия)

Запросы современного общества к психологии в условиях модифицированных форм влияния информационных технологий сконцентрированы на возможностях противостояния негативному информационно-психологическому воздействию.

Одним из направлений деятельности сотрудников отделов информации и общественных связей МВД России является осуществление круглосуточного мониторинга средств массовой информации и ресурсов сети Интернет. Они первыми имеют доступ к сведениям, влияющим как позитивно, так и негативно. Минимизация последствий негативного информационно-психологического воздействия, а также успешное и эффективное выполнение поставленных задач возможны при наличии таких составляющих, как психологическая готовность, набор компетенций, знания и профессиональный опыт (Вахнина В. В., Бугров П. П., 2020)

Под психологической готовностью мы будем понимать состояние мобилизации всех психологических систем организма, обеспечивающих эффективное выполнение действий, соответствующих обстановке оперативно-служебной деятельности. В рассматриваемом контексте интерес представляет психограмма деятельности сотрудников отделов информации и общественных связей, характеризующаяся следующими составляющими: решением профессиональных задач в экстремальных ситуациях; интенсивной межличностной коммуникацией; выносливостью; способностью выдерживать эмоциональное напряжение; активностью, связанной с анализом непрерывно меняющейся информации; удерживанием в памяти большого количества фактов; принятием решения в условиях дефицита времени и информационной неопределенности (Марьин М.И. и др., 2014).

Управление эмоциональным состоянием, регулирование и контроль поведенческих реакций способствуют уменьшению негативного информационно-психологического воздействия, заключающегося в предоставлении личности такой информации, которая способна повлиять на ее эмоции, цели в жизни, поведение и позволяет сформировать мнение, мировоззрение, поведенческие реакции, которые необходимы инициатору данного воздействия (Караяни А. Г., Караяни Ю. М., 2021).

Сотрудники, владеющие навыками критического мышления, осмысления и интерпретации информации, умением работать с ее источниками, видами и типами информационных ресурсов, способны защитить себя от негативной, а порой и искаженной информации (Кубышко В.Л., Крук В.М., 2019).

В современных условиях востребована целенаправленная подготовка личного состава, способного прогнозировать и минимизировать негативные последствия информационно-психологического воздействия, а также владеющего алгоритмом действий, направленным на его снижение.

Литература

1. Вахнина В.В., Бугров П.П. Психологические особенности профессиональной мотивации сотрудников органов внутренних дел // Академическая мысль. 2020. No 1(10). С. 114–118.

2. Караяни, А. Г., Караяни, Ю. М. Методы негативного информационно-психологического воздействия на правоохранителей в ходе протестных акций в зарубежных странах // Российский девиантологический журнал. 2021. No 1(1). С 70–83. doi: 10.35750/2713-0622-2021-1-70-83.
3. Кубышко В.Л., Крук В.М. Психологические особенности позиционирования негативного образа полиции российской империи в интернет-информационной среде // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2019): материалы международной научно-практической конференции 25 апреля 2019 года / Под ред. Ю.А. Шаранова, В.А. Шаповала; сост. И.Ю. Кобозев. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. С. 9–15.
4. Психологическая подготовка сотрудников полиции к профессиональной деятельности: учебно-методическое пособие / М.И. Марьин [и др.]. Руза: Московский областной филиал Московского университета МВД России, 2014. 195 с.

Особенности профессиональной деятельности сотрудников транспортной полиции

Григорьева М.А.

ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России»

(г. Москва, Россия)

За последние годы службы сотрудники подразделений транспортной полиции проявили высокий профессионализм, поддерживая общественный порядок на транспортных узлах, которые являются важными стратегическими объектами, обеспечивающими пассажиропоток (Тарасова О.Е., 2020). В связи с этим возникает потребность узнать, каким образом устроена их повседневная деятельность, за счет чего им удаётся поддерживать правопорядок в условиях непрерывного потока граждан. Для этого необходимо понимать наиболее значимые признаки и ключевые отличия подразделений полиции на транспорте от территориальных отделов полиции, имеющих свои задачи и функции согласно регламенту.

Транспортная полиция представляет собой одну из служб, отвечающих за безопасность граждан в период их перемещений с помощью воздушного, водного и железнодорожного видов транспорта. Основными задачами, которые носят более узконаправленный и ситуативный характер, являются обеспечение безопасности граждан, сохранности грузоперевозок, выявление разыскиваемых лиц, опасных предметов и запрещённых веществ.

Характер совершаемых гражданами правонарушений и преступлений значительно отличается от расследуемых в районах территориальных органов. Преступность на транспорте носит более организованный характер (Приходько Н.Ю.,

Черненко Н.В., 2022). Это значит, что в совершении преступления могут быть задействованы лица из нескольких областей, городов и стран.

Следующим важным фактором являются временные ограничения. При анализе поведения тысяч пассажиров за сутки важно незамедлительное получение информации, так как возбужденное дело может рассматриваться после надзора и депортации лиц за пределы области совершения преступления. Так выявляется территориальный признак, отличающий линейные подразделения от «местных» отделов полиции (Ларионов А.С., Овчинникова И.О., 2018).

В свою очередь, наиболее эффективное обеспечение повседневных мероприятий по охране общественного порядка на вверенной территории происходит благодаря хорошей оснащенности и экипировке подразделений. Немаловажную роль играет слаженная система взаимодействия с другими службами (ФСБ, Службой авиационной безопасности (САБ), Федеральной таможенной службой (ФТС) и др.). Имеется отличительная особенность относительно состава подразделений. Сотрудникам одного подразделения на транспорте необходимо выполнять смежные обязанности, которыми на территории могли бы заниматься сотрудники разных направлений.

В силу выделенных особенностей отметим, что понимание их специфики позволяет более эффективно организовать функционирование подразделений на транспорте, разработать механизмы пресечения преступлений и правонарушений, сохраняя безопасность граждан.

Таким образом, по мере развития транспортной инфраструктуры перед сотрудниками транспортной полиции ежедневно возникают новые задачи, требующие от них не только имеющихся знаний и умений, но и способности принимать решения в условиях ограниченного пространства и времени, непрестанно развиваться и осваивать новые технологии в сфере обеспечения транспортной безопасности.

Литература

1. Ларионов А.С. Служба досмотра в ОВД на воздушном транспорте: история и перспективы развития [Электронный ресурс] // Юный ученый. 2018. No 2(16). С. 64–71. URL: <https://moluch.ru/young/archive/16/1185/> (дата обращения: 27.09.2022).
2. Приходько Н.Ю., Черненко Н.В. Профилактика преступлений и иных правонарушений на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры: учебное пособие. М.: Академия управления МВД России, 2022. 60 с.
3. Тарасова О. Олег Калинин: в транспортной полиции важно уметь просчитывать риски и работать на опережение [Электронный ресурс] // Петровка, 38: еженедельная газета. 2000. No 29(9726). URL: <https://petrovka-38.com/arkhiv/item/oleg-kalinkin-v-transportnoj-politsii-vazhno-umet-proschityvat-riski-i-rabotat-na-operezhenie?ysclid=la0q29o6vk363394213> (дата обращения: 03.10.2022).

К вопросу о системе психолого-правовых явлений

Ильина В.А.

Иркутский юридический институт (филиал) ФГКОУ ВО «Университет
прокуратуры Российской Федерации»
(г. Иркутск, Россия)

Под психолого-правовыми явлениями принято понимать правовые явления, имеющие психологический механизм образования (например, личность преступника, состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффект) и др.). Данные явления обусловлены преимущественно социальными, общественными факторами – социальным окружением: людьми, социальными условиями, событиями и процессами, групповыми социально-психологическими факторами.

Вопрос о системе явлений – это вопрос научно-стратегический. Известно, что системное мышление ученого дает общий взгляд на жизнь, позволяет охватить мир целиком. Актуальность и даже необходимость системного подхода при исследовании тех или иных объектов обусловлена укрупнением и усложнением изучаемых систем, потребностями управления большими системами и интеграции знаний (Ганзен В.А., 1984).

Фрагментарные, несистемные знания нередко вступают в противоречие с системными научными взглядами на то или иное явление. При этом их легко принять за «новые» знания, знания-открытия. Однако, несистемные знания приводят к ложным выводам, ошибочным решениям в юридической практике.

Так, в результате эмпирического исследования по вопросу эмоционально-личностных детерминант психического выгорания адвокатов авторы исследования приходят к выводу о том, что нерешительность, робость и сдержанность человека способны оказывать положительный эффект, то есть такой специалист не подвергается риску психического выгорания. И, наоборот, высокая смелость, импульсивность, авантюризм способствуют более быстрому формированию психического выгорания (Бабкин Д.В., Бубнова И.С., 2022). Выводы, сделанные авторами исследования о вышеперечисленных характеристиках вступают в противоречие с общепринятыми профессиональными требованиями к психическим качествам личности юриста. В данном случае системный подход требует доработки полученных выводов, согласования их с такими элементами системы «человек-право», как цели деятельности, функции и уровни самореализации специалиста и др. Очевидно, что робкий и несмелый юрист избежит профессиональной деформации в буквальном смысле этого слова, избегая самой юридической деятельности.

В систему многообразия психолого-правовых явлений включены две большие группы: индивидуально-психологические и социально-психологические явления (Прикладная юридическая психология, 2001).

В группу индивидуально-психологических явлений включены психологические факты, закономерности и механизмы. По форме существования они

делятся на психические процессы, психические состояния и психические свойства. По качественно-содержательным особенностям на мотивационные, познавательные, эмоциональные, волевые, психомоторные. По уровню отражения различаются явления сознания и подсознания. По преобладающей детерминированности делятся на личностные социально-психологические и собственно психологические и психофизиологические.

К социально-психологическим (групповым) относят массовидные (общественные, коллективные нормы поведения, обычаи и традиции и др.), взаимоотношения (межгрупповые, межличностные, личностно-групповые) и личностные социально-психологические.

Предложенная схема системы психолого-правовых явлений позволяет дифференцировать изучаемые юридической психологией явления и всесторонне анализировать последние. Согласованность с системой психолого-правовых явлений отдельных полученных данных обеспечивает не только преемственность полученных ранее знаний, но и позволяет верифицировать их посредством системной интерполяции.

Литература

1. Бабкин Д.В., Бубнова И.С. Изучение психического выгорания и его детерминант у адвокатов // Казанский педагогический журнал. 2022. No 2. С. 241–247. doi: 10.51379/KPJ.2022.152.2.034.
2. Ганзен В.А. Системные описания в психологии. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1984. 175 с.
3. Прикладная юридическая психология: учебное пособие для вузов / Под ред. А.М. Столяренко. М.: Юнити, 2001. 639 с.

Использование метафоры при консультировании сотрудников полиции, переживающих кризис

Ковальчишина Н.И.

Филиал Российского государственного социального университета
(г. Минск, Республика Беларусь)

Рядинская Е.Н.

Донбасская аграрная академия
(г. Макеевка, Донецкая Народная Республика)

На современном этапе развития общества постоянно растут запросы на оказание квалифицированной психологической помощи лицам, переживающим кризис, особенно среди сотрудников полиции. Актуальным остается вопрос поиска универсальных психотерапевтических технологий, которые будут предоставлять возможность оптимизировать процесс оказания психологической помощи полицейским, находящимся в затруднительном положении.

Изучению теории кризисов посвящены труды многих авторов: Д.А. Леонтьева, Э. Линдерманна, Дж. Якобсона и др. Исследователи в своих трудах анализируют как деструктивные, так и ресурсные аспекты кризиса, отмечают стадии и критерии его диагностики.

Значимые психологические исследования метафоры как средства психологического влияния посвящены труды многих зарубежных (Ф. Баркер, Н. Пезешкиан, М. Эриксон, К.Г. Юнг и др.) и отечественных психотерапевтов (И.В. Вачков, М.В. Самойлова, А.С. Туманова и др.).

Как известно, кризис рассматривается как ситуация столкновения с преградой в реализации жизненных целей в условиях невозможности справиться с ней при помощи привычных средств.

Переживание кризиса обычно сопровождается целым спектром негативных эмоций (чувство неполноценности, страха, потери, горя, иногда агрессии, тревожности и т.п.), указывает на наличие у личности определенных психологических проблем.

Психологическая проблема – такое психическое состояние человека, которое порождается несоответствием его психических возможностей требованиям окружающей природной и социальной среды (Регуш Л.А., 2006). Однако можно рассматривать кризис и как шанс для личностного развития. Это своеобразный переломный момент в жизни личности, когда она приобретает особую пластичность и открывается возможностям развития. С одной стороны, наличие проблемы (как результата определенных противоречий) может быть толчком для развития личности. С другой стороны, наличие нерешенной, постоянно повторяющейся проблемы может стать серьезным препятствием в дальнейшем развитии человека, его профессиональной деятельности (Сапогова Е.Е., 2005).

Анализ современных исследований показывает, что одним из средств оказания психологической помощи сотрудникам силовых ведомств, переживающим кризис, является метафора, поскольку она рассматривается как средство активизации психической деятельности и как средство психоэмоционального воздействия на человека.

Метафора как психотехнология используется в работе с клиентами по различным психотерапевтическим направлениям: символдрама, имаготерапия, положительная кросс-культурная психотерапия Н. Пезешкиана, сказкотерапия, что дает основания говорить об ее универсальности.

В психологической литературе существует множество определений понятия «метафора». По мнению Н. Пезешкиана, например, метафора является особым инструментом для создания «единого поля понимания», с ее помощью человек способен донести до других свое индивидуальное мировоззрение и понять другого человека (Пезешкиан Н., 1992).

Можно констатировать, что метафора содержит определенное смысловое сообщение, представленное в аллегорической форме, с помощью вербальных

(пословицы, притчи, басни, анекдоты, сказки и т.п.) и невербальных средств (художественные метафоры).

Таким образом, метафоры используются в качестве психотехнологий, поскольку они могут выступать в роли симптомов внутренних конфликтов и одновременно как способы их разрешения.

Литература

1. Пезешкиан Н. Торговец и попугай: восточные истории и психотерапия. М.: Прогресс, 1992. 240с.
2. Регуш Л.А. Проблемы психического развития и их предупреждение: от рождения до пожилого возраста. СПб.: Речь, 2006. 318 с.
3. Сапогова Е.Е. Психология развития человека: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2005. 458с.

Совершенствование профессионального психологического отбора в образовательных организациях МВД России

Костина Е.В.

ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»
(г. Москва, Россия)

В целях повышения эффективности профессионального психологического отбора граждан, поступающих на обучение и службу в органы внутренних дел, в 2012 году сформирован качественно новый подход, регламентированный Постановлением Правительства Российской Федерации от 6.12.2012 № 1259 «Об утверждении правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации» (Дашко М.Н., Виноградов М.В., 2015).

Профессиональный психологический отбор включает медицинские, психологические, психофизиологические исследования с целью изучения личных и деловых качеств и выявления факторов риска девиантного поведения.

Профессиональный психологический отбор в образовательных организациях МВД России является одним из важнейших параметров профилактики текучести кадров. Вопросы совершенствования отдельных инструментов и механизмов отбора актуальны и регулярно поднимаются в отечественных и зарубежных исследованиях, в которых подчеркивается его влияние на текучесть кадров.

Е.С. Балабанова (Балабанова Е.С., 2022) и В.А. Толочек (Толочек В.А., 2022) выделяют методологические проблемы отбора, условиями повышения его качества и эффективности называют изучение личности кандидата на соответствие организационным требованиям, предоставление реалистичной информации об организационной культуре, проведение кадрового конкурса, повышение требований к кандидатам.

В.С. Агаповым и Я.В. Артемовой (Агапов В.С., 2011) в качестве рекомендаций по снижению текучести кадров предлагается введение реалистичных трудовых проб на этапе отбора, обеспечив тем самым стимулирование корпоративной идентификации.

По мнению Л. Джуэлл (Джуэлл Л., 2001), Л. Фон Розенштиль, В. Мольта, Б. Рютенгера (Розенштиль Л., 2014) совершенствование отбора возможно посредством повышения индекса отбора (числа кандидатов на одну вакансию), использования реалистичного предварительного ознакомления с работой, что позволяет избежать потенциальной текучести кадров на фоне несоответствия реальности ожиданиям.

Повышение качества отбора возможно путём совершенствования критериев определения медицинских факторов риска девиантного поведения (злоупотребление алкоголем или токсическими веществами, потребление без назначения врача наркотических или психотропных веществ, склонность к совершению суицидальных действий).

Таким образом, средствами повышения эффективности профессионального психологического отбора в образовательных организациях МВД России являются: предварительное предоставление кандидатам реалистичной информации об организационной культуре подразделений органов внутренних дел, анализ соответствия личности требованиям организации, совершенствование критериев определения факторов риска, повышение индекса отбора и требований к кандидатам.

Литература

1. Агапов В.С., Артемова Я.В. Типология корпоративной идентичности личности. М.: РУДН, 2011. 130 с.
2. Балабанова Е.С. Организационное поведение: учебник / М.: Инфра-М, 2022. 592 с. doi: 10.12737/1048688.
3. Дашко М.Н., Виноградов М.В. Профессиональный психологический отбор на службу в органы внутренних дел: новый подход к изучению личных и деловых качеств граждан, поступающих на обучение и службу в органы внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. No 3(62). С. 101–106.
4. Джуэлл, Л. Индустриально-организационная психология: учебник для вузов / [Пер. с англ. Н.О. Мальгин, С.Е. Рысев]. 4. изд., междунар. СПб.: Питер, 2001. 709 с.
5. Розенштиль фон Л., Мольт В., Рютингер Б. Организационная психология. Харьков: Гуманитарный Центр, 2014. – 464 с.
6. Толочек В.А. Технологии профессионального отбора: учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2022. 253 с.

К вопросу адаптации курсантов в ВУЗе

Косыгина С.В.

ФГБОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»

(г. Москва, Россия)

Главной задачей образовательных организаций является подготовить профессиональных специалистов. Первостепенную важность для первокурсников составляет процесс привыкания к учебной и профессиональной деятельности. Что помогает и что мешает успешной адаптации?

90 % первокурсников отмечают, что «чувство благополучия» ниже нормы. Значит имеется общая неуверенность, растерянность и внутреннее беспокойство по поводу имеющихся проблем. А если первокурсник проживает вдали от родных, семьи, то чувство одиночества, отсутствие поддержки близких людей способствует общей нестабильности и дезадаптации.

Низкий уровень интеллектуальной эффективности проявился у 85,3 % респондентов. Такая самооценка свидетельствует о затруднениях в выражении собственных мыслей, переживаний.

Испытуемые с низким уровнем адаптивности с трудом заводят новые контакты и не могут построить общение по собственной инициативе. Склонны к тревожности, растерянности и часто испытывают страх. Они боятся строить планы на будущее и не решаются наслаждаться жизнью. Не могут определиться кому подчиняться, где и когда можно высказывать свое мнение.

Нас заинтересовал один из факторов, влияющих на адаптацию обучающихся в образовательных организациях, – конформность.

В работах З. Фрейда, Г. Юнга, В. Райха конформность определяется как субъективная способность к приспособлению. Приспосабливаться – значит следовать образцам поведения, имеющим значительную силу влияния на индивида при отсутствии собственного мнения в каких-либо ситуациях (мнение группы, нормы и традиции коллектива и т.п.) (Андреева Г.М., 2001).

В качестве основного метода исследования мы выбрали две шкалы – Q2-конформизм/нонконформизм, Е-подчиненность/доминантность методики многофакторный опросник Р.Б. Кэттелла (Капустина А. Н., 2004).

46% респондентов имеют средние значения факторов Q2 (конформизм/нонконформизм) и Е (подчиненность/доминантность). У них умеренно выраженный лидерский потенциал.

18% респондентов показали низкие значения факторов Е (1-3 стена) и Q2 (1-3 стена), что свидетельствует о низком лидерском потенциале. Данные испытуемые предпочитают подчиняться требованиям социума, легко соглашаются с мнением большинства людей.

9% участников исследования позиционировали высокие показатели. Они активны, стремятся к лидерству в группе. Предпочитают самостоятельно принимать решение, без учета мнения других людей.

Таким образом, каждый третий респондент обладает средним или высоким уровнем конформности. Эти обучающиеся стремятся занять лидерскую позицию в обществе. Четверть испытуемых имеют низкий уровень конформности, но при этом показатель доминантности остается высоким. Данная группа испытуемых демонстрируют лидерские качества исключительно в привычных для них ситуациях. Они беспринципно и некритично следуют любому образцу, обладающему наибольшей силой давления, авторитетом.

Вывод: каждый четвертый курсант приспосабливается к условиям среды, проявляя внешний конформизм.

Таким образом, успешная адаптация к учебной и профессиональной деятельности напрямую зависит от уровня конформности обучающегося в вузе.

Поэтому важной задачей на начальном этапе адаптации молодого специалиста является выявление индивидуально-психологических особенностей личности; обеспечение своевременной поддержки и помощи в преодолении трудностей, возникающих на пути профессионального становления.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник. М.: Аспект Пресс, 2001. 376 с.
2. Капустина А.Н. Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла: учебно-методическое пособие. СПб.: Речь, 2004. 97 с.

Точность скринингового теста на полиграфе в условиях имитации экономического правонарушения

Купцова Д.М.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В основе любого теста на полиграфе лежит феномен активации симпатического отдела нервной системы в ответ на предъявление значимого для исследуемого лица стимула (Купцова Д.М., Каменсков М.Ю., 2020). При этом важно отметить, что ложный ответ на вопрос полностью не определяет значимость содержащейся в нем информации, но коррелирует с систематичным изменением в тенденции реагирования в ходе записи теста (Giboney J. S., 2018).

Несмотря на проведенные исследования (Honts, C. R., Thurber, S., & Handler, M., 2021), некоторые ученые по-прежнему утверждают, что научные основы тестирования на полиграфе не доказаны. Так, согласно одному из авторов, научной ненадёжностью и преждевременностью рекомендаций к практическому применению обоснован отказ судов многих стран принимать результаты полиграфологических исследований как достоверные доказательства (Менделевич, В. Д., 2020). Чаще всего критика полиграфа как метода оценки достоверности информации заключается в

субъективизме оценки получаемых данных и неясной прогностической ценности используемых физиологических параметров.

С целью определения точности психофизиологического теста на полиграфе в лабораторных условиях проводилось эмпирическое исследование на выборке из 67 добровольцев (57,7% женщин и 42,3% мужчин), которым предлагалось имитировать ситуацию экономического правонарушения («подделать» подпись на финансовом документе) и солгать об этом полиграфологу во время тестирования на полиграфе. В случае успешного прохождения теста, т.е. оправдательного результата, участник получал денежное вознаграждение. Согласно альтернативному варианту, участникам предписывалось ответить честно на все вопросы относительно темы тестирования. Таким образом, оценивались результаты двух групп испытуемых: имеющих фактор риска, связанный с подделкой финансовых документов и не имеющих его. Психофизиологический метод представлял собой ознакомительный тест и стандартный однотемный скрининг с вопросами управляемой лжи. Переменные канала электрической активности кожи, сердечно-сосудистой и дыхательной систем измерялись при помощи электронной линейки компьютерного полиграфа, затем стандартизировались и обрабатывались при помощи метода дискриминантного анализа (IBMSPSS.22).

Результаты

Была обнаружена высокая точность дискриминантной модели (92,5%, λ . Уликса 0,356, $p > 0.01$). Параметры кратковременного подъема артериального давления и изменение электрической активности кожи являются главными переменными для классификации лиц с фактором риска и без него. Параметры дыхательной активности и вазомоторных реакций внесли меньший вклад в дискриминантную модель, однако были диагностически значимыми.

Таким образом, полученные результаты расширили предыдущие выводы о точности психофизиологических параметров в определении значимости исследуемой темы, включив реакции в канале дыхания и фотоплетизмограммы в класс диагностически полезных параметров. Необходимы дальнейшие исследования для подтверждения полученных результатов в условиях реальной практики отбора кандидатов в правоохранительные органы, чтобы усовершенствовать систему оценки получаемых с помощью полиграфа данных.

Литература

1. Купцова Д.М., Каменсков М.Ю. Теоретическая модель тестирования на полиграфе: проблемы и перспективы их разрешения // Психология и право. 2020. Том 4. No 10. С. 126–138. doi: 10.17759/psylaw.2020100409.
2. Менделевич В.Д. Полиграфология, профайлинг, айтрекинг и другие паранаучные методы психиатрической диагностики // Неврологический вестник. 2020. Том 52. No 3. С. 5–8. doi: 10.17816/nb42282.
3. Giboney J.S. Grouping cognitive processes of deception: a meta-analysis // World scientific reference on innovation. Vol. 4 / Ed. D. Siegel. Singapore: World

Scientific, 2018. P. 3–26. doi: 10.1142/9789813149106_0001.

4. Honts C.R., Thurber S., Handler M. A comprehensive meta-analysis of the comparison question polygraph test // *Applied Cognitive Psychology*. 2021. Vol. 35. No 2. P. 411–427. doi: 10.1002/acp.3779.

О необходимости разработки психологической коррупционных правонарушений в процессе прохождении службы

Куценко Ю.В.

АНО ВО «Северо-Кавказский социальный институт»

(г. Ставрополь, Россия)

Согласно докладу Генерального прокурора РФ И. Краснова Совету Федерации итогам работы в сфере противодействия коррупции в 2021 году стало выявление свыше 250 тысяч коррупционных правонарушений, большая часть из них касалась фактов несоблюдения антикоррупционного законодательства в процессе прохождения службы (Краснов И., 2022).

Данные показатели давно требуют выработки обоснованного психологического сопровождения государственных и муниципальных служащих для того, чтобы борьба с коррупцией привела к значимым результатам. Это позволит институционализировать феномен коррупции и в системе общественного мнения, и в индивидуальном сознании каждого гражданина, а также обеспечит психологический инструментарий для реализации предлагаемого комплекса мер для борьбы с коррупцией на службе.

Не стоит забывать, что субъектом коррупционного поведения является сам человек, что указывает на то, что причины коррупционного поведения скрыты непосредственно в самой личности человека.

В литературе встречаются единичные источники, в которых коррупция исследуется с психологических теоретико-методологических оснований, а это входит в противоречие с системным характером данного явления.

Как отмечает М.М. Решетников в первой монографии, посвященной психологии коррупции, «без психологически обоснованных походов здесь вряд ли что-то можно сделать, ибо коррупция – только в ее последствиях правовая и экономическая проблема, а исходно – сугубо психологическая и общечеловеческая» (Решетников М.М., 2019, с. 101).

А.Л. Журавлев, В.А. Соснин, Д.А. Китова отмечают, что для борьбы с коррупцией недостаточно подъема экономики и укрепления контрольных органов, необходимо изучение «третьей стороны» коррупционных сделок, т. е. «простого российского человека», норм и ценностей массового сознания, легитимирующих неформальное экономическое поведение (Социально-психологические исследования коррупции, 2017).

В своей статье А.А. Максименко, О.С. Дейнека, Д.В. Крылова из результата исследования Stupnianeck, Navickas (2019 год), которые проверяли гипотезу о том, что люди с сильной верой в справедливый мир ведут себя более справедливо и менее коррумпировано, пришли к выводу, что люди, которые считают, что они получают то, что они заслуживают, менее склонны действовать несправедливо, потому что они боятся наказания. С другой стороны, если человек полагает, что он не получает того, чего заслуживает, он вероятнее будет действовать несправедливо, потому что не боится наказания. В связи с данной закономерностью человек может не воспринимать свое поведение как несправедливость (Максименко А.А., Дейнека О.С., Крылова Д.В., 2020, с. 36).

В связи с вышеобозначенной проблемой отсутствия психологической профилактики коррупционных правонарушений в процессе прохождения службы существует необходимость научно-обоснованного психологического сопровождения лиц, состоящих на государственной службе для того, чтобы борьба с коррупцией наконец принесла значимые результаты, выработать систему мер, направленных на усиление контроля за выполнением ими служебных обязанностей, финансовой деятельностью и поведением в неслужебной сфере.

Литература

1. Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов выступил с докладом в Совете Федерации [Электронный ресурс]: [новость] // Генеральная прокуратура Российской Федерации. 2022. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=73338775> (дата обращения: 14.09.2022).
2. Максименко А.А., Дейнека О.С., Крылова Д.В. Этико-психологическое портретирование российского коррупционера [Электронный ресурс] // Национальный психологический журнал. No 4(40). 2020. С. 31–37. URL: https://npsyj.ru/pdf/npj-no40-2020/npj_no40_2020_31-47.pdf (дата обращения: 14.09.2022). doi: 10.11621/npj.2020.0403.
3. Социально-психологические исследования коррупции / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.А. Китова, В.А. Соснин. М.: Институт психологии РАН, 2017. 284 с.
4. Решетников М.М. Психология коррупции. Утопия и антиутопия: монография. 2-е изд. М.: Юрайт, 2019. 101 с.

Новая методика оценки правосознания сотрудников правоохранительных органов

Леви М.В.

ООО «Инновационные психотехнологии»

(г. Одинцово, Россия)

Правосознание является компонентом как обыденного сознания, так и системы профессионально-специфичных аттитюдов; оно заключается в субъективном осмыслении людьми правовых явлений, влияющем на личные установки и фактические действия. В структуре правосознания традиционно различают познавательный, оценочно-аффективный и поведенческий (волевой) компоненты. У сотрудников правоохранительных органов развитое правосознание является необходимым профессиональным качеством, что отражено в требованиях, утверждённых Постановлением Правительства РФ от 6 декабря 2012 г. № 1259.

Психометрической оценке методами стандартизованных самоотчётов подлежит преимущественно оценочно-аффективный компонент правосознания – убеждения обследуемых, представляющие интерес для решения профессиональных задач; познавательный компонент правосознания объективно оценивается лишь с помощью специальных тестов юридических знаний, а «волевой» – по фактам реального поведения (посредством наблюдения, анализа документов).

Методика Л.А. Ясюковой для изучения правосознания, донныне применяющаяся в психологическом отборе кадров ОВД, изначально предназначалась для обследования старшеклассников. Имеются данные, подтверждающие некоторую прогностическую ценность данной методики в отношении результата прохождения профотбора в ОВД (Ведешкин Н.А., 2011) и профессиональной успешности некоторых категорий госслужащих. Однако данная методика (13 вопросов) недостаточно информативна для изучения правосознания профессионалов правоохранительной сферы и получения дискриминативных результатов обследования. Кроме того, фактически на всех изученных выборках обнаруживается её неудовлетворительная единомоментная надёжность.

Нами разработана методика «Шкала правосознания» (46 пунктов). Были использованы вопросы вышеуказанной методики с изменёнными альтернативами ответов. Сделан акцент на трактовке правосознания как приверженности «конвенциональным» ценностям, в противовес как эгоистическим, так и «универсальным» (безличным моральными стандартам). В ряде пунктов выбирается приоритет между законопослушностью и: заботой о родных и близких, подчинением начальству, приверженностью традициям, представлениям о порядочности, справедливости, милосердии и пр.

Были обследованы 504 человека из числа сотрудников и военнослужащих Национальной гвардии РФ. Распределение показателя по выборке соответствует нормальному. Шкала имеет высокую единомоментную надёжность: Альфа Кронбаха = 0,824 (у методики Л.А. Ясюковой она составила 0,319).

У новой Шкалы правосознания выявлены значимые, довольно высокие по абсолютным значениям корреляции с личностными переменными: шкалами методик Л-профиль (Г.Айзенк – К.В.Сугоняев), МЛЮ «Адаптивность» (А.Г.Маклаков, С.В.Чермянин), склонности к аддиктивному поведению различных видов (ОДА-2010 А.В.Смирнова); имеются значимые умеренно выраженные положительные связи с показателями когнитивных качеств (Кольца Ландольта, Числовые ряды, Аналогии и

др.). В сравнении с методикой Л.А. Ясюковой выявляется более сильная отрицательная связь с личностными шкалами «проблемного» оценочного смысла и уровнем склонности к аддикциям.

Полученные результаты позволяют предположить перспективность дальнейшего применения новой «Шкалы правосознания». Сведения о методике опубликованы в ведомственном учебнике (Психодиагностика с сотрудниками..., 2021). Методика номинировалась на премию «Золотая психея» и получила положительные отзывы.

Литература

1. Ведешкин Н.А., Леви М.В. О возможности применения психодиагностических методов изучения правосознания при профессиональном психологическом отборе в органы внутренних дел Российской Федерации // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. 2011. № 4. С. 25–30.
2. Психодиагностика с сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации: учебник / Под общ. ред. О.А. Ульяниной. М.: Проспект, 2022. 512 с.

К вопросу о формировании «Я-образа» сотрудников госавтоинспекции

Ложкина Н.В.

ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел
Российской Федерации»
(г. Москва, Россия)

Анализ результатов научной литературы показывает, что существует множество подходов в изучении «Я-образа» и социально-психологических механизмов его формирования. Личности для формирования «Я-образа» необходимо провести всесторонний анализ и осознать свои внутриличностные процессы, самоидентифицироваться, а также идентифицировать себя в социуме. Безусловно, «Я-образ» способствует полноценному развитию личности и его социализации. Возможность изменений «Я-образа» под влиянием собственного опыта и оценок других способствует регуляции поведения и формированию устойчивого поведенческого типа личности.

«Я-образ» в целом формируется на протяжении всей человеческой жизни, а профессиональный «Я-образ» связан непосредственно с профессиональной деятельностью. Безусловно, процесс его формирования и развития – это непрерывный процесс до тех пор, пока человек включен в эту профессиональную деятельность, поскольку он неразрывно с ней связан.

В свою очередь «Я-образ» сотрудника Госавтоинспекции имеет определенные сущностные отличия от «Я-образа» среднестатистического человека в силу специфики профессиональной деятельности, а в частности – ежедневного контакта с участниками дорожного движения, гражданами, правонарушителями, оценивающими

их личностные и профессиональные качества через призму своих личностных убеждений и общественных стереотипов. Данные оценки граждан в некоторых случаях имеют отрицательную, негативную окраску, тем самым формируя токсичное общественное мнение о деятельности сотрудников Госавтоинспекции.

Мы под «Я-образом» сотрудников Госавтоинспекции понимаем совокупность внутриличностных процессов, способствующих регуляции служебного поведения и нейтрализации негативного влияния общественного мнения. Формирование «Я-образа» сотрудника Госавтоинспекции происходит в четыре этапа и включает в себя внутриличностные социально-психологические механизмы: самоидентификацию, социальную идентификацию, социальную рефлексивность, профессиональную самоидентификацию (Ложкина Н.В., 2022). Все перечисленные внутриличностные механизмы взаимосвязаны и взаимообусловлены, способствуют регуляции служебного поведения и нейтрализации негативного влияния общественного мнения. Каждый выделенный нами механизм вытекает из предыдущего и является в содержательном плане основой для последующего в процессе формирования «Я-образа» сотрудника Госавтоинспекции. Определенные нами механизмы при формировании «Я-образа» сотрудника Госавтоинспекции характеризуется очередностью, последовательностью проходящих внутриличностных процессов. Соблюдение сочетания указанных механизмов при формировании «Я-образа» сотрудника Госавтоинспекции влияет на результат и, как следствие, на качество их служебной деятельности.

Изучение социально-психологических механизмов влияния общественного мнения на формирование «Я-образа» сотрудника Госавтоинспекции не может рассматриваться в отрыве от социально-психологических механизмов формирования «Я-образа» сотрудников Госавтоинспекции в целом. В связи с этим изучение социально-психологических механизмов формирования «Я-образа» сотрудника Госавтоинспекции является первостепенной задачей. А общественное мнение о деятельности сотрудника Госавтоинспекции является основополагающим социально-психологическим фактором, влияющим на формирование «Я-образа» сотрудника Госавтоинспекции (Ложкина Н.В., 2022).

Литература

1. Ложкина Н.В. Особенности формирования «Я-образа» сотрудника Госавтоинспекции МВД России под влиянием общественного мнения // Вестник университета. 2021. No 8. С. 180–184. doi: 10.26425/1816-4277-2021-8-180-184.
2. Ложкина Н.В. Социально-психологические механизмы влияния общественного мнения на формирование «Я-образа» сотрудника Госавтоинспекции: дис. ... канд. психол. наук. М., 2022. 205 с.

Психологические особенности развития профессионального самосознания курсантов через процесс профессионализации

Михайлова С.Ю.

ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»
(г. Москва, Россия)

Актуальность проблемы развития профессионального самосознания упирается в подбор профессии, выбор работы, которая будет соответствовать личностным особенностям сотрудника, которая обеспечит его карьерный рост и материальный достаток. Это всегда было проблемой каждого молодого человека, ведь от данного выбора зависит дальнейшая жизнь человека.

Сегодняшние изменения в образовании говорят о том, что существует острая потребность в работе по сопровождению профориентационной направленности на протяжении всего обучения. Профориентационная направленность включает не только психологические тесты и просветительскую работу, но и целенаправленное формирование образа эффективных действий, воспитание ответственности, самостоятельности при выборе собственных решений в рамках правового поля.

Для роста профессионального самосознания актуальным является формирование определённых физических, психических свойств, которые отвечают требованиям выбранной профессии. Жизненная перспектива предполагает собой иерархическую структуру содержаний, включающих ценностные ориентации. Смыслжизненные и ценностные ориентации – это регуляторы принятия себя, принятие своего «Я» в конфликте с той средой, которая несет элементы «скатывания» в конформность и снижение темпа личностного роста. Именно они представляют собой общую структурно-иерархическую и динамическую концепцию, представленную индивидуальными элементами продуктивно адаптированной личности к среде, которая способствует профессиональному самосознанию человека. Значительную роль для профессионального самоопределения личности курсанта играют мировоззрение, рефлексия и самоанализ человека, моральная сформированность. Факторы, влияющие на профессиональное самоопределение курсантов, очень различны, но в любом случае они способствуют удовлетворению в первую очередь потребностей в самореализации. Методы профессионального самоопределения зависят как от диагностического, так и других направлений, включающих тренинговые программы личностного роста, наблюдение, изучение типажей.

Успешность обучения в вузах МВД России состоит в восхождении по лестнице образования, развитии личностной компетентности, формировании социальной адаптированности. Проводимая с курсантами специализированная модульно-блочная программа моделирования с проработкой решения кейсов по выработанному алгоритму усложнения, включает в себя психологическую диагностику; осознание и принятия своего «Я» - образа; освоение методов психологической саморегуляции способствует повышению уровня профессионально-психологической

подготовленности сотрудников. В это время формируется самосознание, профессиональное самоопределение. Именно поэтому при обучении по выбранной специальности необходимо помочь курсанту сформировать профессиональное самосознание.

Самосознание сотрудника напрямую влияет на его профессиональную успешность, ведь именно посредством него он становится полноценным участником профессиональных отношений, определяет для себя стиль межличностного взаимодействия в профессиональной сфере. Когда полицейский понимает, осознает и принимает свою идентичность, он способен определить свое место в социуме и может усовершенствовать систему своих ценностей и убеждений, с точки зрения адекватности и соответствию требованиям современных социально-экономических условий и требований, диктуемых его профессией. Развитие позитивного отношения к профессии считается значимым условием повышения учебной успеваемости курсантов. В современном обществе немалую значимость представляет успешность человека, которую составляет ряд компонентов, число которых каждый устанавливает для себя сам. Однако одним из главных считается успешность в службе и профессии. В случае если у человека не получается найти дело по душе, работу, которая его удовлетворяет, это приводит к тому, что человек несчастен, подавлен, смысл жизни становится для него размытым и неясным, он не видит будущего, у него нет стабильности в жизни. А из этого, как правило, следует масса трудностей, сопряжённых со здоровьем, в особенности психическим. Всё это приводит к усилению негативных тенденций во взаимоотношениях с близкими людьми и более широким окружением. Если человек осознанно выбирает свою профессию, то он руководствуется своими способностями, склонностями и желаниями, точно определив, что привлекает его в избранной профессии, он может направить свою энергию и силы на проникновение в тот мир, который будет питать ум и чувства.

Низкая удовлетворённость профессией в ходе профессионального обучения вероятнее всего приводит и к её освоению на поверхностном уровне, а это, в свою очередь, порождает психические перегрузки, в том числе и при умеренно интенсивной профессиональной деятельности.

Феноменология профессионального становления сотрудников органов внутренних дел подразумевает раскрытие трудных социально-психологических факторов и элементов выбора личностью профессионального пути, развития отношения к себе как специалисту.

Учет психологических защит в учебно-служебной деятельности курсантов в процессе их профессионализации

Михайлова С.Ю.

ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»

(г. Москва, Россия)

Хомяков А.Е.

ФБУН Государственный научный центр прикладной микробиологии и биотехнологии
(Московская область, пгт. Оболенск, Россия)

Молодые люди, поступившие в вузы МВД, начинают сознательно связывать свою самоидентичность с учебно-служебной деятельностью. Особенностью работы в органах правоохранительной системы является отсутствие строго установленных критериев оценки выполняемой деятельности. У лиц, выполняющих данную деятельность, возникает высокий риск профессиональных деформаций и появления синдрома профессионального выгорания. С большей вероятностью данному феномену подвержены представители социальных профессий, ежедневно взаимодействующие с другими людьми, их профессиональная деятельность невозможна без общения. В учебно-служебной деятельности курсантов в процессе их профессионализации присутствуют свойственные данной профессии высокие требования и эмоциональные нагрузки, особенно, когда курсанты младших курсов обучения начинают стремиться к сепарации, равенству и независимости. Чтобы понять природу психологических защит и учитывать их в учебно-служебной деятельности курсантов в процессе их профессионализации, нужно понять характеристики данного феномена.

При изучении механизмов защиты у курсантов разных лет обучения было замечено, что они обладают двумя общими характеристиками:

- 1) действие на неосознанном уровне, следовательно, являются средствами самообмана;
- 2) искажают, фальсифицируют восприятие реальности, чтобы уменьшить уровень тревоги личности.

Основные механизмы психологической защиты – это подавление (вытеснение), отрицание, компенсация (гиперкомпенсация), регрессия (инфантилизация), реактивные образования, проекция, замещение, рационализация. Данные стратегии защиты лежат на границе сознательного и бессознательного, являясь фильтрами между ними, так обеспечиваются поддержание гомеостаза в организме, защита от избытка отрицательных эмоций и чувств, связанных с ними, защита от резких изменений. Психологическая защита направлена на сохранение стабильности самооценки личности, ее образа «Я» и образа мира, которая достигается устранением из сознания источников конфликтных переживаний или же их трансформацией таким образом, чтобы предупредить возникновение конфликта. Говоря о защитных реакциях курсантов в процессе профессионализации с точки зрения психологии, нельзя упустить из виду и такое понятие как психологическая устойчивость –

способность выносить большие нагрузки и преодолевать усталость, при этом сохранять уверенность в себе. Высоким уровнем стрессоустойчивости обладают самостоятельные и инициативные личности с навыками саморегуляции. Чтобы выработать навыки инициативной личности, необходимо приобрести лидерские качества, отказаться от синдрома «жертвы» и максимально заниматься самоанализом, стремиться к пониманию и принятию себя как профессионала.

За счет механизмов защит курсант может противостоять стрессу, впоследствии выработать для себя способ адаптации к фрустрирующим ситуациям. Помимо положительно окрашенных защитных механизмов в процессе приобретения опыта и роста профессионального самосознания существуют еще и способы саморегуляции, которые наиболее приемлемы и безопасны для их изучения и применения с первого курса обучения. Способы саморегуляции помогают курсантам компенсировать влияние внешнего негативного воздействия, при этом сохранить внутреннюю стабильность на относительно постоянном уровне. В процессе профессионализации во время прохождения практики курсантам необходимо во всех ситуациях профессиональной деятельности не забывать о чувстве ответственности, а также научиться работать при возникновении различных помех и ограничений. Во время работы с личным составом курсантов стараются побудить к применению разнообразных методик саморазвития. В связи с чем следует также уделять особое внимание корректировке самих условий и осуществлению имеющихся возможностей - происходит выработка устойчивости к стрессу внутри учебной группы, чтобы психика курсантов оставалась стабильной, не было острой реакции и отрицательных последствий.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для урегулирования стрессовых факторов в учебно-служебной деятельности курсантов личный состав прибегает к различным способам борьбы со стрессом, включающим и механизмы защит. У каждого курсанта свои предпочитаемые методы психологических защит в зависимости от приобретенного опыта (влияет год обучения, выработанный навык саморефлексии и т.д.), что отражается по-разному на курсантско-слушательском составе и, соответственно, отличаются последствия учета психологических защит курсантов в процессе их профессионализации. Следует дозировать нагрузки, а также повышать квалификацию в своем профессиональном направлении для развития и самосовершенствования, пользоваться техниками позитивного мышления и положительно воспринимать ключевые события жизни.

Психологические особенности восприятия агрессии в профессиональной деятельности следователя

Нестерова Т.С.

ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации»

(г. Санкт-Петербург, Россия)

Научный руководитель – Воронова Ю.В.

Профессиональная деятельность следователя может сопровождаться конфликтным взаимодействием участников уголовного судопроизводства, которое проявляется различными формами агрессии. Влияние агрессии, которая проявляется в адрес следователя, безусловно деструктивно как для профессиональной деятельности, так и для его личности.

Для того, чтобы определить психологические особенности восприятия агрессии в процессе выполнения следователем профессиональных обязанностей, мы провели опрос среди обучающихся 4 и 5 курсов факультета подготовки следователей Санкт-Петербургской академии Следственного комитета (выбор респондентов обусловлен тем, что студенты этих курсов активно привлекаются в качестве общественных помощников следователя).

В ходе опроса нами были получены следующие результаты:

1) Все респонденты указывают на то, что каждый следователь в профессиональной деятельности сталкивается с агрессией в отношении себя со стороны иных участников уголовно судопроизводства;

2) В качестве основной причины проявления агрессии подавляющее число респондентов определяют правовой нигилизм (в основе которого недоверие к правоохранительным органам);

3) Агрессия в основном проявляется вербально, спонтанно;

4) Следователи чаще всего реагируют на агрессию безэмоционально (по мнению респондентов оптимальный способ реагирования), демонстрируют «возврат агрессии».

Проявление агрессии, в том числе, связано с восприятием ситуации как опасной и выступает как реакция защиты от негативных факторов внешнего мира. При наличии низкой правовой культуры и правового нигилизма люди более уязвимы к проявлению агрессии в отношении сотрудников правоохранительных органов (Собольников В.В., 2022). По этой причине следователи часто пытаются объяснить уголовно-правовые нормы, последствия и успокоить агрессора. Респонденты дополнительно отметили использование метода «легальной угрозы» в исключительных случаях - угроза в рамках закона, в случае совершения агрессором противоправных действий. Это способствует переходу агрессора от конфликтной беседы к более спокойной, а также эффективному проведению следственного действия. Например, обвиняемый после выраженной агрессии впоследствии в сдержанном тоне описывает обстоятельства совершенного преступления.

Подверженность к проявлению агрессии участников уголовного судопроизводства в отношении следователей основана также на уголовно-процессуальной особенности. Следователя образно можно охарактеризовать как «буфер» между двумя противостоящими сторонами уголовного судопроизводства, с которыми ему необходимо взаимодействовать для расследования уголовного дела. Следователь получает определенные доказательства в неразрывной связи общения между участниками уголовного судопроизводства, как, например, на допросах

потерпевшего, свидетелей, обвиняемого; проведение очных ставок, участниками которых могут быть потерпевший и обвиняемый и т.д.

Таким образом, содержание и условия следственной деятельности предполагают, в том числе, проявление агрессии со стороны участников уголовного судопроизводства в отношении следователя, который выступает в качестве связующего звена между ними. В связи с чем есть необходимость формирования у будущих и действующих следователей соответствующих профессиональных компетенций, позволяющих не только эффективно разрешать конфликты, но и конструктивно реагировать на агрессию.

Литература

1. Собольников В.В. Криминальная психология: учебник. 2-е изд, пер. и доп. М.: Юрайт, 2022. 379 с.

Связь мыслительных способностей с эффективностью служебно-профессиональной деятельности сотрудников государственной службы

Носс И.Н.

ФГБУ НМИЦПН им. В.П.Сербского;

ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

(г. Москва, Россия)

По мнению Д. Хантера, Ф. Шмидта и К. Марфи, тесты когнитивных способностей показывают чрезвычайно согласованные между собой результаты. Д. Купером и А. Робертсоном подтверждена валидность когнитивных тестов для прогнозирования успешности человека в большинстве сфер профессиональной деятельности. Результаты исследований позволяют констатировать, что, во-первых, в профессиональной психодиагностике активно используются тесты оценки интеллекта (Schmidt F. L., Oh I-S, Shaffer J., 2013). Во-вторых, для профессий существует нижний пороговый уровень развития интеллекта (Дружинин В.Н., 2000). В-третьих, прогностичность тестов интеллекта выше для успешности профессионального обучения, нежели для непосредственной деятельности (Дружинин В.Н., 2000). В-четвертых, в условиях тестирования быстрее распознаются типовые задачи и способы служебных решений (Glaser R., 1987).

С целью проверки гипотезы о связи интеллекта и эффективности профессиональной деятельности нами проведено исследование в 2011, 2016 и 2020 гг. На различных этапах исследования применялись: тест IQ-Айзенка; КОТ, SPM Равена, субтест «Аналогии» IST Амтхауэра, субтест «Словарь» теста Дж.С. Фланагана; ТПА-САД и РАТ С.Медника, коэффициент корреляции Пирсона и t-критерия Стьюдента.

В исследовании 2011 г. участвовали руководители государственных организаций в количестве 65 человек. Дисперсионный анализ позволил выявить статистически значимые различия между показателями психологических методик

полярных по критерию успешности профессиональной когорт. Выявлены статистически значимые ($p \leq 0,05$) различия показателей тестов продуктивности когнитивных функций. Анализ показателей скорости и точности мыслительных операций отразил эквивалентность выборок, причем у неэффективных специалистов наблюдались более высокие значения скорости мышления, что предполагает влияние торопливости, суеты и некоторого «застревания» на деталях в процессе выполнения умственных действий на результативность труда.

В рамках исследования 2016 г. обследовано 6758 сотрудников государственной службы. Выявлена значимая связь тестов интеллекта с экспертной оценкой служебно-профессиональной деятельности сотрудников. Дисперсионный анализ показал кардинальные различия значений тестов когнитивных функций ($p \leq 0,05$) между эффективными и неэффективными специалистами. Отсутствие статистически значимых различий по скорости и точности решения задач подтверждает выводы 2011 г., констатируя, что скорость, суетливость и педантичность приводят к снижению общей результативности.

В исследовании 2020 г. участвовали 224 сотрудника правоохранительных органов из четырех регионов РФ. Корреляционный анализ позволил выявить отсутствие значимых связей по параметрам скорости и точности мыслительных функций, а также обратную связь показателей успешности деятельности, логико-смысловых функций и креативности мышления сотрудников. При помощи дисперсионного анализа определены значимые соотношения между эффективностью служебно-профессиональной деятельности и показателями продуктивности мышления, а также статистически значимые ($p \leq 0,05$) различия показателей тестов в области логико-смысловой активности и креативной составляющей при росте их значений у неэффективных специалистов.

Таким образом, информационные источники и результаты наших экспериментальных данных в целом подтверждают основную гипотезу о том, что когнитивные способности определяют успешность профессионализации персонала и эффективность его служебной деятельности.

Литература

1. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. 3-е изд. М.: Питер, 2000. 358 с.
2. Schmidt F.L., Oh I-S., Shaffer J. The Validity and Utility of Selection Methods in Personnel Psychology: Practical and Theoretical Implications of 95 Years of Research Findings. Presentation at the PTC/MW seminar on November 6, 2013.

Психологические особенности сотрудников силовых структур, обеспечивающие эффективное осуществление профессиональной деятельности

Проничева М.М., Булыгина В.Г.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России
(г. Москва, Россия)

Особую актуальность приобретает проблема психической устойчивости специалистов опасного профиля, чья профессиональная деятельность сопряжена с риском для жизни и здоровья, сочетанием ненормированного рабочего дня, строгой регламентированностью, напряженными условиями труда и высоким уровнем стресса (Дубинский А.А., Кабанова Т.Н., Булыгина В.Г., 2021; Васильченко А.С., Проничева М.М., Костина Е.В., 2022). Задача сохранения профессиональной надежности в экстремальных ситуациях выводит на первый план способность сотрудника к быстрой адаптации к опасным условиям, нервно-психическую устойчивость, высокий уровень саморегуляции деятельности и эмоционального состояния, возможность принятия оптимальных решений. Таким образом, представляется важным изучение психологических особенностей специалистов опасного профиля, обеспечивающих эффективное осуществление профессиональной деятельности.

Обследование 170 сотрудников силовых структур (средний возраст – $35,0 \pm 14,5$ года) позволило выделить особенности процесса саморегуляции и взаимосвязи ее составляющих с индивидуально-типологическими характеристиками; специфичные для профессионального стажа психологические особенности специалистов; специфический для представителей силовых структур стиль саморегуляции поведения, обеспечивающий эффективное и надежное выполнение профессиональной деятельности.

Сотрудников силовых структур характеризуют высокие показатели процессов систем торможения поведения на фоне средних показателей процессов систем активации поведения. У них наиболее развиты представления о внешних и внутренних условиях, а также оценка себя и результатов своего поведения. При этом отмечаются относительно низкие показатели шкалы самостоятельности, что на поведенческом уровне проявляется в виде ригидности программы деятельности и импульсивности. В структуре самоконтроля отмечается предпочтение физической активности и импульсивности.

Были выявлены существенные различия в возрастной специфике нарушений адаптации между сотрудниками с малым и большим стажем работы. С увеличением профессионального стажа происходит снижение адаптационного ресурса более чем у половины специалистов (60%). На первый план выступает ригидность процесса регуляции поведения, низкое стремление к достижению целей, высокая эмоциональная неустойчивость и ситуативная тревожность, избегание социальных контактов вследствие высокой чувствительности к коммуникативным проблемам. Психомоторные особенности заключаются в низкой физической выносливости и

пассивности, двигательной ригидности. В когнитивной сфере выявляется ригидность мышления, низкий темп интеллектуальных процессов.

Характеристиками специфического для представителей силовых структур стиля саморегуляции поведения являются высокий общий уровень саморегуляции с наиболее развитыми способностями к целеполаганию и моделированию значимых условий деятельности. Сотрудников с данным стилем саморегуляции поведения отличает стеничность, высокий уровень адаптивности и общей активности, меньшая чувствительность к воздействию стрессоров.

В заключение следует отметить, что полученные результаты позволят разработать комплекс клинико-психологических методов диагностики механизмов адаптации к жизнеугрожающим ситуациям у представителей опасных профессий.

Литература

1. Васильченко А.С., Проницева М.М., Костина Е.В. Возрастная специфика саморегуляции у сотрудников ФСИН // Психология и право. 2022. Том 12. No 1. С. 77–90. doi: 10.17759/psylaw.2022120107.
2. Дубинский А.А., Кабанова Т.Н., Булыгина В.Г. Психологические корреляты адаптивности у сотрудников ФСИН России с различным стажем профессиональной деятельности // Вестник психотерапии. 2021. No 78(83). С. 108–126.

Особенности формирования вопросов в разных ситуациях полиграфной проверки у сотрудников органов внутренних дел

Русецкая Д.В.

ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»

(г. Москва, Россия)

В условиях всеобъемлющей информатизации общества применение полиграфа для решения ряда задач как правоохранительных органов в сфере защиты интересов общества и государства, так и предприятий и организаций всех форм собственности в кадровых вопросах, сохранении коммерческой тайны и обеспечении безопасности обрабатываемых персональных данных сохраняет свою актуальность. Такие отрасли человеческих знаний, как психология и программирование прикладного программного обеспечения в последние десятилетия переживают бурный рост, обеспечивая развитие комплекса психо-физиологических методик и программных алгоритмов. Вместе с тем, специалисты-полиграфологи все чаще сталкиваются с попытками в той или иной форме умышленного противодействия со стороны опрашиваемых, что заставляет постоянно переосмысливать существующую практику применения полиграфа, обеспечивая необходимую степень достоверности результатов проверки. Понимание типов вопросов и особенностей их формулирования в

различных ситуациях полиграфной проверки предоставляют специалисту возможность качественного и гибкого проведения полиграфной проверки.

Гипотеза исследования заключается в том, что избежанию ошибки «ложной тревоги» (ошибка первого рода) при принятии решения о результатах специального психофизиологического исследования способствует использование в проверочных вопросах такой формулировки, как «Вы лично...».

В целях оптимизации хода скринингового исследования были выделены факторы риска, указанные в Правилах профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, подлежащий выявлению (В, Е, Ж, З).

Процедура исследования включала в себя следующие этапы: подготовительный этап, предыспытательный этап, этап тестирования, заключительное собеседование, окончательная обработка и анализ результатов.

В целях выявления признаков указанных факторов риска средствами базовых методик были составлены вопросники, включающие в себя следующий порядок тестов: 1. Фон; 2. САТ; 3. Многотемный скрининг. С первой группой испытуемых проводился МС с привычной формулировкой проверочного вопроса «Когда-либо Вы...?», со второй группой – с формулировкой «Вы лично...?».

Проанализировав полученные данные в обеих группах, можно сделать вывод: у испытуемых первой группы выявлены выраженные физиологические реакции на вспомогательные вопросы, превышающие реакции на проверочные вопросы. Данные, полученные при автоматической оценке, свидетельствуют о том, что испытуемые давали правдивые ответы на проверочные вопросы теста, факторы риска не обнаружены. Во второй группе у всех испытуемых выявлены устойчивые реакции на проверочные вопросы, у одного испытуемого установлен фактор риска.

Анализируя средние значения по факторам риска между двумя группами, можно сказать, что изменение в формулировке проверочного вопроса, которое повысило степень осознания испытуемым возможного проявления им асоциального поведения, привело к усилению выраженности проверочного вопроса.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что формулирование проверочных вопросов как «Вы лично...», по сравнению с «Когда-либо Вы...» способствует усилению физиологических реакций у причастных (виновных) обследуемых. Мы предполагаем, что такая закономерность поможет полиграфологу избежать ошибку «ложной тревоги» при принятии решения о проверке на полиграфе, так как у причастных (виновных) обследуемых реакции будут повышаться на предъявляемый стимул, а у не причастных (невиновных) наоборот ослабевать.

Влияние интеллектуальной лабильности на межличностную аттракцию сотрудников ОВД

Ручкина Ю.И., Косыгина С.В.

ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»
(г. Москва, Россия)

Побуждение к личностному росту ведет к полноценному и разностороннему развитию личности, помогает с большей легкостью адаптироваться в социуме. Развитие интеллектуальной лабильности необходимо для максимального достижения успеха в какой-либо профессии.

Интеллектуальная лабильность — это умение человека разъяснять личные идеи и чувства окружающих для того, чтобы применять приобретенную информацию с целью осуществления личных целей (Кикачев В., 2004).

Интеллектуальная лабильность необходима для определения профессиональной пригодности к служебной деятельности. Она играет важную роль в анализе поступающей информации, задач и приказов, которые нужно быстро распределять на более и менее важные (Дружинина С. В., 2016).

Дж. Майер и П. Саловой выделили четыре составляющие интеллектуальной лабильности: 1) идентификация логического мышления; 2) руководство чувствами; 3) стрессоустойчивость и 4) положительный настрой (Саловой П., Майер Дж.Д., 1990).

Любая вышеперечисленная составляющая включает в себя когнитивные возможности, которые помогают не только в умственной деятельности, но и в умении понимать чувства других людей. Так как интеллектуальная лабильность помогает выстроить положительное взаимодействие в служебном коллективе, она тесно связана с аттракцией.

В современной психологии выделяется 5 основных приемов аттракции: «Имя собственное», «Зеркало отношений», «Золотые слова», «Терпеливый слушатель», «Личная жизнь».

Основные задачи исследования: определить уровень интеллектуальной лабильности у курсантов и провести корреляционный анализ с уровнем аттракции; прогнозировать успешность в установлении межличностных отношений в профессиональном коллективе.

Нами было проведено исследование, акцентирующее внимание на том, каким образом влияет интеллектуальная лабильность на межличностную аттракцию сотрудников органов внутренних дел. Испытуемым была предложена психодиагностическая методика Козловой В.Т. «Интеллектуальная лабильность» (Касьянов С., 2006) и авторский опросник приемов аттракции.

По результатам исследования 7% респондентов имеют высокий уровень интеллектуальной лабильности, что свидетельствует об их умении быстро адаптироваться в служебном коллективе, выстраивать взаимоотношения для продуктивной деятельности. Данные респонденты (13%), исходя из опроса, используют более сложные приемы межличностной аттракции, такие как: «Личная

жизнь» и «Терпеливый слушатель», что подтверждает их умение легко и быстро распознавать чувства других людей.

60% респондентов имеют средний уровень интеллектуальной лабильности, это свидетельствует о том, что они так же способны адаптироваться в коллективе, правильно выстраивать отношения с другими. 46% респондентов, входящих в эту группу уровня интеллектуальной лабильности, используют более сложные по построению приемы межличностной аттракции, чем первая группа респондентов аттракции: «Золотые слова» и «Зеркало отношений»

Примечательно, что 33% респондентов, имеющие низкую интеллектуальную лабильность, используют более «легкий» по построению и использованию прием межличностной аттракции «Имя собственное» (выбрали как самый часто используемый прием 41% респондентов). Это связано с тем, что респондентам требуется больше времени для понимания эмоций и поведения других людей. Такой выбор способствует успешной адаптации и установлению межличностных отношений.

Литература

1. Дружинина С.В. Соотношение интеллектуальных способностей и креативности в структуре интеллекта // Акмеология. 2016. No 1(57). С. 89–93.
2. Кикачев В. В лабиринте эмоционального интеллекта [Электронный ресурс] // Отдел кадров. 2004. No 8(43). URL: <https://otdelkadrov.by/number/2004/8/414/?ysclid=la0qmma45h264862713> (дата обращения: 02.10.2022).
3. Психологические тесты / Сост. С. Касьянов. М.: Эксмо, 2006. 606 с.
4. Salovey P., Mayer J.D. Emotional Intelligence // Imagination, Cognition and Personality. 1990. Vol. 9. No 3. P. 185–211. doi: 10.2190/DUGG-P24E-52WK-6CDG.

Развитие эмоционального интеллекта курсантов – будущих сотрудников УИС как психолого-педагогическая проблема

Свина Е.С., Черемисова И.В.
ФКОУ ВО «Академия ФСИН России»
(г. Рязань, Россия)

Жизненный путь человека – от появления на свет до его завершения есть процесс последовательного осознания человеком своей отдельности и переживание этой отдельности (Реан А.А., 2002). Жизненный путь человека тесно связан с профессиональным развитием и самоопределением, которые, в свою очередь, определяют дальнейший профессиональный путь человека.

Профессиональный путь – значительный отрезок личной истории, сопряженный с профессиональной деятельностью, разворачивающийся в

определенных социокультурных и исторических условиях, состоящий из сменяющихся этапов (Лебедева Л.В., 2008).

Д. Сьюпер определял следующие этапы профессионального пути: этап роста, этап исследования, этап упрочения карьеры, этап сохранения достигнутого, этап спада (Super D.E., 1957).

На каждом из этапов, как и на этапах возрастных изменений, происходят качественные и количественные изменения в структуре человеческой деятельности.

Наше исследование обращает особое внимание на такой этап профессионального развития, как «этап исследования», соответствующий юношескому возрасту возрастной периодизации человека. Именно в этот период происходит множество качественных изменений личности, на которые накладываются активные попытки определения своей будущей. И к завершению этого этапа подбираются профессии, которые потом осваиваются будущими специалистами.

Существует множество факторов, влияющих на успешность человека в его профессиональной деятельности, такие как характерологические особенности личности, личностные черты и свойства индивида. К одним из важнейших можно отнести эмоциональный интеллект.

Именно в период получения высшего образования, когда происходит окончательное становление эмоциональной сферы, развитие параметров эмоционального интеллекта может стать индикатором успешности сначала учебной, затем профессиональной деятельности. Предположение о том, что курсанты, имеющие высокий эмоциональный интеллект, более успешны в учебно-профессиональной деятельности, выступает в качестве гипотезы нашего исследования.

Эмоциональный интеллект – это прежде всего умение дифференцировать эмоции, осознавать намерения, мотивацию и желание других, способность управлять своими эмоциями и эмоциями других людей в целях решения практических задач (Кочетова Ю.А., 2015).

В исследовании Ю.А. Кочетовой, посвященном структуре эмоционального интеллекта в юношеском возрасте, обращается внимание на то, что развитие эмоционального интеллекта в юношеском возрасте находится на среднем уровне, что свидетельствует об умении дифференцировать свои и чужие эмоции, а также об имеющихся трудностях при контроле поведения (Кочетова Ю.А., 2015).

Служба в уголовно-исполнительной системе (УИС) предполагает набор навыков, индивидуально-личностных характеристик и свойств, подразумевающих успешное выполнение поставленных задач. Компетентный специалист должен быть адаптивным, стрессоустойчивым, уметь регулировать свое поведение, принимать решения в экстремальной ситуации, эмоционально и физически выносливым. Отсутствие данных качеств способно подорвать авторитет сотрудника у осужденных, что непременно приведет к нарушению закона в стенах исправительного учреждения.

Таким образом, становление сотрудника УИС начинается с поступления в образовательные организации ФСИН России, где, учитывая специфику возрастного этапа, наиболее эффективно развиваются личностные характеристики курсанта и профессионально-значимые качества. Развитие эмоционального интеллекта, его компонентов, таких как самопознание, саморегуляция, мотивация, эмпатия, социальные навыки, позволяет не только прогнозировать степень успешности будущего специалиста в своей области, но и повысить этот уровень на этапе получения высшего образования, что делает развитие эмоционального интеллекта необходимым компонентом успешности в учебно-образовательной деятельности курсантов – будущих сотрудников УИС.

Литература

1. Кочетова Ю.А. Структура эмоционального интеллекта в юношеском возрасте // Горизонты зрелости: Сборник тезисов участников Пятой всероссийской научно-практической конференции по психологии развития / Ред.-сост.: Л.Ф. Обухова, И.В. Шаповаленко, М.А. Одинцова. М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2015. С. 56–63.
2. Лебедева Л.В. Философские исследования: исследование автобиографического опыта профессионального и жизненного пути человека [Электронный ресурс] // Образование и наука. 2008. № 3(51). С. 91–96. URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/33055/1/edscience_2008_03_013.pdf (дата обращения: 17.10.2022).
3. Реан А.А. Психология человека от рождения до смерти. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. 656 с.
4. Super D.E. The psychology of career. New York: Harper & Brothers, 1957. 400 с.

Интервизия как способ профилактики профессионального выгорания психологов органов внутренних дел

Сиворонова М.С.

ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»
(г. Москва, Россия)

Современные условия жизнедеятельности оказывают большое влияние на сотрудников органов внутренних дел, в т.ч. психологов. Ведь их профессиональная деятельность непосредственно связана с людьми, которые сталкиваются с неудовлетворенностью в жизни и профессии, тяжёлыми жизненными и ситуациями и др. Это негативно влияет не только на психоэмоциональное состояние, мировоззрение, личностные характеристики специалиста, но и на результативность его работы (Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С., 2005). Постоянное воздействие данных факторов на психологов органов внутренних дел может вызывать развитие у

них профессионального выгорания. В этой связи актуализируется роль интервизии, как одного из способов профилактики указанного феномена.

Интервизия как способ развития и профилактики появилась в 80-х гг. прошлого века (Дилтс Р., 2003). В настоящее время изучением данного способа занимаются такие ученые, такие как: Е.В. Бахадова, А. Гиршон, Р. Дилтс, Е.Э. Кригер, Ю. Морозова, Ф. Траутманн и др.

В современной трактовке интервизия представляет собой метод работы в группе равных по уровню специалистов, осуществляемый ведущим интервизии (Траутманн Ф., 2011) и предполагает взаимную консультацию, направленную на расширение знаний, улучшение навыков, увеличение эффективности работы специалистов, в т.ч. решение вопросов, связанных с психоэмоциональным истощением и выгоранием.

На сегодняшний день существуют разнообразные формы интервизии (мономодальная, полимодальная и др.), которые отличаются качественным составом интервизируемых групп (мономодальная интервизия предполагает, что в группе могут быть представители только одной школы, полимодальная – разных школ (Лях И.В., 2014). Но каждая форма требует выполнения определенных условий: 1) соблюдения этических норм и правил психологической работы (конфиденциальности, открытости, правило «стоп» и др.), 2) последовательное выполнение каждого этапа интервизии (выбор ведущего, интервизируемого случая, выбор уровня интервизии, «круг вопросов», «круг высказываний», «обратная связь»), 3) ведение дневника интервизии (Чеховская О.С., 2014).

Примерный план организации групп интервизии в подразделениях морально-психологического обеспечения МВД России:

- тематика – «Обсуждение случаев из практики работы специалистов ...»,
- количество участников – до 10 человек,
- продолжительность – 1-1,5 часа,
- частота встреч: по запросу / один раз в две недели,
- количество случаев для обсуждения – 3-4 (время для обсуждения одного случая – 20 минут).

Таким образом, интервизия может считаться эффективной формой профилактики профессионального выгорания, наряду с другими методами и способами, которые будут рассмотрены нами в рамках проводимого диссертационного исследования.

Литература

1. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания диагностика и профилактика. СПб: Питер, 2005. 336 с.
2. Дилтс Р. НЛП: управление креативностью. СПб: Питер, 2003. 416 с.
3. Кригер Е.Э., Бахадова Е.В. Группы интервизии для помогающих практиков, использующих системно-феноменологический подход // Вестник РГГУ. Серия

- «Психология. Педагогика. Образование». 2020. No 1. С. 40–53. doi: 10.28995/2073-6398-2020-1-40-53.
4. Лях И.В. Полимодальная супервизия: практика для практиков [Электронный ресурс] // Ассоциация супервизоров и консультантов. URL: <https://www.supervis.ru/content/149403182-lyah-ivpolimodalnaya-superviziya-praktika-dlya-praktikov> (дата обращения: 03.10.2022).
 5. Морозова Ю., Гиршон А. Руководство по интервизии в интегративной танцевально-двигательной терапии [Электронный ресурс] // Методические материалы обучающей программы по интегративной танцевально-двигательной терапии. URL: <http://idmt.girshon.ru/intervision.doc> (дата обращения: 03.10.2022).
 6. Траутманн Ф. Руководство по проведению интервизии // Проектное бюро в балтийских странах. 2010. 17 с.
 7. Чеховская О.С. Размышление о процессе интервизии, или путь к супервизорству [Электронный ресурс] // Ассоциация супервизоров и консультантов. URL: <https://supervis.ru/content/699085538-chehovskaya-os-razmyshlenie-o-processe-intervizii-ili-put-k-supervisorstvu> (дата обращения: 03.10.2022).

Формирование эмоционального интеллекта при подготовке работников судебной системы

Федорова Е.М.

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
(г. Москва, Россия)

В процессе подготовки кадров для судебной системы встает задача не только освоения обучающимися специальных знаний, но и развития профессионально важных личностных качеств. Особенности деятельности работников судебной системы предъявляют специфические профессиональные требования к психологическим качествам будущих специалистов, и в этом контексте все более актуальным становится формирование качеств, относящихся к области эмоционального интеллекта.

Выделяют пять компонентов эмоционального интеллекта: способность к самоанализу, адекватной оценке собственных способностей; самоуправление – способность контролировать свои эмоции; социальные навыки; эмпатия – способность понимать чувства других людей, умение ставить себя на их место; мотивация – умение использовать в социальных взаимодействиях свои склонности и предпочтения. Развитый эмоциональный интеллект – важное качество личности, помогающее разрешать напряженные ситуации, налаживать благоприятный психологический климат в социальных и профессиональных группах (Бовин, Б.Г., Федорова Е.М., 2019; Гоулман Д., 2017; Мартыненко И.А., Карандашева Н.Н., 2021 и др.).

В феврале-марте 2020 года нами было проведено исследование уровня эмоционального интеллекта судебных приставов, в котором участвовали 86 респондентов – сотрудников ГУ ФССП России по г. Москве в возрасте от 25 до 50 лет. Были использованы СМИЛ, тест эмоционального интеллекта Д.В. Люсина (ЭМИн), тест Басса-Дарки в модификации Г. Резапкиной, проективные методики. Результаты анализа данных показали, что из 86 респондентов более 50% продемонстрировали низкое и среднее значения по следующим шкалам: 1) понимание чужих эмоций (МП): очень низкое и низкое значение – 32,1%, среднее – 45,2%, высокое и очень высокое – 22,7%; 2) понимание своих эмоций (ВП): очень низкое и низкое – 16,5%, среднее – 57,1%, высокое и очень высокое – 26,4%; 3) управление своими эмоциями (ВУ): очень низкое и низкое – 25,8%, среднее – 46,7%, высокое и очень высокое – 27,5%; 4) контроль экспрессии (ВЭ): очень низкое и низкое – 27,7%, среднее – 53,1%, высокое и очень высокое – 19,2%; 5) общий уровень эмоционального интеллекта: очень низкое и низкое – 28,2%, среднее – 46,2%, высокое и очень высокое – 25,6%.

Результаты данного исследования подчеркивают назревшую необходимость как более глубоких научных исследований в области эмоционального интеллекта работников судебной системы, так и целенаправленного развития данных качеств в процессе профессионального образования.

Литература

1. Бовин Б.Г., Федорова Е.М. Психодиагностика психологической готовности кандидатов к управленческой деятельности в исправительных учреждениях // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2019. Том 16. No 3. С. 416–434.
2. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. 5-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 544 с.
3. Мартыненко И.А., Карандашева Н.Н. Влияние уровня эмоционального интеллекта на образовательную и профессиональную деятельность юриста в современных условиях // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2021. Том 11. No 2. С. 123–133.

Особенности совладания с трудными жизненными ситуациями студентов и курсантов

Хачатурян К.С., Коноплева И.Н.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

На современном этапе трансформирования социальной структуры российского общества происходящие в нем преобразовательные процессы характеризуются

неоднозначными результатами: как улучшением условий жизни людей, так и усугублением тех эффектов, которые усложняют их жизнь, общение, деятельность. Современные условия жизни человека, ускоряющийся ритм жизни, социальная, экономическая и политическая нестабильность – все это способствует стрессовому напряжению. Постоянное действие различных факторов способствует снижению чувства защищенности и безопасности, негативно сказывается на качестве жизни каждого человека. Длительный, превышающий адаптационные возможности человека стресс снижает эффективность осуществления деятельности человека.

Изменение образа жизни молодых людей, поступающих в высшее учебное заведение, необходимость справляться с вызовами самостоятельной взрослой жизни порождает у них чувство неопределенности. Сложность учебного процесса, дефицит времени также способствуют формированию дезадаптационных тенденций. Справляться с жизненными сложностями и стрессом позволяют стратегии совладающего поведения. Студенческий возраст может считаться одним из наиболее благоприятных периодов для формирования стратегий преодоления трудных ситуаций, так как именно они позволяют справляться с жизненными трудностями, позволяют повысить уровень физического и психического здоровья при преодолении кризисов в процессе становления и реализации себя как специалиста в профессиональной деятельности.

Целью нашего исследования было определить особенности совладания с трудными жизненными ситуациями студентов и курсантов вуза МВД России.

Объект исследования – совладание с трудными жизненными ситуациями. Предмет исследования – особенности совладания с трудными жизненными ситуациями студентов и курсантов.

В исследовании приняли участие студенты гуманитарного профиля и курсанты вуза МВД России, а именно: 20 студентов мужского пола и 20 курсантов мужского пола в возрасте от 20 до 22 лет. Все участники исследования на момент поступления в образовательное учреждение имеют преимущественно среднее общее образование, а также не находятся в официальных семейных отношениях.

Специфической особенностью курсантов выступает получение профильного правоохранительного образования, предполагающего особые условия организации учебно-воспитательной деятельности, повышенный уровень физической подготовки, а также особые требования дисциплинарного плана.

При проведении исследования были использованы: опросник способа совладания (WCQ, С. Фолкман, Р. Лазарус, адапт. Е.В. Битюцкой); ситуационный опросник «Типы ориентаций в трудной ситуации» (Е.В. Битюцкая, А.А. Корнеев); методика «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций», С. Хобфолла в адаптации Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой.

Результаты сравнительного анализа с использованием опросника способов совладания позволили констатировать более высокие значения копингов «Планомерное решение проблемы», «Противостояния», а также «Самоконтроля» в

группе курсантов по сравнению с участниками группы студентов (различия значимы на уровне $p < 0,01$).

Для курсантов характерным является более высокий уровень выраженности типов ориентации «драйв», «ориентации на сигналы угрозы», «ориентации на возможности», тогда как для студентов характерным является достоверно более высокий уровень выраженности типов ориентации «избегание», а также «бездействие» ($p < 0,01$).

Для курсантов характерным является достоверно более высокие значения проявления таких стратегий преодоления стрессовых ситуаций, как «ассертивные действия», а также «вступление в социальный контакт». Для студентов характерным является достоверно более высокий уровень выраженности стратегии импульсивных действий ($p < 0,01$).

Обобщая результаты исследования, мы пришли к выводу, что существуют особенности совладания с трудными жизненными ситуациями студентов и курсантов, в частности, для курсантов характерна большая ориентированность на планомерное решение проблемы, на противостояние проблемам, тогда как для студентов характерным является большая ориентированность на уход и избегание ($p < 0,01$).

Копинг-стратегии курсантов с разной самооценкой

Шидукова Э.А., Коноплева И.Н.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Анализ зарубежной и отечественной литературы по проблеме стресса в контексте копинг-стратегий имеет недостаточную теоретическую базу для помощи в формировании конструктивных копинг-стратегий у курсантов правоохранительных органов. Теоретический обзор особенностей профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов показал, что крайне важно наличие конструктивных копинг-стратегий и копинг-ресурсов для успешного преодоления стрессовых ситуаций, являющихся нормой в данном виде деятельности, а также для профилактики и предотвращения фрустрации, эмоционального напряжения, профессиональной деформации, которые напрямую влияют на успешность правоохранительной деятельности.

Предметом нашего исследования выступают особенности копинг-стратегий и самооценки у курсантов правоохранительных органов.

В исследовании использованы:

- Опросник «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» («Strategic Approach to Coping Scale (SACS)» С. Хобфолл (1994)
- Опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса (1988) в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой.
- Опросник самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантеев)

Первичная обработка данных осуществлялась с помощью программы для работы с данными Excel, а математико-статистический анализ с помощью программы IBM SPSS Statistics 21, применялись коэффициент ранговой корреляции Спирмена и критерий согласия Колмогорова-Смирнова.

В исследовании приняли участие 46 курсантов правоохранительных органов, 18 девушек и 28 юношей в возрасте от 20 до 25 лет: 20 лет – 9 человек (19,6%), 21 год – 29 человек (63%), 22 года – 7 человек (15,2%), 25 лет – 1 человек (2,2 %). Испытуемые обучаются на следующих направлениях: административная деятельность, дознание в ОВД, МВД, правовое обеспечение национальной безопасности, правоохранительная деятельность, предварительное следствие, юриспруденция.

В ходе эмпирического исследования установлено, что конструктивные копинг-стратегии имеют прямую связь с высокой самооценкой и обратную связь с низкой самооценки.

Анализ результатов показал, что каждая конструктивная копинг-стратегия, а именно поиск социальной поддержки (0,417**), планирование решения проблемы (0,425**), положительная переоценка (0,466*) имеет прямую связь с самоуверенностью, ассертивные действия имеют обратную связь с самообвинением (-0,413*). Неконструктивные копинг стратегии, а именно, агрессивные действия (-0,512**), конфронтация (-0,458**), дистанцирование (-0,516**), самоконтроль (-0,504**), имеют обратную связь с самоуважением и прямую связь со шкалой самообвинения (0,429**).

Таким образом, гипотеза о том, что курсанты с высокой самооценкой используют преимущественно конструктивные копинг-стратегии, а курсанты с низкой самооценкой - преимущественно неконструктивные копинг-стратегии, подтверждается. Конструктивные копинг-стратегии имеют прямую связь исключительно с шкалами, говорящими о наличии высокой самооценки, и обратную связь с шкалами, говорящими о наличии низкой самооценки. Неконструктивные копинг-стратегии имеют прямую связь с шкалами, говорящими о наличии низкой самооценки, и обратную связь с шкалами, говорящими о наличии высокой самооценки.

Данные, полученные в результате исследования, могут быть использованы для дальнейших теоретических исследований по данной теме, при составлении и разработке программ по профилактике и коррекции профессиональной деформации, усовершенствовании индивидуальной психологической помощи сотрудникам правоохранительных органов.

Связь индивидуально-психологических особенностей представителей администрации сообществ в социальных сетях и регламентации в них норм

Агафонов Л.Н.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Богданович Н.В.

Психологические исследования виртуальной среды всё больше становятся предметом современной науки. Для проведенного исследования был выбран вектор исследования регламентации норм, т. к. виртуальная среда из-за её технических особенностей дает возможность открыто и четко регулировать процесс общения внутри сообщества, а исследований, посвященных этой тематике, крайне мало, чем и обусловлена актуальность данного исследования.

Целью данного исследования стало выявление связи индивидуально-психологических особенностей представителей администрации сообществ в социальных сетях и регламентации в них норм.

Нами была выдвинута следующая гипотеза: существует связь между индивидуально-психологическими особенностями (характером, темпераментом и способностями) представителей администрации сообществ в социальных сетях и типом регламентации в них норм;

Для проверки гипотез были использованы следующие методы исследования: диагностическое тестирование, анкетирование, контент-анализ.

Эмпирическое исследование проводилось через социальную сеть «ВКонтакте». В нем приняли участие 49 администраторов различных сообществ в возрасте от 16 до 38 лет (14 представительниц женского и 35 представителей мужского полов).

На первом этапе проводился контент-анализ правил сообществ, что позволило определить тип регламентации, который в свою очередь ориентируется на определенные стили лидерства: либеральный, авторитарный и демократический. Так, удалось выделить 18 сообществ с либеральным, 21 сообщество с авторитарным и 10 сообществ с демократическим типом регламентации норм.

На втором этапе для проведения эмпирического исследования использован следующий психодиагностический материал: анкета для сбора данных о респонденте, «Опросник формально-динамических свойств индивидуальности» (ОФДСИ) (Русалов В.М., 2019).

Для статистической обработки данных в исследовании был использован программный пакет IBM SPSS ver. 23.0. При определении значимости связей между исследуемыми свойствами применялся критерий согласия χ^2 Пирсона.

В качестве теоретической основы исследования была взята модель индивидуальности С. Л. Рубинштейна для выделения основных индивидуально-психологических особенностей (Рубинштейн, С. Л. 2022).

Согласно полученным результатам по методике «ОФДСИ» среднее арифметическое показателей респондентов по большинству шкал соответствует средним значениям по ключу методики (от 26 до 34 баллов).

На основе результатов исследования можно сделать следующие выводы:

У администраторов сообществ с более системной регламентацией норм интеллектуальные процессы будут более вязкими, шаблонными и ригидными. И наоборот, для администраторов сообществ, у которых отсутствует четкая регламентация или система санкций, интеллектуальные процессы будут более гибкими, разнообразными по форме и творчески ориентированными ($\chi^2 = -0,292$; $p = 0,042$). Однако из-за очень слабой корреляции рассматривать данные особенности можно только как тенденции.

Полученные выводы можно проинтерпретировать следующим заключением: чем сложнее регламентация норм в сообществе, тем менее пластичны и гибки интеллектуальные процессы представителей администрации этих сообществ, т. е. есть тенденция к более стереотипному и шаблонному подходу к решению абстрактных задач. Стереотипность здесь выступает как синоним ригидности, которая выступает противоположностью пластичности (Русалов, В. М. 2019).

Таким образом, первая гипотеза подтвердилась частично.

Литература

1. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: учебное пособие. СПб.: Питер, 2022. 720 с.
2. Русалов В.М. Темперамент в структуре индивидуальности человека: дифференциально-психофизиологические и психологические исследования. М.: Институт психологии РАН, 2019. 528 с.

Активизация деятельности кибермошенников и актуализация проблемы информационной защиты граждан в условиях пандемии

Андрианов М.С.

НИИ ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»

(г. Москва, Россия)

Одним из важнейших факторов нового десятилетия XXI века, оказавшим влияние на современную социальную реальность, стала пандемия коронавирусной инфекции. Вызванные ей глобальные потрясения привели к серьезным, трудно прогнозируемым или даже непредсказуемым социальным последствиям, неизбежно повлияли на все сферы жизнедеятельности, в том числе и на социально-правовую (Скотникова И.Г. и др., 2020).

Наиболее значимо фактор пандемии сказался на проблеме информационной защиты граждан, которые оказались вынуждены проводить больше времени в виртуальном пространстве, при этом резко возросло число преступлений, совершенных с помощью компьютерных технологий и современных средств связи. Российские пользователи стали чаще оплачивать товары или услуги в интернете, но многие при этом испытывали серьезные опасения в безопасности онлайн-платежей. Среди самых часто используемых мошенниками приемов – предложения банковских услуг, банковские карты, кредитование, а также информация о выигрыше призов и медицинские услуги. Кроме того, с началом пандемии выросло количество мошеннических сайтов в кредитно-финансовой сфере, которые эксплуатируют тему коронавируса и последствий эпидемии, а также актуальную информационную повестку (выплаты пенсионерам, QR-коды для вакцинированных и т.п.).

Нельзя не отметить, что часть ответственности за ухудшение обстановки с информационной безопасностью лежит и на рядовых интернет-пользователях. Грамотность большинства россиян в сфере высоких технологий, их правовая компетентность и культура поведения в виртуальном пространстве остаются на довольно низком уровне. Характерно, что пострадавшие от злоумышленников, использующих методы социальной инженерии для кражи денег со счетов, как правило, редко обращаются в правоохранительные органы. Специальный опрос выявил, что сообщает в полицию только каждая десятая жертва мошенников. И хотя компетенция в кибербезопасности россиян, их уверенность в защищенности своих персональных данных в онлайн-сервисах в последнее время заметно повышаются, тем не менее, примерно две трети пользователей все еще чувствуют себя неуверенно, используя цифровые технологии, и опасаются стать жертвами кибермошенников (Андрианов М.С., 2021).

Таким образом, рост преступлений с использованием цифровых технологий – телефонных мошенничеств и дистанционных краж с банковских карт – серьезный вызов современности. Не случайно, президент России В. Путин, выступая на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека, обозначил защиту граждан от мошеннических схем одним из ключевых социальных приоритетов. Активизация деятельности кибермошенников, рост числа других киберпреступлений и возрастание угрозы информационной безопасности граждан и организаций требует принятия комплекса мероприятий на государственном уровне по противодействию и разрешению этой проблемы, включая и совершенствование мер оперативного реагирования правоохранителей на нарушения законности в данной сфере.

Литература

1. Андрианов М.С. Правовое сознание, психология и поведение российских граждан в условиях пандемии и роль права в преодолении ее негативных последствий // XXII Международная научно-практическая конференция «Цивилизация знаний: российские реалии» стратегическая панель

«Цивилизационная роль права в условиях смены научно-технологической парадигмы»: сборник трудов конференции: г. Москва, 23 апреля 2021г. / Под общ. ред. Е.А. Палкин, С.А. Костин, А.А. Тыртышный. М.: РосНОУ, 2021. С. 413–419.

2. Психологические особенности переживания неопределенности при пандемии COVID-19 / И.Г. Скотникова [и др.] // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Том 5. No 2(18). С. 245–268.

Вопросы психологической безопасности в информационно-цифровом пространстве

Белодед Д.Р.

ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет

им. К.Э. Циолковского»

(г. Калуга, Россия)

Социально-экономическое и политическое положение государства все больше актуализирует вопросы безопасности. Общество подвержено рискам негативного воздействия вследствие информационной пропаганды, экономических проблем, техногенных катастроф, террористических угроз, кибермошенничества и др. Наличие подобных неблагоприятных факторов обуславливает необходимость формирования психологической безопасности личности в целях защиты психического и душевного здоровья и духовного развития общества (Бирюшова А. Г., 2016).

Информационно-цифровое пространство предоставляет широкие возможности для улучшения качества многих процессов различных сфер жизни. Оно положительно сказывается на образовательной и профессиональной сферах, способствует экономическому росту. Участие в информационном сообществе очень важно для всех возрастных групп, но нерегулярный подход к производству и потреблению цифрового контента может привести к кибер-угрозам. Для современных детей виртуальный (гибридный) образ жизни является нормальным, потому что новые технологии сопровождают их с самого рождения (Мешкова Л. Н., 2020).

Цифровые технологии вносят много положительных перемен в повседневную жизнь людей. Но каждая из положительных перемен сопряжена с киберрисками, которые могут наносить ущерб физической, финансовой, культурной, духовной сферам жизни и негативно отражаться на психологической безопасности личности. Проблема контроля над собственной виртуальной жизнью приводит к дезадаптивным формам поведения, дистрессу; отрицательно сказывается на работе, учебе, межличностных коммуникациях (Захарова И. М., 2014), психологическом и эмоциональном состоянии и др. Если не обеспечить должный контроль в цифровом пространстве, то оно также может быть превращено в информационное военное поле (Белодед Д. Р., 2022).

Глубокое осознание последствий ряда информационно-коммуникационных процессов позволит обеспечить цифровую безопасность. Важной частью информационной безопасности и сетевого поведения является культура общения, соблюдение этических и моральных стандартов и др. Также одним из значимых способов решения проблемы угроз психологической безопасности в цифровой среде является обучение правильному распознаванию и оценке информации, ее критическому осмыслению на основе моральных и культурных ценностей.

Литература

1. Белодед Д.Р. О психологической безопасности личности в условиях информационного противодействия враждующих политических систем / Д. Р. Белодед // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности: сборник научных статей XI международной научно-практической конференции: Владивосток, 8–10 июля 2022 г. / Отв. ред. Р.В. Кадыров. Ульяновск: Зебра, 2022. С. 90–95.
2. Бирюшова А.Г. Психологическая безопасность личности в экстремальных условиях [Электронный ресурс] // Международный студенческий научный вестник. 2016. No 5. С. 103–104. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=15334> (дата обращения: 10.10.2022).
3. Захарова И.М. Специфика ценностей юношей и девушек, склонных к «Интернет-зависимости», в аспекте саморегуляции деятельности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. No 2(2). С. 333–338.
4. Мешкова Л.Н. Цифровая культура и цифровое поколение: основные направления взаимодействия // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Том 9. No 3А. С. 196–206. doi: 10.34670/AR.2020.96.97.021.

Но ведь уже было?!... Vague booking? ARGGGH!!!

Бойкина Е.Э.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В последние годы проблематика феномена *номофобии* (англ. по mobile phone phobia, страх остаться без мобильного телефона или вдалеке от него) находится в центре научного внимания психологической науки. Номофобия рассматривается начиная от теорий аддиктивного поведения и до поднятия целого пласта исследований в области социальной коммуникации. С учетом последнего можно констатировать, что сценарии новых социальных интеракций в виртуальном мире растут «как снежный ком», при этом зачастую являя собой не что-то новое в коммуникации людей, а являя миру некую модификацию формы «реального» общения. Так, теперь можно «уйти по-английски» в офф-лайне – *загостить* кого-то, а можно проявить пренебрежение через *фаббинг*.

Одним из малоизученных в психологии новых видов интеракций в интернет-пространстве является не менее непонятное даже для перевода на русский язык понятие *vague booking*. На просторах интернета можно встретить такие варианты перевода, как «неопределенный букинг», «расплывчатые книги» и даже «смутнопись». Если по смыслу, то скорее всего, более верным можно считать последний вариант перевода, а если этимологически, то *vague booking* вообще не стоит переводить, поскольку это словосочетание является частью названия социальной сети (от «Face**book**»*).

По мнению исследователей, *vague booking* представляет собой уникальную форму коммуникационной стратегии двусмысленности (политология). По факту это публикация поста/комментария в соцсети, которая носит намеренно расплывчатый характер и допускает интерпретации (Child J., Starcher Sh., 2016). Упрощенно «смутнопись» – это «когда специально ставишь загадочный статус в социальной сети, чтобы все спросили, что случилось» (24 самых..., 2022).

Мотивация пользователей, использующих *vague booking*, бывает разной. В контексте теории управления конфиденциальностью коммуникации С. Петронио (англ, Communication Privacy Management) исследователи видят применение *vague booking* как противостояние нарушению нечетких границ конфиденциальности в соцсетях, которая реализуется посредством «опосредованной слежки» (англ., mediated lurking): любой пользователь может получить опосредованную информацию (и без вашего согласия) о вас, ваших контактах, о том, чей комментарий вы прочитали и др. Таким образом, использование *vague booking* отражает стратегический подход к управлению конфиденциальностью, позволяя только определенной аудитории соцсети понять истинный смысл сообщения.

Однако в контексте трансформации традиционных форм социализации детей и подростков под воздействием цифрового общества представляет интерес иное направление исследований этого, на первый взгляд, «невинного» феномена. Несмотря на, как правило, краткую форму таких постов (эмодзи, вопросительные или восклицательные знаки, короткие фразы «Ведь это уже было...» и т.д.), сообщение пользователя в виде *vague booking* преследует одну цель – вызвать отклик... При таком ракурсе рассмотрения можно выдвинуть ряд гипотез о том, что «смутнопись» опосредована нарушением аффилиативных потребностей индивида и/или возможной фрустрацией потребности в безопасности (если это завуалированный призыв о помощи, который могут «считать» не все). В данном контексте, после проведения психологических исследований, *vague booking* можно было бы включить в перечень неких маркеров субъективного неблагополучия несовершеннолетних и/или взрослых в программах профайлинга в социальных сетях.

Литература

1. 24 самых актуальных разговорных выражения в английском. В открытках [Электронный ресурс] // Pics.ru. URL: <https://pics.ru/24-samyh-aktualnyh> (дата обращения: 01.10.2022).

- Child J.T., Starcher Sh.C. Fuzzy Facebook* privacy boundaries: Exploring mediated lurking, vague-booking, and Facebook* privacy management // Computers in Human Behavior. 2016. Vol. 54. P. 483–490. doi: 10.1016/j.chb.2015.08.035.

*социальная сеть, признанная экстремистской в Российской Федерации

Негативное информационно-психологическое воздействие: особенности проявления и преодоления

Вахнина В.В.

Академия управления МВД России

(г. Москва, Россия)

Васильева В.А.

ГБПОУ г. Москвы «Колледж по подготовке социальных работников»

(г. Москва, Россия)

На заседании Совета безопасности Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркивал, что «...характер вызовов, угроз динамично, стремительно меняется. Сама информационная сфера переживает бурное развитие. Всё это нужно, безусловно, учитывать, в целом держать все эти вопросы в поле постоянного внимания и контроля...» (Путин В.В., 2022).

Нормативные документы МВД России возлагают на сотрудников обязанности по осуществлению мониторинга и анализа материалов о деятельности полиции, размещенных в печатных и электронных СМИ, в том числе каналах теле- и радиовещания, ресурсах сети Интернет. Выявляя, оценивая и прогнозируя угрозы, сотрудники прогнозируют вызовы и угрозы, выявляя тенденции, связанные с распространением негативной информации о деятельности органов внутренних дел, дискредитации личности сотрудника органов внутренних дел, предлагают комплекс мер, которые позволят осуществлять эффективное противодействие, успешное противоборство (Молотков М.Б., 2021).

Поэтому создание современного цифрового контента – это совокупность цифровой грамотности и творческих навыков сотрудника, требующих постоянного совершенствования (Володенков С.В., 2011).

Сотрудники, ответственные за взаимодействие со средствами массовой информации, выполняя поставленные задачи оперативно-служебной деятельности, могут стать участниками позитивных, негативных, экстремальных ситуаций.

Изучение психологических особенностей негативного информационно-психологического воздействия, его структурных компонентов, способствует эффективному формированию и развитию психологической готовности сотрудников к преодолению негативного информационно-психологического воздействия. В частности, открытость новому опыту, рефлексивность как способность субъекта изменять привычный способ действия, с учетом изменяющихся психологических

условий, активность личности, самостоятельность, успешность в деятельности и контроль с учетом динамичного инновационного потока, в условиях трансформации общества (Вахнина В.В., Байдаев М.М., Васильева В.А., 2021). Знание социально-психологических условий формирования психологической готовности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации к негативному информационно-психологическому воздействию позволяет психологически грамотно организовать коммуникативное взаимодействие в различных кризисных ситуациях профессиональной деятельности, конструктивно организовать коммуникацию с различными субъектами воздействия. Так как медиапространство является неотъемлемым элементом социальной среды, сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации для успешного и эффективного выполнения поставленных задач оперативно-служебной деятельности необходим комплекс профессиональных компетенций, позволяющий противостоять негативному информационно-психологическому воздействию, способствующий развитию коммуникации, восприятию информации, нивелирующий или увеличивающий психоэмоциональную нагрузку на субъекта.

Литература

1. Вахнина В.В., Васильева В.А., Байдаев М.М. Особенности современного профессионального образования с использованием цифровых технологий // Наука. Образование. Инновации: сборник статей III Международной научно-практической конференции: г. Мелеуз, 29 сентября 2021 г. / Науч. ред. Е.В. Кузнецова. Уфа: Аэтерна, 2021. С. 92–98.
2. Володенков С.В. Информационно-коммуникационная революция и ее влияние на современный политический процесс // Политэкс. 2011. Том 7. No 4. С. 159–167.
3. Заседание Совета Безопасности [Электронный ресурс] // Президент России. <http://kremlin.ru/events/president/news/68451> (дата обращения: 09.09.2022).
4. Молотков М.Б. Пресс-служба в интегрированной системе ситуационных центров МВД России // Академическая мысль. 2021. No 1(14). С. 39–42.

Киберагрессия в судебной экспертной практике

Гурина О.Д.

ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр»

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Киберагрессия, кибербуллинг, психологическое насилие в сети Интернет представляют собой смежные явления, часто пересекающиеся и характеризующиеся, в первую очередь, негативным воздействием на психологическое состояние жертвы посредством электронных устройств и виртуального пространства (Бочавер А. А.,

Хломов К. Д., 2014; Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Чигарькова С. В., 2020). Несмотря на отсутствие в российском законодательстве принципов правового регулирования указанных явлений, существует ряд уголовных статей и статей законодательств, в которых обозначены понятия психологического насилия и смежных с ним терминов (Дайшутов М. М., Динека В. И., Денисенко М. В., 2019; Круковский В. Е., Мосечкин И. Н., 2020). К киберагрессии могут быть отнесены так называемые речевые правонарушения, которые включают в себя угрозу, унижение, шантаж, оскорбление и др.

Информационные материалы с различными формами киберагрессии могут стать предметом судебных психологических и комплексных психолого-лингвистических экспертиз и исследований. В рамках производства комплексных психолого-лингвистических экспертиз и исследований, в том числе по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму (Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н., 2014), можно выделить следующие структурные и содержательные особенности таких материалов. К структурным особенностям, согласно теориям коммуникативного процесса (Гулевич О. А., 2007), можно отнести следующие характеристики материалов с киберагрессией: представление адресата и адресанта в роли жертвы и агрессора; представление сообщения как агрессивного акта; поликодирование информации; причинение вреда посредством электронных устройств как цель киберагрессии. К содержательным психологическим аспектам киберагрессии можно отнести: тип коммуникативной ситуации размещения материала, социально-психологическую направленность материала и приемы психологического воздействия (Секераж Т. Н., 2021).

Изучение подходов анализа киберагрессии, кибербуллинга и психологического насилия позволит обогатить опыт производства судебных экспертиз и исследований разного рода информационных материалов, выделить их признаки и свойства, имеющие юридическое значение.

Литература

1. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Том 11. No 3. С. 177–191.
2. Гулевич О.А. Психология коммуникации. М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. 384 с.
3. Дайшутов М.М., Динека В.И., Денисенко М.В. Психическое насилие в уголовном праве // Вестник Московского университета МВД России. 2019. No 3. С. 77–81. doi: 10.24411/2073-0454-2019-10138.
4. Круковский В.Е., Мосечкин И.Н. О формах нефизического (психологического) насилия в уголовном законодательстве России [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. No 1. С. 165–176. URL: https://psyjournals.ru/psyandlaw/2020/n1/112949_full.shtml (дата обращения: 03.10.2022). doi: 10.17759/psylaw.2020100115.

5. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму: монография. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.
6. Секераж Т.Н. Судебная психологическая экспертиза информационных материалов: теория и практика: монография. М.: ФБУ «РФЦСЭ» при Минюсте России, 2021. 406 с.
7. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Чигарькова С.В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. 2020. No 2(38). С. 3–20. doi: 10.11621/npj.2020.0201.

О мишенях и методах воздействия интернет-мошенников, использующих уязвимости человеческого фактора

Дунькина К.Э., Шпагина Е.М.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Мошенничество посредством цифровых гаджетов стало привычным явлением. Об этом предупреждают в транспорте в транслируемой социальной рекламе, посвящают специальные репортажи журналисты новостных программ по телевизору, пишут специалисты по безопасности на торговых площадках (например, Авито), но всё же мошенничество продолжает процветать. В данной работе мы представляем результаты опроса экспертов-психологов о приемах, используемых мошенниками.

Понятие интернет-мошенничества мы определяем как хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием при использовании глобальной компьютерной сети.

Замысел эмпирического исследования заключался в следующем: на первом этапе было собрано около 90 материалов из открытых источников, описывающих ситуации, в которых было совершено мошенничество с помощью цифровых технологий (в социальных сетях, сайтах и мессенджерах). Обобщив данные, мы выделили 5 типовых наиболее часто встречающихся историй для анкеты, которая легла в основу опроса экспертов-психологов.

По каждой из пяти предлагаемых ситуаций в виде описательного текста психологам-экспертам необходимо было выделить два аспекта: мишени воздействия мошенника на жертву и методы воздействия. В результате у нас получилось 5 списков проранжированных ответов по использованным мишеням воздействия и 5 списков по методам воздействия.

В итоге, обобщив все данные по двум изучаемым направлениям, мы получили следующие результаты.

Мишени воздействия по мнению экспертов.

1. Внушаемость и доверчивость как черта личности (27,78%).

2. Неудовлетворенность жизнью, общее неблагополучие (16,67%).
3. Отсутствие критического мышления (16,67%)
4. Возможность удовлетворения потребностей (11,11%).
5. Быстрота и простота совершения сделки (8,33%).
6. Одиночество и дефицит внимания (8,33%).
7. Желание помочь или альтруизм жертвы (5,56%).
8. Необходимость быстрого принятия решения (2,78%).
9. Отсутствие у жертвы должного уровня информирования об аналогичных схемах мошенничества (2,78%).

Методы воздействия мошенников на жертву по мнению экспертов.

1. Использование желания жертвы удовлетворить свои потребности (20,41%).
2. Детально проработанная правдоподобная легенда, предоставление доказательств (14,29%).
3. Явная на тот момент выгодность сделки (10,20%).
4. Злоупотребление доверием (8,16%).
5. Использование преимуществ сети для быстрого разрыва контактов после сделки (8,16%).
6. Быстрота и простота совершения сделки (6,12%).
7. Использование авторитетных инструментов банка (6,12%).
8. Отсутствие критического мышления у жертвы (6,12%).
9. Давление на жалость (4,08%).
10. Использование увлечений жертвы (4,08%).
11. Необходимость быстрого принятия решения (4,08%).
12. Эмпатичность звонившего менеджера (4,08%).
13. Авторитет и экспертность звонившего менеджера (2,04%).
14. Дефицитность продукта (2,04%).

Следует отметить, что при обобщении и анализе полученных результатов учитывались все ответы экспертов-психологов, однако, в них содержались также ошибочные представления о мишенях и методах воздействия. Это дало нам возможность сделать вывод о том, что даже эксперты-психологи не всегда разделяют данные понятия. Следовательно, необходимо формировать указанные компетенции при подготовке юридических психологов.

Полученные результаты о мишенях и методах воздействия можно использовать при планировании профилактических и защитных мероприятий в противодействии атакам мошенников, использующих в качестве «уязвимости» человеческий фактор.

Социально-психологические особенности связи адаптивности и копинг-стратегий личности с интернет-зависимостью как формой девиантного поведения студентов

Киселёв К.А.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»
(г. Саратов, Россия)

В настоящее время интернет-технологии глубоко проникли в повседневную реальность. Однако, как и любая активность, интернет-общение связано с соответствующими рисками. Одним из них является формирование зависимого поведения. Особенно уязвимыми для интернет-зависимого поведения являются молодые люди (Малышев И.В., 2018).

Методы исследования.

Тестирование: Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина (МЛЮ-АМ), опросник «Способы совладающего поведения» (Р. Лазарус, С.Фолкман, адаптация Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтык, М.С. Замышляевой), Опросник «Поведение в Интернете» (Жичкина А.Е.); *метод статистического анализа:* коэффициент ранговой корреляции Ч. Спирмена, частотный анализ.

Эмпирическая выборка: 95 девушек (18-23 лет).

Результаты.

Согласно данным методики А.Е. Жичкиной, у 52,6% испытуемых интернет-зависимость выражена минимально, у 43,2% респондентов проявляется склонность к интернет-зависимости, в то время как 4,2% участников исследования характеризуются развитой интернет-зависимостью.

В области копинг-стратегий (мет. Лазаруса) была установлена прямая связь интернет-зависимости (опросник Жичкиной А.Е.) с такой стратегией совладающего поведения, как «Бегство-избегание» ($\rho = 0,221$, $p = 0,032$), а также обратная связь данного вида девиантного поведения с «Положительной переоценкой» ($\rho = -0,282$, $p = 0,006$) и «Самоконтролем» ($\rho = -0,205$, $p = 0,046$). Таким образом, для интернет-зависимых характерно снижение уровня рационального подхода к проблемным ситуациям, невозможность оценить позитивные стороны в возникающих трудностях. У данной категории респондентов преобладают стратегии ухода в фантазии и развлечения. В данном случае чрезмерное использование интернет-технологий является формой эскапизма в связи с невозможностью справиться с возникающими проблемами. Виртуальная реальность становится способом спасения от «пугающей» реальности.

В области адаптивности (мет. МЛЮ-АМ) была установлена обратная связь интернет-зависимости (опросник Жичкиной А.Е.) и следующих личностных характеристик: а) адаптивных способностей ($\rho = -0,263$, $p = 0,01$); б) нервно-психической устойчивости ($\rho = -0,367$, $p < 0,001$), в) коммуникативных особенностей

($\rho = -0,323$, $p = 0,001$). Отметим, что нами не выявлено какой-либо достоверной связи моральной нормативности и интернет-зависимости ($\rho = 0,145$, $p = 0,160$). Из полученных данных следует, что интернет-зависимые личности характеризуются снижением уровня поведенческой саморегуляции, психической неустойчивостью, неадекватной самооценкой, трудностями в установке коммуникативных контактов с окружающими, нереалистичным восприятием действительности.

Обсуждение.

Полученные результаты позволяют нам сконструировать психологический портрет интернет-зависимой личности. Для такой личности характерно:

В когнитивной сфере: нереалистичная оценка действительности, сужение сознания и адекватного восприятия событий (невозможность увидеть положительный смысл сложившейся ситуации), уход в мир фантазий (эскапизм).

В эмоциональной сфере: повышенный уровень конфликтности, склонность к нервно-психическим срывам, неадекватная самооценка, сниженный самоконтроль.

В поведенческой сфере: дезадаптивность, затруднения в построении социальных отношений с окружающими, низкий уровень коммуникативной компетентности. В то же время интернет-зависимая личность сохраняет способность на сознательном уровне ориентироваться на общепринятые нормы поведения.

Литература

1. Малышев И.В. Особенности интернет-аддикции у учащихся и студентов в современных условиях // Страховские Чтения. 2018. № 26. С. 201–206.

Анализ корреляционных связей между проблемным использованием социальных сетей и смысло-жизненными ориентациями подростков

Лановая А.М.

ННЦ наркологии – филиал ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского»

(г. Москва, Россия)

Фадеева Е.В.

ННЦ наркологии – филиал ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского»,

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

(г. Москва, Россия)

К концу старшего подросткового возраста начинается формирование мировоззрения, профессиональных интересов и самоопределение личности, которые могут быть подвержены влиянию цифрового пространства как альтернативного вида реальности, включающего вербальное и визуальное общение в социальных сетях (Stockdale L.A., 2020; Данилова Н. С., Юркевич Н. А., 2022). Данное влияние может быть обусловлено значительным количеством времени, проводимым подростками в виртуальном пространстве, а также формированием устойчивых признаков аддикции в отношении использования социальных сетей (Boer M. et al., 2020).

Цель исследования: выявление взаимосвязей между проблемным использованием социальных сетей (СС) и показателями смысложизненных ориентаций подростков.

Материалы и методы. Психологическая диагностика подростков проводилась в виде онлайн-опроса, заполняемого в классе в присутствии исследователя. На завершающей странице онлайн-опроса респондентам предоставлялась интерпретация полученных результатов и контакты исследователя.

В исследовании приняли участие 94 учащихся 9-х классов одного из образовательных учреждений Московской области в возрасте от 14 до 16 лет ($M=14,9$; $SD=0,3$) в равном гендерном соотношении.

Методы исследования: Опросник проблемного использования социальных сетей (Problematic Facebook Use Scale – PFUS); Тест смысложизненных ориентаций (СЖО).

Для статистической обработки данных использовали критерий Спирмена в пакете SPSS (данные были проверены на нормальность распределения).

Результаты. На высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,001$) были обнаружены отрицательные корреляционные связи субшкал и итогового балла опросника PFUS со шкалами теста смысложизненных ориентаций. Самая сильная обратная взаимосвязь итогового балла PFUS наблюдалась с шкалой «Результативность жизни или удовлетворённость самореализацией» ($r=-0,527$): более высокие показатели проблемного использования социальных сетей были ассоциированы с ощущением низкой продуктивности уже прожитой части жизни, причем данная особенность была сильнее связана с субшкалой PFUS «Компульсивное использование СС» ($r=-0,437$), отражающей сложности контроля времени в социальных сетях. Была выявлена корреляционная связь итогового балла опросника PFUS со шкалой «Цели в жизни» СЖО ($r=-0,533$), наиболее выраженная связь с субшкалой «Когнитивная поглощённость СС» ($r=-0,388$): можно предположить, что учащиеся, отмечавшие у себя навязчивые мысли об использовании социальных сетей, характеризовались более низкой осмысленностью жизни, отсутствием определённой направленности. Обратная взаимосвязь итогового балла PFUS со шкалой «Локус контроля-Я (Я – хозяин жизни)» СЖО ($r=-0,453$) может свидетельствовать и о сниженной уверенности в своих силах и ощущении недостаточной свободы выбора при проблемном использовании социальных сетей.

Выводы. Проведенное исследование корреляционных связей позволило выявить ряд важных аспектов: более выраженные признаки проблемного использования социальных сетей среди подростков свидетельствуют о снижении осмысленности жизни и неудовлетворенности актуальной самореализацией.

Литература

1. Данилова Н.С., Юркевич Н.А. Смысложизненные ориентации у юношей и девушек с различным уровнем интернет-зависимости // Новая наука: современное состояние и пути развития: материалы Международной (заочной)

научно-практической конференции 20 июня 2022 года / Гл. ред., отв. за выпуск А.И. Вострецов. Нефтекамск: Мир науки, 2022. С. 240–247.

2. Adolescents' intense and problematic social media use and their well-being in 29 countries / Boer M. [et al.] // Journal of Adolescent Health. 2020. Vol. 66. №. 6. P. S89–S99. doi: 10.1016/j.jadohealth.2020.02.014.
3. Stockdale L.A., Coyne S.M. Bored and online: Reasons for using social media, problematic social networking site use, and behavioral outcomes across the transition from adolescence to emerging adulthood // Journal of Adolescence. 2020. Vol. 79. P. 173–183. doi: 10.1016/j.adolescence.2020.01.010.

Игровая деятельность в видеоиграх и агрессия

Пономарева Е.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Богданович Н.В.

В последние десятилетия отмечается рост социальной и экономической значимости видеоигр, что согласуется с увеличением исследовательского интереса к теме. В частности, внимание исследователей привлекает проблема взаимосвязи увлеченности видеоиграми и агрессии, которая в различных исследованиях как подтверждается, так и опровергается. Наиболее часто в качестве значимой характеристики видеоигр рассматривается наличие в них насильственного контента, восприятие которого приводит к возникновению агрессивных тенденций. Также исследователи обращают внимание на альтернативные факторы, такие как фрустрирующие ситуации. В некоторых работах предполагается, что более склонные к проявлению агрессии пользователи сами имеют тенденцию отдавать предпочтение видеоиграм с насильственным содержанием.

J.D. Ivory выделил ряд подходов к изучению видеоигр в психологии, один из которых позиционирует определенные формы или содержательные компоненты (например, насильственный контент) видеоигр как стимулы, усиливающие агрессивные тенденции. В качестве ограничения этого подхода автор обозначает склонность оставлять без внимания интерактивный характер видеоигр, что подразумевает изучение их однонаправленного воздействия.

Мы предлагаем обратить внимание на низкую сформированность **игровой деятельности**, а также способность ее реализовывать как на один из предикторов агрессивного поведения в реальной среде.

Отметим, что, в соответствии с точкой зрения Г.Г. Кравцова и Е.Е. Кравцовой, критерием сформированной игровой деятельности служит умение удерживать **двусубъектную позицию**, выражающуюся в способности одновременно удерживать 2 позиции относительно ситуации игры: *внутри игровой ситуации* (подразумевается

подчинение контексту и правилам игры) и *вне игровой ситуации* (взгляд на игровую ситуацию и себя в ней с внешней относительно игровой ситуации позиции). Это позволяет учитывать условный характер всех событий, относящихся к игре, а также контролировать и адекватно рефлексировать игровую ситуацию. Неспособность к удержанию двупозиционности приводит к значительному преобладанию одной из позиций. Это может выражаться в проецировании исполняемой роли в игре на реальные ситуации или в рассмотрении игрового пространства как альтернативной виртуальной реальности. Таким образом, возникает вероятность неадекватного использования видеоигр и опыта, полученного в них (Кравцов Г.Г., Кравцова Е.Е., 2017).

Отметим, что для игры характерно наличие мнимой ситуации, имеющей расхождения с реальной, и предполагающей наделение средств игровой деятельности иными смыслами, значимыми только в контексте мнимой ситуации (Кравцов Г.Г., Кравцова Е.Е., 2017). Это согласуется с утверждением о том, что некоторые объекты пространства видеоигры имеют эндогенную ценность (Schell J., 2008), и позволяет распространить наличие эндогенной ценности на все ее содержание, а также на опыт и навыки, полученные во время сеансов видеоигр. Это значит, что допускать перенос моделей поведения, стиля мышления, отношения к игровым объектам на реальную действительность, подразумеваемый в рамках выделенного J.D. Ivory подхода, возможно при определенных условиях. Подчеркнем, что отсутствие учета специфики получения игрового опыта, обеспечивающегося способностью к удержанию двусубъектной позиции, можно рассматривать как одно из таких условий.

Литература

1. Кравцов Г.Г., Кравцова Е.Е. Психология игры: культурно-исторический подход. М.: Левь, 2017. 338 с.
2. Ivory J.D. Video Games as a Multifaceted Medium: A Review of Quantitative Social Science Research on Video Games and a Typology of Video Game Research Approaches // Review of Communication Research. 2013. Vol. 1. No. 1. P. 31–68. doi: 10.12840/issn.2255-4165_2013_01.01_002.
3. Schell J. The Art of Game Design: A Book of Lenses. Burlington: Elsevier Inc., 2008. 489 p.

Цифровой профайлинг в социальных сетях

Попова И.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Профайлинг в социальных сетях заключается в составлении психологического портрета пользователя на основании анализа его профилей в социальных сетях. Преимущество данного метода заключается в том, что сбор данных и составление

профиля происходит незаметно для пользователя без применения психологических тестов.

Исследованию подлежат доступные внешнему наблюдателю данные профиля (ник, аватар, статусы, друзья, хэштеги, группы), генерируемые пользователем сообщения (тексты, аудио, видео), реакции (перепосты, комментарии, лайки), невербальные особенности (голос, мимика, жесты), на основании которых психолог составляет психологический профиль личности. Эта область кибер-психологии находит применение в маркетинге, HR, частных и государственных службах безопасности.

Современное развитие цифровых технологий (Big Data, Data Mining, ИИ) привело к автоматизации профайлинга в социальных сетях – возникновению цифрового профайлинга (ЦП), цифровой психометрии, создателем которой считается М. Косински. Основная заслуга М. Косински и Д. Стиллвелла заключается в том, что они не только собрали данные об активности более 7,5 миллионов пользователей Facebook (запрещен в России), но и сопоставили их с результатами более двадцати стандартизованных, надежных и валидных психологических методик (в частности, Big Five). Анализ полученных данных позволил провести многочисленные корреляции, поднять детализацию и точность профайлинга на качественно новый уровень. В частности, на основе анализа данных 58 000 респондентов было показано, что анализа одних только лайков достаточно для прогнозирования с высокой достоверностью таких личностных параметров, как «сексуальная ориентация, этническая принадлежность, религиозные и политические взгляды, личностные черты, интеллект, счастье, употребление ПАВ, развод родителей, возраст и пол» (Kosinski M. et al., 2013).

Однако, ЦП позволяет не только осуществлять автоматическое составление профиля пользователей и групп, но и поиск пользователей по заданным характеристикам (депрессия, суицидальный риск, агрессивные намерения, склонность к экстремизму, интерес к ПАВ).

Кроме того, ЦП позволяет также сделать некоторые выводы и о людях, не являющихся пользователями социальных сетей (Horvát E.-Á. et al., 2012)

Примечательно, что ЦП не ограничивается информацией из социальных сетей, анализируется полный цифровой отпечаток пользователей (запросы в поисковые системы, гео-локация, онлайн-покупки, финансовые транзакции, заполнение онлайн-формуляров, а также физиологические данные, собранные с помощью Smart Watch и Fitness Tracker. ЦП осуществляется не по выставленной пользователем напоказ информации, а по особенностям его поведения, что позволяет составлять намного более полный портрет личности, включая мотивации, что, в свою очередь, позволяет прогнозировать поведение.

ЦП является активно развивающейся областью на стыке наук о данных и интернете, лингвистики, психологии и социологии. Существуют государственные и международные проекты, а также отечественные разработки (DigitalFreud, Герда, Георгий Победоносец, СЕУС). Процесс и результаты ЦП постоянно

совершенствуются. Перспективным представляется расширение области применения ЦП. Однако, остаются неурегулированными вопросы конфиденциальности данных, этические и правовые аспекты.

Литература

1. Kosinski M., Stillwell D., Graepel T. Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior [Электронный ресурс] // PNAS. 2013. Vol. 110. No 15. P. 5802–5805. URL: <https://www.pnas.org/doi/pdf/10.1073/pnas.1218772110> (дата обращения: 06.10.2022). doi: 10.1073/pnas.1218772110.
2. One Plus One Makes Three (for Social Networks) [Электронный ресурс] / Horvát E.-Á. [et al.] // PLoS ONE. 2012. Vol. 7. No 4. Article ID e34740. 8 p. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0034740> (дата обращения: 08.10.2022). doi: 10.1371/journal.pone.0034740.

Предикторы формирования роли защитника в структуре кибербуллинга

Романова Н.М., Эшманова Э.Ф.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»
(г. Саратов, Россия)

Около трети пользователей Интернета в мире – это дети и молодежь в возрасте до 18 лет (Интернет - масштабы и статистика, 2020). Цифровые технологии обеспечивают новые возможности для межличностного общения. Однако плюсы использование всемирной паутины имеют и обратную сторону – возможности агрессивного самоутверждения для асоциальной личности. Молодые люди могут запугивать других или страдать от запугивания в киберпространстве. Речь идет о кибербуллинге. В рамках исследования ролевой структуры кибербуллинга типичная дуальность "жертва-агрессор" дополнена ролями "свидетелей", "защитников" и "помощников" (Olweus D., 1993). Показательно, что жертвы кибербуллинга в большинстве случаев не сообщают взрослым о противоправных действиях, совершенных в отношении них (Киселев К. А., Киселева Е.А., 2022).

Методы исследования.

Тестирование: Личностная шкала проявлений тревоги Дж. Тейлор (адаптация Т.А. Немчина), методика «Буллинг-структура» (Е.Г. Норкина); опросник агрессии Басса-Перри (адаптация С.Н. Ениколопова).

Эмпирическая выборка: 500 человек в возрасте от 16 до 20 лет.

Результаты. В кибербуллинге в случае прогнозирования социальной роли защитника коэффициент регрессии имел значение $R = 0,364$ $R^2 = 0,133$, скорректированный $R^2=0,124$). Таким образом, 12,4% дисперсии объясняется идентифицированными переменными. Хотя это значение R^2 недостаточно высокое, мы склонны использовать данные регрессионного анализа, поскольку существуют

другие переменные, о которых не сообщается и которые невозможно рассмотреть в рамках одного научного исследования.

Наиболее важными предикторами социальной роли защитника являются отсутствие враждебности ($\beta = -0,274$; $t=-5,113$; $p < 0,001$; Толерантность = 0,610; VIF=1,641) и тревожности ($\beta = -0,149$; $t= -2,976$; $p=0,003$; Толерантность = 0,705; VIF=1,418).

Была сформулирована следующая регрессионная модель личности защитника:

$$\text{«Роль защитника»}_{\text{прогноз}} = 10,94 - 0,092 * X_1 - 0,053 * X_2$$

Где X_1 = враждебность, X_2 = тревожность.

Обсуждение.

Сегодня кибербуллинг среди молодежи становится все более распространенным явлением. Появляются новые разновидности кибербуллинга, а вместе с ними и новые возможности для исследования данного феномена. Кибербуллинг – это социальная реальность, в которой сходятся все переменные. Исследование кибербуллинга в Российской Федерации ограничено новизной и недостаточной изученностью этого явления при достаточной его распространенности.

Поскольку значения R^2 были слишком малы для описания связи между личностными чертами предиктора и другими социальными ролями, расчетные результаты регрессионного анализа для них в данной работе не представлены.

Таким образом, значимыми предикторами формирования роли защитника в кибербуллинге являются характеристики враждебности и тревожности.

Литература

1. Киселев К.А., Киселева Е.А. Социально-психологические особенности проявления сексуальных домогательств в отношении несовершеннолетних в сети Интернет // Актуальные проблемы экстремальной и кризисной психологии: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции: Екатеринбург, 7–8 апреля 2022 г. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. С. 45–47.
2. Kepios [Электронный ресурс] // Kepios. URL: <https://kepios.com/> (дата обращения: 05.10.2022).
3. Olweus D. Bullying at school: what we know and what we can do. Malden: Blackwell, 1993. 158 p.

Специфика предпочтений в жанрах кино, музыки и литературы у подростков и юношей с разными типами поведения

Туйчиева М.Д.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Во многих исследованиях девиантное поведения связывается с потреблением людьми разного рода медиаконтента (к которому в том числе относятся кино, литература и музыка).

В нашем исследовании мы предположили, что существуют различия в склонности к девиантному поведению у подростков и юношей в зависимости от предпочитаемых жанров в кино, музыке и литературе.

Методиками исследования выступили: тест «Склонность к девиантному поведению» Э.В. Леус, А.Г. Соловьев (Дворянчиков Н.В., Делибалт В.В., Дозорцева Е.Г. и др., 2017) и авторская анкета «Предпочтения в медиаконтенте».

Выборку нашего исследования составили 96 человек в возрасте от 12 до 18 лет (средний возраст - 15,7 лет). Из них 48 юношей, 48 девушек. Респонденты набирались в сети интернет посредством опроса через Google-форму.

В среднем респонденты показали следующие результаты: ориентацию на социально обусловленное поведение, отсутствие признаков делинквентного, зависимого и агрессивного поведения и ситуативную предрасположенность к аутоагрессивному поведению.

Критерий Краскала-Уоллиса показал 9 статистически значимых различий в склонности к девиантному поведению у подростков и юношей в зависимости от предпочитаемых жанров, которые будут описаны ниже. По всем остальным жанрам значимых различий обнаружено не было. Все сравнения проводились между подростками и юношами, предпочитающими какой-либо жанр и не предпочитающими данный жанр.

Подростки и юноши, предпочитающие арт-хаус, имеют большую склонность к делинквентному поведению. Это может быть связано с желанием выделиться, быть не таким как все, что определяет и выбор арт-хауса, и делинквентную форму поведения.

Предпочитающие комедию имеют меньшую склонность к аутоагрессивному поведению. Юмор повышает настроение, ослабляет тревогу, что может положительно влиять на состояние человека и понижать склонность к аутоагрессии.

Те, кто предпочитает фэнтези, имеют большую склонность к делинквентному, агрессивному и аутоагрессивному поведению. Фэнтези — это уход от реальности, то есть в какой-то мере уход от норм и правил общества, что может приводить к формированию отклоняющегося поведения уже в реальной жизни.

Предпочитающие любовные романы имеют большую склонность к социально-обусловленному поведению. Подростки и юноши склонны к подражанию, что в случае увлечения любовными романами может вести к желанию самому оказаться в ситуации любовных отношений. В таком случае, имея желание понравиться людям противоположного пола, они будут склонны к социально-желательному поведению.

Те, кто предпочитает юмористическую литературу, имеют меньшую склонность к социально-обусловленному поведению. Предположительно, юмор, к которому склонны люди в рассматриваемом возрасте, является скорее агрессивным, нежели доброжелательным и, будучи выраженным на уровне поведения, он будет выглядеть как не социально-желательное поведение.

Предпочитающие классическую музыку имеют большую склонность к агрессивному поведению. Мы предполагаем, что классическая музыка может использоваться в качестве копинг-стратегии, поэтому подростки с агрессивным поведением предпочитают классическую музыку.

Предпочитающие рок имеют большую склонность к аутоагрессивному поведению. Рок может привлекать подростков и юношей, склонных к аутоагрессивному поведению, так как данная музыка отражает их внутреннее состояние.

Данные интерпретации имеют спорный характер и требуют дальнейшего изучения с расширением методического инструментария, так как наше исследование не позволяет установить точную причинно-следственную связь.

Литература

1. Программно-методический комплекс дифференциальной диагностики поведенческих нарушений несовершеннолетних «Диагност-Эксперт+»: методическое руководство: сборник тестов / Н.В. Дворянчиков [и др.]. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2017. 198 с.

Связь проблемного использования Интернета и уровня интеллекта у одарённых подростков

Черкащенко К.А., Бусарова О.Р.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

(г. Москва, Россия)

В современных реалиях использование сети Интернет выступает в качестве обязательного элемента нашей жизни. Миллионы людей, проживающие в разных странах, обращаются к всемирной паутине для решения множества рабочих, образовательных или развлекательных задач. В то же время у некоторых пользователей Интернета наблюдается зависимость от применения данного достижения науки и техники. Интернет-зависимость несет отрицательное воздействие как для человека, так и для его близких и даже всего общества. Специалисты выделяют существенные осложнения с выстраиванием социального взаимодействия, психического и соматического здоровья индивида (Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., 2000).

С момента введения понятия интернет-зависимости прошло более четверти века, за это время практика использования всемирной сети претерпела значительные изменения, в связи с чем сейчас предлагается замена термина интернет-зависимость на менее стигматизирующее понятие – проблемное использование Интернета. Последнее способствует акцентированию внимания на необходимости фиксации механизмов негативных последствий пользования Интернетом и позволяет избежать

стигматизации Интернета как непосредственной причины зависимости (Герасимова А.А., Холмогорова А.Б., 2018).

Традиционно обращается внимание на негативные последствия пользования Интернетом подростками группы риска, но важно анализировать их и в отношении других тинейджеров. Нами было проведено исследование связи проблемного использования Интернета и уровня интеллекта одаренных подростков. Мы предположили, что одаренные подростки с более высоким уровнем интеллекта имеют меньшие показатели проблемного использования Интернета.

В исследовании участвовали 70 учеников 8-9-х классов Университетской гимназии (школа-интернат) МГУ им. М.В. Ломоносова в возрасте 14-15 лет, 35 девочек и 35 мальчиков, обучающихся по гуманитарному и физико-математическому направлениям. Поступление в образовательное учреждение осуществляется на основе отбора интеллектуально одарённых детей из разных регионов России. Для сбора эмпирических данных применялись Прогрессивные матрицы Равена, Общая шкала проблемного использования Интернета (GPIUS3), авторская анкета о целях использования Интернета, анализ академических достижений учащихся и школьной успеваемости. Математико-статистический анализ данных осуществлялся с использованием коэффициента корреляции Спирмена и критерия Манна-Уитни.

Результаты проведенного исследования показали, что:

1. У одаренных подростков обнаружены статистически значимые обратные корреляции между проблемным использованием Интернета и показателями интеллекта и проблемным использованием Интернета и средним баллом успеваемости.

2. Одаренные подростки, участвующие в олимпиадах, имеют достоверно меньшие показатели проблемного использования Интернета, чем одаренные подростки, не участвующие в олимпиадах (кроме шкалы «Регуляция настроения»). Призеры олимпиад имеют меньшие показатели проблемного использования Интернета, чем другие участники олимпиад.

3. Одаренные подростки, использующие Интернет для саморазвития, имеют статистически значимо меньшие показатели проблемного использования Интернета, чем использующие Интернет для учебы или развлечения.

Полученные результаты могут быть использованы для профилактики проблемного использования Интернета одарёнными подростками.

Литература

1. Герасимова А.А., Холмогорова А.Б. Общая шкала проблемного использования Интернета: апробация и валидизация в российской выборке третьей версии опросника // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Том 26. No 3. С. 56–79. doi: 10.17759/cpp.2018260304.
2. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Социодинамическая психиатрия. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 459 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

К вопросу теоретической модели деятельности психологов

Богданович Н.В., Делибалт В.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В отечественной психологии существует определенная традиция делить психологов на “теоретиков” и “практиков”. Было бы интересно провести исторический анализ такого положения дел, однако понятно, что современная тенденция развития психологии предполагает некоторую интеграцию: практикам важно осмыслять теоретические основы своей деятельности, иначе они рискуют оказаться в “серой зоне” внеаучного знания, а перед теоретиками остро стоит вопрос о применении полученных ими знаний.

Подготовка психологов естественно предполагает, что студенты осваивают научную психологию, правда, часто они не только мало понимают ее практическую применимость, но также существуют трудности при научном самоопределении: крайне мало студентов могут сказать, к какой именно школе они принадлежат.

В практической деятельности специалистов также есть ряд сложностей: профессиональные стандарты не требуют проведения научных исследований (Богданович Н.В., 2016), а, следовательно, это остается на усмотрение самих специалистов, а также их работодателей. Однако научные публикации, а также участие в научно-практических конференциях способствуют не только обмену опытом, но также и снижают эмоциональное выгорание, так как позволяют посмотреть на свою работу со стороны (занять рефлексивную позицию).

Особую роль теоретическое осмысление играет при создании концепции психологической службы (Дебольский М.Г., 2019). С одной стороны, рефлексия научной направленности (принадлежности к той или иной школе) позволяет скоординировать работу психологов и избежать конфликтов из-за разницы понимания, например, методов работы. С другой стороны, самому психологу важно осознавать теоретические основания собственной деятельности для уменьшения ее внутренней противоречивости.

Для начала разберемся с тем, что понимается под теоретической моделью - это научно-осмысленные основания системы деятельности психологической службы, определяющие ключевые феномены, отраженные в задачах, стоящих перед психологами, обосновывающие применяемый инструментарий (методы, методики и технологии) и способствующие выбору приоритетных видов деятельности в соответствии с определенной методологией.

Таким образом, можно выделить несколько уровней теоретического осмысления. Во-первых, необходимо определить феноменологию, с которой работает психолог (Богданович Н.В., 2019). Так, если проанализировать его профессиональную деятельность, можно увидеть, что есть ряд феноменов (агрессия, учебная деятельность, адаптация, семейное благополучие/неблагополучие и т.д.), уже имеющих научное обоснование, следовательно, работая с ними, необходимо опираться на уже проведенные исследования хотя бы для того, чтобы контролировать полноту воздействий.

Во-вторых, необходимо провести инвентаризацию используемого инструментария. Не секрет, что часто психологи не замечают, что используемые ими методы и методики принадлежат разным школам (например, проективные методы часто основываются на психоаналитическом подходе, а ряд других, например, опросники могут относиться к какой-либо отечественной школе).

В-третьих, в разных видах деятельности методологическое самоопределение находится на различных уровнях. Так в психотерапии и в психологическом консультировании большинство психологов осознают свою принадлежность к тому или иному направлению или говорят об эклектичном подходе. Меньше это требуется на данный момент при реализации развивающей или психокоррекционной деятельности, что на наш взгляд, мало обосновано (Богданович Н.В., 2022).

Таким образом, рефлексия собственной теоретической позиции позволяет более профессионально подходить к выполняемой деятельности, избежать соскальзывания в псевдонаучные практики, а также взаимодополнительности в взаимодействии с коллегами-психологами, так как разные подходы и школы, обеспечивая разнообразие взгляда на человека, позволяют предложить клиенту индивидуальный подход для решения именно его проблем. Данные аспекты необходимо учитывать при подготовке психологов в рамках различных дисциплин с акцентом на методологическое самоопределение студентов.

Литература

1. Богданович Н.В. Анализ основных профессиональных стандартов, предполагающих работу психологов в трудных жизненных и юридически значимых ситуациях [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Том 6. No 2. С. 1–12. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2016/n2/81663.shtml> (дата обращения: 10.10.2022). doi: 10.17759/psylaw.2016060201.
2. Богданович Н.В., Делибалт В.В., Дегтярёв А.В. Тренинги офлайн или онлайн: тенденции в подготовке юридических психологов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. No 2. С. 224–238. doi: 10.17759/psylaw.2022120216.
3. Богданович Н.В., Делибалт В.В., Шишлянникова Л.М. Проблемы профессиональных компетенций педагогов-психологов в контексте профилактики девиантного поведения // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии: сборник статей по

материалам международной научно-практической конференции: 8–10 октября 2019 года / Под ред. В.В. Коврова. Симферополь: АРИАЛ, 2019. С. 364–372.

4. Дебольский М.Г., Богданович Н.В. Моделирование психологической службы как технология развития компетенций юридических психологов // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России: сборник тезисов выступлений и докладов участников: в 10 т. / [Ред. А.А. Рудый и др.]. Рязань: Академия ФСИН России, 2019. С. 184–188.

Развитие социальной зрелости курсантов как психолого-педагогическая проблема

Дока Н.В., Черемисова И.В.

ФКОУ ВО «Академия ФСИН России»

(г. Рязань, Россия)

Для современного общества характерно стремление к ответственности, толерантности и ориентации на зрелую личность. Человеку, который живёт, учится, получает специальность недостаточно просто руководствоваться установленными правилами и нормами, а необходимо проявлять свои личностные черты и качества характера в соотношении с достижением социальной зрелости (Горбунова О.В., 2014).

Обществу необходимы социально активные, целеустремленные, коммуникативные, ответственные, социально зрелые люди, обладающие определенными характерологическими особенностями. В связи с этим возникает научная и практическая проблема соотношения понятия «социальной зрелости личности» с характерологическими особенностями, а в конечном итоге развитие социальной зрелости (Горбунова О.В., 2014).

Психолог В.Б. Шапарь социальную зрелость определяет как состояние, к которому приходит человек в конце определенного периода своего развития, а также как достаточно продолжительный период в жизни человека, характеризующийся тенденцией к достижению высшего развития таких способностей личности, как духовные, интеллектуальные и физические. (Шапарь В.Б., 2005).

На основе анализа теоретических исследований категории «зрелость» мы можем выделить следующие характеристики зрелой личности: ответственность; умение применять приобретённый опыт построения конструктивных взаимоотношений с людьми; способность к активной жизни в обществе, эффективное использование своих знаний и способностей; забота об окружающих людях (Сухобская Г.С., 2004).

В работе Я.Н. Поляковой проводилось исследование профессионально важных качеств (ПВК) сотрудников УИС с выслугой 5 лет. Были получены следующие результаты: при достаточно высоком уровне моральной нормативности у респондентов наблюдается неуверенность в значимости своей профессиональной деятельности, что также связано с необходимостью развития ПВК; идёт снижение профессиональной активности, неудовлетворенность достигнутым в служебной деятельности и в целом происходит снижение самооценки (Полякова Я.Н., 2014).

Анализ результатов исследования ПВК показал, что наибольшую значимость получили качества: профессиональные знания, знание и выполнение своих личностных обязанностей, стремление доводить начатое дело до конца, соблюдение служебной этики. При объединении ПВК в группы наибольшие оценки получили группы качеств: толерантность и высокий уровень профессиональной адаптации (Полякова Я.Н., 2014).

Таким образом, можно сделать выводы, что развитие профессионально-важных качеств тесно связано с развитием социальной зрелости. Все вышеперечисленные характеристики зрелой личности нужно учесть для успешного развития социальной зрелости курсантов как будущих сотрудников УИС.

Литература

1. Горбунова О.В. Социальная зрелость личности будущих педагогов-психологов: подходы к определению // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. No 1. С. 45–47.
2. Полякова Я.Н. Профессионально важные качества сотрудников уголовно-исполнительной системы в экспертных оценках и представлениях сотрудников // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. No 4. С. 275–278.
3. Сухобская Г.С. Понятие «зрелость социально-психологического развития человека» в контексте андрагономики // Психология обучения. 2004. No 4. С. 17–20.
4. Шапарь В.Б. Словарь практического психолога. М.: АСТ; Харьков: Торсинг. 2005. 736 с.

Психолого – педагогические аспекты деятельности кураторов в образовательных организациях правоохранительных органов

Кузнецов М.И.

ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний»

(г. Рязань, Россия)

В настоящее время деятельность куратора понимается как целенаправленная, мотивированная профессионально-педагогическая работа преподавателя вуза с

группой студентов в учебное и внеучебное время, ориентированная на создание педагогических условий успешного профессионального и личностного становления каждого обучающегося (Куприна А.В., 2013).

Основными задачами кураторской работы в учебной группе курсантов являются:

- укрепление служебной дисциплины;
- развитие морально-психологических качеств личности курсантов;
- повышение успеваемости обучающихся;
- формирование сплоченных, организованных коллективов;
- повышение эффективности правового, патриотического, нравственного, эстетического и иного воспитания обучающихся.

Мы солидарны с мнением о том, что важнейшим педагогическим приемом в работе куратора с подопечными является личный пример воспитателя (Бялт В.С., Трипутин С.Н., 2013). Как показывает практика, личный пример применяется в различных видах жизнедеятельности: служебной, учебной, коммуникативной, досуговой.

Анализ опыта учебно-воспитательной работы Академии ФСИН России свидетельствует о том, что назначение кураторов учебных групп целесообразно осуществлять сроком на один год по рекомендации руководства факультетов с учетом профессионального и педагогического опыта, морально-нравственных качеств сотрудника образовательной организации.

В настоящее время основными формами психолого-педагогической работы куратора учебной группы курсантов являются: групповая беседа, индивидуальная беседа, индивидуальный контроль, индивидуальные задания и поручения, индивидуальная помощь, посещение курсантов по месту жительства, заслушивание отчетов курсантов, изучение мнения курсантского коллектива, встречи с членами семьи и родственниками курсанта, использование средств дисциплинарного и морального воздействия, личный пример куратора.

Куратор учебной группы еженедельно встречается с закрепленным за ним коллективом обучающихся, проверяет жилищно-бытовые условия курсантов, проживающих за пределами образовательной организации, оказывает содействие в их улучшении, вносит предложения руководству учебно-строевых подразделений по улучшению учебной и воспитательной работы.

Локальными документами установлено, что кураторы учебных групп проводят индивидуально-воспитательную работу с каждым курсантом учебной группы не реже двух раз в семестр, в том числе не менее одной проверки жилищно-бытовых условий, обязательно - по каждому факту нарушения служебной дисциплины, а также проверяют аккаунты социальных сетей обучающихся.

В заключение стоит подчеркнуть, что Указом Президента Российской Федерации от 27.06.2022 г. № 401. 2023 год в нашей стране объявлен Годом педагога и наставника. Особую значимость это имеет для образовательных организаций силовых ведомств, так как все сотрудники, независимо от занимаемой

должности, в той или иной степени осуществляет функции воспитателя и наставника обучающихся.

Литература

1. Бялт В.С., Трипутин С.Н. К вопросу об институте кураторства в образовательных учреждениях МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. No 4(60). 2013. С.156–160.
2. Куприна А.В. Институт кураторства как фактор социокультурного развития студентов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2013. 18 с.

Социальная энтропия как фактор становления ценностно-смысловой сферы специалистов помогающих профессий в современном цифровом обществе

Орлова Е.А.

ГОУ ВО Московской области «Московский государственный областной университет»,

ФГБОУ «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»

Гребенников Ю.Л.

ГОУ ВО Московской области «Московский государственный областной университет»

(г. Москва, Россия)

Как показал анализ современной литературы, авторы подчеркивают «особые требования к личности психолога-профессионала и исключительно высокую значимость качеств личности психолога в успешности деятельности даже в сравнении с другими социальными профессиями, поскольку собственная личность для психолога является по сути “инструментом” для решения как исследовательских, так и практических задач» (Орлова Е.А., Гребенников Ю.Л., 2022).

При этом, с одной стороны еще раз подчеркнем, что современные методики в этой области доказывают, что наиболее эффективная профессиональная деятельность практикующего психолога будет более продуктивной, если в ее основе будут лежать гуманистические концепции и (или) личностно-ориентированные методики, этические принципы и весь объем общечеловеческих ценностей (Артемова Т.И., Гозман Л.Я., Котова И.Б., Лисовская Е.Б., Мерлин В.С., Шиянов Е.Н. и др.).

Однако, ряд работ (Строй Г. В. и др.) показывает, что "часто молодые люди, делая выбор в пользу профессионализма психолога, руководствуются при этом установками, характеризующимся тем, что, получив профессиональные психологические знания, навыки и умения, они смогут успешно манипулировать людьми, делая их зависимыми от “токсичной” потребности в психологической помощи, зарабатывая таким образом деньги на "чужих проблемах"» (Строй Г.В.,

2004).

Указанное противоречие настоятельно показывает необходимость смещения акцента в процессе профессиональной подготовки будущих психологов в направлении развития ценностно-смысловой сферы студентов, что подчеркивается в целом ряде работ (Каплунов В., 2005; 3. Пименова Е.В., 2013).

Рассматривая те факторы, которые оказывают влияние на формирование ценностно-смысловой сферы специалистов помогающих профессий в вузе, чаще всего называют содержание образования, особый характер педагогического общения и межличностных отношений, адекватные методы и технологии обучения студентов и т.д. Однако, по нашему мнению, все эти и другие примеры носят довольно «частный» характер и требуют рассмотрения в более широком контексте, который может быть образован, например, влиянием социальной энтропии.

Социальная энтропия – это мера отклонения социальной системы либо ее подсистемы от эталонного состояния, когда отклонение проявляется в снижении уровня организации, эффективности функционирования, темпов развития системы (Энтропия социальная, 2022).

В. Каплунов отмечает, что для человека, живущего в цивилизованном обществе, внешней средой, т. е. социальной энтропией, является весь набор вещей, связей и отношений, которые в данной цивилизации определяют жизнь человека. Этот набор настолько велик, что у отдельного человека обо всем наборе существует весьма приблизительное представление (Каплунов В., 2005).

Таким образом, можно сделать вывод, что социальная энтропия является одним из центральных понятий при информационном подходе к анализу социальных явлений, выступая мерой социального хаоса и порядка, т. е. мерой упорядоченности и организованности в обществе.

Литература

1. Каплунов В. Что такое социальная энтропия [Электронный ресурс] // Лебедь: независимый альманах. 2005. No 421. URL: <http://www.lebed.com/2005/art4145.htm> (дата обращения: 22.03.2022).
2. Орлова Е.А., Гребенников Ю.Л. Оптимизация профессионально-ценностных ориентаций будущих психологов служебной деятельности в разных условиях обучения // Интеграция психологической науки и практики: основные проблемы и новые перспективы развития: сборник трудов Междунар. науч.-практ. конференции / Под ред. А.С. Полякова, О.И. Каяшевой, Н.В. Николаевой. Мытищи: МГОУ; СПб.: НИЦ АРТ, 2022. С. 97–102.
3. Пименова Е.В. Динамика ценностных ориентаций студентов-психологов в процессе профессионального обучения // Вестник университета. 2013. No 13. С. 300–303.
4. Строй Г.В. Формирование системы ценностных ориентаций будущих практических психологов в процессе обучения: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 2004. 28 с.

5. Энтропия социальная [Электронный ресурс] // Gufo.me. URL: https://gufo.me/dict/social/ЭНТРОПИЯ_СОЦИАЛЬНАЯ (дата обращения: 09.10.2022).

Проблемные аспекты подготовки экспертов-психологов в контексте коллизий внутренних нормативных правовых актов и процессуального законодательства

Семёнов В.Н.

Государственный комитет судебных экспертиз
(г. Минск, Республика Беларусь)

Общим требованием, предъявляемым к эксперту в процессуальном плане, является обладание специальными знаниями (познаниями). Однако в законе отсутствуют особые указания относительно структуры и объема специальных знаний (познаний), которыми должен обладать эксперт. С процессуальной точки зрения, выпускник высшего учебного заведения и работник экспертного учреждения могут выступать в качестве эксперта.

В практическом же плане выбор эксперта определяется не только наличием у него специальных знаний (познаний), но и дополнительной (теоретической и практической) подготовки (переподготовки), необходимой для самостоятельного проведения экспертных исследований, относящихся к той или иной сфере профессиональной деятельности. Ф.С. Сафуанов, рассматривая вопрос содержания специальных знаний, указывает на необходимость и важность дополнительной подготовки (переподготовки) экспертов-психологов (Сафуанов Ф.С., 2016).

Опыт практической переподготовки экспертов-психологов в Государственном комитете судебных экспертиз (далее – Государственный комитет) показывает, что эффективность освоения ими экспертной специальности зависит от уровня их исходной теоретической подготовки, а также мотивов выбора экспертной специальности. В этой связи серьезной проблемой, наметившейся в последние годы, является снижение интеллектуального (слабая теоретическая подготовка) и личностного (преобладание непрофессиональных мотивов освоения экспертной специальности) потенциала будущих экспертных психологических кадров, проходящих переподготовку в институте повышения квалификации и переподготовки кадров. Одним из источников указанной проблемы может служить заметное снижение престижа экспертной профессиональной деятельности.

Сформулированное в уголовном процессуальном законодательстве требование «незаинтересованности» эксперта получает выражение в этическом принципе «независимости» (Сафуанов Ф.С., 2016). Независимость эксперта наряду с его компетенцией обеспечивает объективность и научную обоснованность его заключения. Функция проверки доказательной силы заключения возлагается исключительно на орган, назначивший экспертизу или ведущий судебный процесс.

Фактически же возможность формирования при переподготовке экспертов-психологов значимых, с точки зрения процессуального законодательства и системы этических принципов, профессиональных свойств («незаинтересованности» и «независимости») может ограничиваться требованиями различных локальных нормативно-правовых актов Государственного комитета, предусматривающих различные формы контроля и оценки экспертной деятельности. В этих условиях происходит размывание границ индивидуальной ответственности эксперта. Это приводит к тому, что эксперт фактически разделяет персональную ответственность за результаты своей профессиональной деятельности с контролирующими органами, а они, в свою очередь, несут ответственность за результаты профессиональной деятельности эксперта.

Таким образом, переподготовка экспертов-психологов, реализуемая в Государственном комитете, сталкивается с существенными проблемными вопросами, требующими незамедлительного решения. Один из них связан с наблюдаемым в последние годы снижением интеллектуального и личностного потенциала будущих экспертных психологических кадров, которое, в свою очередь, коррелирует со снижением престижа экспертной специальности. Другим не менее острым проблемным вопросом является расхождение между требованиями процессуального законодательства и локальных нормативно-правовых актов Государственного комитета, предъявляемыми к профессионально значимым качествам эксперта.

Литература

1. Медицинская и судебная психология: курс лекций: учебное пособие / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. 4-е изд. М.: Генезис, 2016. 656 с.

Инкультурация в традиционной игре как содержание подготовки специалистов

Чернушевич В.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

(г. Москва, Россия)

Методологический и аксиологический анализ игры позволил выделить три основные фазы становления игры как особого события (1) действия по правилам, 2) игра для себя, 3) игра для Другого). Признаком совершенной игры определено переживание участниками счастья-радости от состояния совместности, события в игре (Теплова А.Б., Чернушевич В.А., 2021). Нам представляется, что этот главный коррекционно-профилактический фактор имеет прямое отношение к традиционной культуре.

Условия, которые задает культура - нравственные законы, нормы, правила взаимоотношений, **воспроизводящиеся** в совместной жизни людей, мы понимаем как традицию. Именно не сами по себе законы, нормы и правила, а

воспроизводящиеся, - живое воплощение в практике совместной жизни законов, норм, правил.

В состоявшейся игре, на третьей ее фазе происходит то, что позволяет человеку вырваться за пределы себя любимого и стать единым с Другим, реализовать смещение доминанты на Другого по Ухтомскому А.А. (Ухтомский, 2002, с.150).

Именно это отношение со-бытия находит свою реализацию в многообразных сложных ситуациях в традиционных играх, по-разному проявляясь в разных игровых контекстах, выступая как честность, искренность, самоотверженность, милосердие. Это те качества человека, которые делают человека принадлежащим к человеческой культуре, и традиционные игры, имея специфическую форму, связанную с условиями жизни народа, служат воспроизводству этих качеств как основы мирной совместной жизни, наличие которой отличает народ от населения.

И по Аристотелю высшее благо для человека – счастье. Счастье обретается в особых ситуациях нравственных отношений между людьми (Аристотель, 1983), приводящих к состоянию со-бытия; культурная традиция фиксирует такие ценные ситуации в постоянно реализующейся практике совместной жизни.

Т.е. задача традиции - воспроизведение явлений культуры, таких явлений, в которых обретается высшее благо, т.е. счастье-радость. Фиксация таких явлений в знаках, символах (законах, правилах, нормах) становится культурной формой, **обозначением** явления культуры, передающегося культурной традицией. Таким образом, мы различаем культурные формы, артефакты культуры, ее следы и саму культуру, культурные явления, живущие в культурной традиции.

Традиционная игра, представленная правилами, является культурной формой, а представленная игровой практикой становится явлением культуры.

Способ игровой инкультурации, введения в культуру человеческих отношений может стать содержанием подготовки специалистов по профилактике девиантного поведения.

Задача инкультурации может быть реализована введением ребенка в традиционную игру, представленную и правилами, и опытом их воплощения (традицией). Здесь мы можем уже дать теоретический ответ на вопрос о неудачах воспроизводства народной игры специалистами на основе письменных источников. Реально зная правила, зная культурную форму, они оказываются все же вне культурной традиции и не могут ввести в нее детей (в образовательных учреждениях своя традиция, традиция режимного учреждения). Невозможно заранее предписать конкретный нравственный поступок в непредсказуемой ситуации игры. Он каждый раз случается или не случается в зависимости от того, как смогли проявиться вышеназванные ценностные качества участников. Нам представляется, что вообще нравственный поступок не может быть предписан, это дело свободного выбора, который в игровых ситуациях делают участники игры по примеру носителей культуры, инициировавших игру.

Литература

1. Аристотель Никомахова этика // Аристотель: сочинения в четырех томах: том 4. / Под ред. А.И. Доватур, Ф.Х. Кессиди. Москва: Мысль, 1983. С. 53–293.
2. Теплова А.Б., Чернушевич В.А. Аксиологический и методологический анализ народных игр // Психолого-педагогические исследования. 2021. Том 13. No 4. С. 22–38. doi: 10.17759/psyedu.2021130402.
3. Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.

ПРАКТИКИ ПРОФИЛАКТИКИ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ ДЕТСТВА: ДОКАЗАТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ

Психолого-педагогическое обоснование программ коррекции и профилактики нарушений идентичности в подростково-юношеском возрасте

Бобровникова А.С., Чиркина Р.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Искусственное присвоение болезненной симптоматики психических расстройств в подростково-юношеском возрасте представляется явлением новомодным, в основе которого лежит изменение и конструирование идентификационных структур по психопатологическому типу при отсутствии объективной патологии. Разрушительные последствия данного феномена ещё недостаточно хорошо изучены, отсюда возникла потребность в проведении исследования, целью которого было установление связей между склонностью к деструктуризации и ресурсным состоянием личности в рамках изучения феномена искусственно формируемого психического нездоровья как варианта специфического нарушения идентичности. Второй целью исследования являлось психолого-педагогическое обоснование программ коррекции и профилактики данного феномена с учетом особенностей его проявления.

В исследовании решались следующие задачи: выявление совокупных факторов, негативно влияющих на процесс формирования нормативных личностных новообразований и нарушения идентичности с точки зрения клинической и юридической психологии; установление связи между различными параметрами ресурсности личности и предикторами нарушенной идентичности; выявление различий по гендерному и территориальному признаку.

В рамках исследования был проведен опрос 227 русскоговорящих респондентов в возрасте от 13 до 23 лет, проживающих в России и других странах (респонденты из других стран сменили место жительства в сознательном возрасте). Для достижения поставленной в работе цели были использованы следующие методики: «Шкала психологической разумности» (Х. Конте, Р. Плутчик, Б. Юнг), «Шкала удовлетворенности жизнью» (E. Diener, R.A. Emmons, R.J. Larsen, S. Griffin), Короткий опросник Темной триады (SD3); методы математической статистической обработки результатов с помощью пакета SPSS.

По результатам работы удалось выявить связи между такими параметрами личностного ресурса, как удовлетворенность жизнью и психологическая разумность, и предикторами нарушенной идентичности, такими как психопатия, нарциссизм и макиавеллизм («Тёмная триада»). Все факторы "темной триады" оказывают достаточно сильное влияние на ресурсность личности, но с разной степенью выраженности и направленности. Психопатия во всех выборках, разделённых как по

гендерному, так и по географическому признакам, выступает определяющим фактором: наличие психопатических черт в личности в большей степени влияет на склонность к деструктуризации личности, нежели макиавеллизм и нарциссизм. Более выражены у девушек и в выборке проживающих за рубежом низкие показатели по доступности переживаний и удовлетворенности жизнью. Склонность же приписывать себе различные нарушения имеет тенденцию к большей выраженности у представителей русскоязычной выборки за рубежом. В целом по выборке в сфере интересующих подростков и молодежь медицинских тем лидирует тематический раздел «психические расстройства» – 57,7% (131 чел.).

Практическая значимость исследования заключается в том, что были выявлены достаточно значимые связи между склонностью к деструктуризации и ресурсным состоянием личности. Проблематика такого варианта нарушения идентичности, как искусственное формирование психического нездоровья, еще ждет своих исследователей и определяет требования к подбору и обоснованию программ профилактики и коррекции идентичности, нарушенной по патопсихологическому сценарию. Их нужно тщательно выбирать из арсенала существующих программ либо создавать новые с учётом специфики данного варианта нарушения идентичности.

Эффективные инструменты управления переходом от позиции «школьник» к позиции «ученик» в начальной школе

Бригадиренко Н.В.

ГАОУ СО «Музыкально-эстетический лицей им. А.Г. Шнитке»
(г. Энгельс, Россия)

Педагоги знают, что младший школьник, начинающий процесс обучения, еще не ученик, но может им стать, если перед ним значимыми взрослыми будет поставлена цель «стать учеником», если она будет принята ребенком и если будут созданы соответствующие условия для ее реализации.

И если цель не будет достигнута, то, очевидно, на раннем этапе социализации могут возникнуть социальные риски детства, которые проявляются в школьной дезадаптации, эмоциональных и поведенческих проблемах, девиациях, нарушениях системы отношений.

Поэтому перед каждой школой стоит задача сделать процесс перехода от «школьника» к «ученику» управляемым. А значит, необходимо создавать особые условия для развития субъектности.

Именно такие условия были заложены в образовательном процессе Музыкально-эстетического лицея, который интегрирует музыкальное и общее образование и на начальной ступени обучения реализует технологию «Умелый класс», разработанную Московским государственным психолого-педагогическим университетом на основе метода *Skilful class* (Фурман Б., 2013).

«Умелый класс» опирается на алгоритм освоения навыков, состоящий из 15 последовательных шагов Kids' Skills (Оценка профилактического потенциала ..., 2020), начиная с выбора навыка и заканчивая празднованием успеха и передачей своего опыта другим. На первом этапе ученики совместно выбирают и осваивают один из шести основных школьных навыков. На втором этапе каждый ученик сосредоточен на освоении одного определенного навыка, который он выбрал из списка 22 навыков «Умелого класса». Все ученики активно помогают друг другу в группах поддержки.

В исследовательской части внедрения и апробации технологии мы попытались понять, как технология «Умелый класс» способствует формированию социальных навыков и влияет на эффективность воспитательного процесса в начальной школе, позволяя «школярам» стать «учениками». Для этого использовались методики, которые стали основой стартового, промежуточного и итогового мониторинга (Фурман Б., 2013). В исследовании приняли участие 7 классов МЭЛ и были получены следующие результаты.

При освоении коллективных навыков - во всех классах обнаружено преобладание количества детей с положительной динамикой самооценки. По индивидуальному навыку картина не такая яркая. Если вести речь о выбранном для освоения навыке в качестве основного, то отмечается преобладание детей с увеличением показателей оценки уровня освоения навыка. При этом остальные навыки тоже развивались, так как было организовано рефлексивное обсуждение итогов. Эффективность программы «Умелый класс» подтверждалась также путем сравнения результатов в экспериментальной и контрольной группах. Тенденция к увеличению оценки навыка по результатам программы у экспериментальной группы выше, чем у контрольной группы.

Исследование уровня тревожности до и после реализации программы «Умелый класс» показало снижение уровня по всем видам тревожности. Самые значительные изменения произошли в 1-х классах, что создало условия для успешной адаптации первоклассников к школьной жизни.

Исследование социометрического статуса показало: произошло оздоровление психологической атмосферы в классных коллективах, появление активности и новых форм взаимодействия, приобретение опыта бесконфликтного общения лицеистов, повышение уровня удовлетворенности взаимоотношениями в классе, повышение социометрического статуса у 41% обучающихся.

Анкетирование учителей выявило значимое повышение показателей удовлетворенности всеми сферами отношений и работой в целом, особенно с родителями учеников. Кроме того, замечен рост уровня самооценки как личностной характеристики обучающихся экспериментальных классов.

Анализируя проведенную работу, мы увидели, что детям стало легче сотрудничать и объединяться друг с другом. Заметно повысилась осознанность выбора в групповой работе. Дети стали более доброжелательными по отношению друг к другу, более раскрепощенными в общении, изменили свои статусные роли, их

эмоциональные связи в классе укрепились. В классе стали реже смеяться над неудачей одноклассников. Общение с педагогом становилось более глубоким и доверительным, что является важным профилактическим моментом в решении многих проблем, как личностных, так и социальных.

В классах появилась атмосфера безопасности, которая снимает внутреннее напряжение, раскрепощает детей - они не боятся высказывать свое мнение, отстаивать свою позицию корректными способами; учатся принимать решение, делать ответственный выбор. Повышается готовность нести ответственность за свои поступки; дети проявляют уважение к окружающим, стараются быть терпимыми, понимают, что значит «дружить».

Очевидно, что «Умелый класс» прочно вошел в образовательную практику учителей МЭЛ и школ Энгельсского муниципального района. Мы убедились, что при целенаправленном педагогическом воздействии ребенок за период начальной школы может пройти путь от «Я- школьник» до «Я- ученик».

Литература

1. Оценка профилактического потенциала технологии «Умелый класс» в формировании социально значимых навыков у детей / Р.В. Чиркина [и др.]. // Психология и право. 2020. Том 10. No 4. С. 93–110. doi: 10.17759/psylaw.2020100407.
2. Фурман Б. Навыки ребенка в действии: как помочь детям преодолеть психологические проблемы / [Пер. с англ. М. Кульнева]. М.: АНФ, 2013. 226 с.

Результаты исследования потенциала традиционной игры для пробуждения сорадования

Дыденкова Е.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Теплова А.Б.

Гармоничные межличностные отношения во многом зависят от умения человека понимать и принимать эмоциональное состояние другого, а также проявлять адекватный аффективный ответ. Данное умение, называемое эмпатией, традиционно исследуется вокруг реакции в ситуации страдания другого. Однако международным сообществом выделяется и иная валентность эмпатии – положительная, проявляющаяся в ситуации благополучия другого (Morelli S, 2015). В русском языке обнаружился емкий термин сорадование, то есть умение разделить радость другого или “чужая радость так же, как своя” по определению В.В.Абраменковой. (Абраменкова В.В., 1999). Мы полагаем, что сорадование является «клеем» дружного коллектива, предиктором чутких межличностных отношений, мощным механизмом социализации и профилактики девиации.

Традиционная игра заключает в себе колоссальный ресурс в развитии отдельного ребенка и коллектива в целом (Исследование уровня социально-коммуникативного развития ..., 2021). Невозможно переоценить важность традиционной игры, при этом ее ценностно-смысловым стержнем является переживание счастья-радости, порождаемое самой игрой (Теплова А.Б., Чернушевич В.А., 2021).

Целью эмпирического исследования, проведенного нами в 2021-22 гг, является определение влияния традиционной игры на способность к сорадованию у детей 8 - 9 лет. Мы предполагаем, что традиционная игра оказывает положительное воздействие на способность ощущать и проявлять сорадование у детей 8-9 лет.

В диагностическую батарею исследования вошли такие методики, как “Волшебный цветок” (Т.А. Репина), “Незаконченные рассказы” (адаптация методики Т.В. Гавриловой), “Что мы ценим в людях” (Е.Ф. Рыбалко) и таблица наблюдения за поведением детей в игре (А.Б. Теплова, В.А. Чернушевич). Диагностика проходила в два этапа: на входе в эксперимент (в октябре) и на выходе (в марте) после 4-х месяцев игровой практики. В группу испытуемых вошли 15 учеников и учениц 2-го и 3-го классов в возрасте 8-9 лет «Истоминской основной общеобразовательной школы».

Игровая программа включала 7 игр длительностью 30–35 минут и игралась с детьми 17 раз на еженедельной основе. В программу входило обязательное приветствие (имена) и игры: «Каравай», «Коза», «Тетера», «Коршун», «Змея», «Суп» и «Тук-тук, правая рука».

Получены следующие результаты.

1. Статистический анализ данных с использованием критерия Вилкоксона, собранных в октябре и в марте по методике “Что мы ценим в людях”, дает значимые различия, свидетельствующие о тенденции увеличения балла к моменту финальной диагностики.

2. По Таблице наблюдения за поведением детей в игре данные срезов до и после программы свидетельствуют о тенденции к значимому снижению числа нарушений в процессе игры.

3. Анализ данных, собранных по методике “Волшебный цветок” в октябре и в марте, также свидетельствует о положительной динамике в ценностных ориентациях у испытуемых. Так, количество желаний для себя сократилось с 45 до 23 ответов, перераспределившись на пожелания другим.

4. Контент-анализ ответов испытуемых в “Незаконченных рассказах” показал рост “положительных” кодировок и сокращение “отрицательных”. Например, количество единиц кодов, напрямую связанных с сорадованием, таких как “Поздравит друга” и “Обрадуется” увеличивается на 92% (с 13 до 25 единиц) и 62% (с 13 до 21 единиц) соответственно, тогда как код “Будет обидно” снизил показатель на 61% (с 18 до 7 единиц).

Так, мы полагаем, что полученные данные свидетельствуют о влиянии традиционной игры на способность ощущать и проявлять сорадование. Появление значимого Другого в ценностном поле испытуемых, готовность желать для Другого лучшего, радоваться его успехам, осознавая собственную грусть – подобный рост

морально-нравственных ориентиров демонстрирует тенденцию к развитию такой сверхчеловеческой способности, как сорадование. Мы также обнаружили, что признаки сорадования с большей частотой и степенью выраженности проявляются в процессе игры во внеучебное время.

Причины, по которым игра во дворе имеет лучшие показатели с точки зрения качества межличностных интеракций и отношения к игре, являются предметом будущих исследований. Кроме этого, предстоит выяснить в связи с чем в современной культуре не воспитывается сорадование, что, по нашему мнению, является зерном духовного начала в человеке и ключевым механизмом социализации.

Литература

1. Абраменкова В.В. Сорадование и сострадание в детской картине мира. М.: Эко, 1999. 224 с.
2. Исследование уровня социально-коммуникативного развития дошкольников (эффективность программы «Сила народной игры» (Folkskills)) / А.А. Валевиц [и др.] // Вестник практической психологии образования. 2021. Том 18. No 3. С. 18–30. doi: 0.17759/bppe.2021180302.
3. Теплова А.Б., Чернушевич В.А. Аксиологический и методологический анализ народных игр // Психолого-педагогические исследования. 2021. Том 13. № 4. С. 22–38. doi: 10.17759/psyedu.2021130402.
4. Morelli S.A., Lieberman M.D., Zaki J. The emerging study of positive empathy // Social and Personality Psychology Compass. 2015. Vol. 9. No 2. P. 57–68. doi: 10.1111/spc3.12157.

Социально-психологические предикторы ролевого распределения в буллинг-структуре младших подростков

Кондаурова О.П., Хайдаров Р.К.

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

(г. Ижевск, Россия)

В современной социальной ситуации в России и за рубежом проблема буллинга становится весьма актуальной. Проводится большое количество исследований, в которых анализируется феномен буллинга, определяются причины его возникновения в школьной среде, выделяется ряд негативных как психологических, так и психофизических последствий буллинга. (Гусейнова Е.А., Ениколопов С.Н., 2014; Гришина Т.Г., Нестерова А.А., 2018; Собкин В.С., Калашникова Е.А., 2021).

Буллинг представляет собой насилие, которое происходит в пространстве организованного или неорганизованного детского сообщества, в связи с чем весьма актуальным является изучение социально-психологических предикторов ролевой позиции в буллинг-структуре. В исследовании приняли участие 59 младших подростков. Для получения эмпирических данных применялись следующие

методики: методика на выявление «Буллинг-структуры» (разработанная Е.Г. Норкиной); Личностный опросник Кеттела (Адаптация Л.А. Ясюковой); тест коммуникативных умений Михельсона (адаптация Ю.З. Гильбуха); социометрия. Для статистической обработки данных использовался пакет прикладных программ SPSS 22; методы математической статистики (корреляционный анализ, множественный регрессионный анализ, факторный анализ).

В ходе исследования установлено, что на формирование роли в буллинг-структуре влияют как внешний фактор, такой как межличностные отношения, так и внутренние социально-психологические черты личности, коммуникативные умения. Выявлено, что роль инициатора обуславливается общей активностью, активностью в общении, низкой тревожностью и отсутствием зависимой позиции в умении оказывать и принимать знаки внимания от сверстников. Роль защитника обуславливается отсутствием зависимой позиции в общении, роль жертвы имеет обратную характеристику, для них характерна зависимая позиция в общении. Роль помощника определяют следующие коммуникативные умения: умение обратиться к сверстнику с просьбой с агрессивной позиции, что является скорее принуждением, чем просьбой, а также агрессивное реагирование на задевающее поведение. Роль наблюдателя обуславливается неисполнительностью, конфликтностью в группе, агрессивной реакцией на просьбу и компетентной реакцией на попытку вступить с ними в контакт. Также установлено, что каждая роль имеет разный набор качеств и характеристик, что говорит нам о том, что к представителям разных ролей нужен свой подход в коррекции. Наибольшее влияние на формирование роли подростка в буллинг-структуре оказывают коммуникативные умения, следующими по вкладу влияния находятся социально-психологические черты личности, далее межличностные отношения.

Полученные результаты эмпирического исследования полностью подтвердили то, что буллинг – это системное явление, предикторами которого выступают как социально-психологические особенности личности и коммуникативные умения, так и межличностные отношения. Данные исследования могут стать обоснованием для разработки школьными психологами программ профилактики и коррекции буллинга в школьном коллективе.

Литература

1. Гусейнова Е.А., Ениколопов С.Н. Влияние позиции подростка в буллинге на его агрессивное поведение и самооценку // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. Том 6. No 2. С. 246–256.
2. Нестерова А.А., Гришина Т.Г. Предикторы школьной травли в отношении детей младшего подросткового возраста со стороны сверстников // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. No 3. С. 97–114. doi: 10.18384/2310-7235-2018-3-97-114.

3. Собкин В.С., Калашникова Е.А. Подросток и поведенческие риски: к вопросу о буллинге // Практики развития: образовательные парадигмы и практики в ситуации смены технологического уклада: материалы 27-й науч.-практ. конф.: Красноярск, ноябрь 2020 г. / Отв. за вып. Е.А. Келлер. Красноярск: Институт психологии практик развития, 2021. С. 54–65.

Диагностическая батарея для определения мишеней профилактического воздействия и оценки эффективности модели «Экосистема детства»

Куприянова Е.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

С декабря 2020 года Федерация психологов образования России в партнерстве с МГППУ реализует социально значимый проект, целью которого стала апробация в учреждениях для детей-сирот и оставшихся без попечения родителей модели комплексной многоуровневой профилактики негативных социальных явлений, среди которых особо остро выделяется социальная дезадаптация, девиантное поведение, аддикции, правонарушения, агрессивное поведение, побег.

Основной задачей психологической диагностики в проекте "Экосистема детства" стало исследование рисков развития девиантного поведения, в том числе, с учетом специфики институциональных учреждений. Нами были выделены следующие параметры: неадекватная самооценка, склонность подростков к реализации различных форм отклоняющегося поведения, личностные особенности - акцентуации характера, низкий уровень развития эмоционального интеллекта, наличие психопатологических черт, особенности социально-психологической адаптации подростков, неконструктивные копинг-стратегии, переживание социального ostracism, нарушение базовых потребностей, поведение в конфликте и др.

Диагностика проводилась в 4 этапа в трех Центрах содействия семейному воспитанию (ЦССВ) г.Москвы, в которых реализовывалась система технологий на трех уровнях профилактики.

1 этап (февраль-март 2021г): входная диагностика, которая включала в себя психологическое обследование подростков, получение как общих данных о детях - участниках проекта по выделенным параметрам, так и составление индивидуальных психологических портретов на запросную группу. На этом этапе проводилась расширенная психологическая диагностика подростков с применением комплекта методик для работы с подростками группы риска (Программно-методический комплекс дифференциальной диагностики..., 2017; Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В., 2020). Выборка была разделена на две подгруппы по возрасту: подростки 12-14 лет и

подростки 14-18 лет. Вся диагностическая работа проходила в очном режиме, индивидуально с каждым подростком. Продиагностировано 110 подростков.

2 этап (октябрь-ноябрь 2021г.): сравнительный этап психологической диагностики по основным параметрам. Продиагностировано 114 подростков.

3 этап (апрель 2022г): получение общих данных и составление индивидуальных заключений на запросную группу (24 заключения). Продиагностировано 117 подростков.

4 этап (октябрь-ноябрь 2022г.): сравнительный этап психологической диагностики по выделенным параметрам.

В итоге по первому этапу диагностики получены данные по интересующим нас параметрам в виде индивидуальных результатов детей, психологических портретов (на запросную группу риска подростков с девиантным поведением), средних данных по выборке и процентном соотношении уровней. На втором этапе получены индивидуальные результаты респондентов, которые далее были проанализированы с точки зрения средних данных по каждому ЦССВ отдельно. На третьем этапе полученные индивидуальные результаты детей были обобщены и проанализированы по каждому ЦССВ, были выделены изменения по средним баллам и уровням, а также составлены индивидуальные заключения на запросную группу. На 4 этапе полученные диагностические данные планируется подвергнуть математической статистической обработке, чтобы выделить значимые изменения и связи исследуемых параметров.

В психодиагностическом направлении проекта активно участвовали волонтеры – студенты МГППУ 2-5 курсов.

Основные результаты диагностики:

- обнаружена ориентация на социально обусловленное поведение – подростковая реакция группирования;
- ситуативная предрасположенность, а в некоторых случаях, и сформированная модель делинквентного и аутоагрессивного поведения;
- более 50% подростков испытывают пограничное состояние остракизма (отвержение, игнорирование, исключение);
- у более, чем 50% выявлен средний уровень нарушенных в ситуации социального остракизма потребностей;
- у подростков незначительно преобладает такой тип поведения в конфликтных ситуациях, как компромисс;
- у большинства подростков ЦССВ наблюдается ситуативная ответственность;
- преобладает средняя степень агрессивности и адаптированности, при этом высокая степень отмечена по параметрам вербальной агрессии и самоагрессии;
- у воспитанников ЦССВ преобладают низкий и очень низкий уровни эмоционального интеллекта.

Анализ данных четвертого среза еще не завершен, но мы видим изменения в

некоторых параметрах, которые были мишенями профилактической работы. Так, например, в качестве ведущей копинг-стратегии на 1 и 2 этапах исследования у подростков было выявлено «бегство-избегание», а на 3 этапе (после года апробации модели "Экосистема детства") произошел сдвиг в сторону стратегии «дистанцирование», стало меньше побегов и других поведенческих эксцессов в сопровождаемой группе подростков.

Литература

1. Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В. Социальный остракизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования // Психология и право. 2020. Том 10. No 1. С. 152–164. doi: 10.17759/psylaw.2020100114.
2. Программно-методический комплекс дифференциальной диагностики поведенческих нарушений несовершеннолетних «Диагност-Эксперт+»: методическое руководство: сборник тестов / Н.В. Дворянчиков [и др.]. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2017. 198 с.

Возможности психометрической оценки риска совершения скулшутинга

Леви М.В.

ООО «Инновационные психотехнологии»

(г.Одинцово, Россия)

Трагические случаи вооружённого насилия в образовательных учреждениях с большим числом жертв и пострадавших неизменно вызывают в обществе настроения, приближающиеся к паническим. Выработка мер предупреждения подобных происшествий требует значительных затрат ресурсов. Отмечается, что актуальность угрозы скулшутинга сочетается с «низким уровнем разработанности данной проблемы» (Плотников В.В., 2021). Выделено 1,7 млрд руб. бюджетных средств на 2022-2024 гг. на создание программных средств анализа школьных сочинений для выявления склонности к деструктивному поведению (<https://www.interfax.ru/russia/793302>). Имеются методические рекомендации по этой теме (<https://www.divmt.ru/content/doc/MP.21.017.pdf>) и др. Предлагаемые методы в основном сводятся к структурированному наблюдению и изучению текстов.

Что касается измерительных методов психодиагностики (тестов), то возможности их применения в данном контексте вызывают преимущественно скепсис, как из-за доступности методик обследования в открытых источниках и возможности фальсификации результатов обследуемыми, так и недостаточной специфичности получаемых данных в отношении изучаемого явления. Тем не менее, «проведение... психодиагностики, выявление детей и подростков с тревожными признаками» признаётся в качестве меры профилактики скулшутинга (Лукашкова И.Л., 2021), а традиционные методы психодиагностики представляют некоторый интерес для решения обсуждаемой проблемы в силу пригодности для массовых

обследований и невысокой затратности применения. При этом представляется необходимым: «консультативный» контекст обследования с отсутствием «аттестационной» мотивированности испытуемых (например, обследование под видом профориентации); исключение общедоступности используемых методик с их детальным описанием.

Нам были предоставлены материалы психодиагностического обследования двух «школьных стрелков», совершивших «резонансные» преступления. Получены данные об эмоциональной устойчивости, коммуникативных особенностях, интересах обследованных. Контрольную группу (далее – КГ) составили 498 социально благополучных молодых людей (до 22 лет). Были найдены пункты личностных самоотчётов, по которым скулшутерами даны одинаковые ответы, причём значительно отличающиеся от типичных для КГ; к данному набору были добавлены пункты, имевшие по выборке КГ высокую корреляцию с вышеуказанными. В итоге была составлена шкала из 40 пунктов (фактически создан конструкт по внешнему критерию). Единомоментная надёжность («Альфа» Кронбаха, далее – α) составила 0,783.

Факторный анализ показал неоднородность составленной шкалы и позволил выделить следующие составляющие: 1). Интерес к экстремальности (8 пунктов, $\alpha=0,659$); 2). Ограниченность увлечений (17 пунктов, $\alpha=0,883$); 3). Трудности в общении (15 пунктов, $\alpha=0,750$). Содержательно они отчасти сопоставимы с «психопатическим», «психотическим» и «травматическим» факторами риска, отмеченными специалистами (Давыдов Д.Г., 2018). Эти компоненты соотносятся неоднозначно: №№ 2 и 3 коррелируют между собой положительно, а с №1 – отрицательно.

Итак, показана возможность создания психометрического инструмента, имеющего прогностическую ценность в отношении возможности совершения актов вооружённого насилия в образовательном учреждении. Полученные результаты в силу недостаточности эмпирического материала носят сугубо предварительный характер.

Литература

1. Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. 2018. No 4(32). С. 62–76. doi: 10.11621/npj.2018.0406.
2. Лукашкова И.Л., Яценко А.А. Феномен скулшутинга: причины и профилактика // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021. Том 6. No 2(12). С. 337–341.
3. Плотников В.В., Самойлов С.Ф. Проблема скулшутинга (колумбайна) в российской науке // Общество и право. 2021. No 2(76). С. 163–168.

Дети и молодые взрослые с опытом сиротства как участники оценки программ сопровождения замещающих семей: ожидания от взаимодействия со специалистами

Франтова Д.К.

Благотворительный фонд «Измени одну жизнь»

(г. Москва, Россия)

Тема детского участия в оценке программ сопровождения замещающих семей является одной из актуальных и малоисследованных тем в российской и зарубежной практике. Несмотря на то, что именно ребенок, имеющий опыт сиротства, является конечным благополучателем услуги, и учет его мнения крайне важен при оценке эффективности работы программ (Обратная связь...2019), в настоящий момент недостаточно сформирована практика учета его мнения (Balsells M. et al, 2017; Bouma H. et al, 2018; M.Garcia-Quiroga et al, 2020).

Исследование проводилось на базе РРОО «Ассоциация приемных родителей», в нем приняли участие 35 человек (19 женского и 16 мужского пола), в возрасте от 12 лет до 21 года, имеющие опыт участия в качестве благополучателя в программах сопровождения приемных семей.

С респондентами были проведены 3 фокус-группы и 10 полуструктурированных интервью с последующей обработкой данных методом контент-анализа.

Были выявлены основные ожидания и опасения респондентов от взаимодействия со специалистами-психологами, осуществляющими сопровождение приемных семей.

1. Неэффективность работы.

Респонденты неоднократно упоминали опыт, когда они обращались к специалистам за помощью, но не получали ее, что привело к разочарованию в идее помощи со стороны взрослых.

2. Нарушение конфиденциальности.

Большинство респондентов сталкивались с нарушением конфиденциальности со стороны специалистов, осуществляющих работу с ними. Участники исследования приводили различные примеры разглашения полученной от них информации третьим лицам (педагогам, другим детям).

3. Отсутствие необходимых компетенций у специалистов.

Респонденты отмечают, что имели опыт взаимодействия со специалистами, которые не могли ответить на вопросы, волнующие детей, использовали неподходящий инструментарий. В ряде случаев респонденты испытывали затруднения в понимании информации, которую предоставлял специалист, профессиональная лексика была им непонятна.

4. Эмоциональная включенность специалиста в проблемы ребенка.

Респонденты отмечают, что имели опыт, когда специалист недостаточно эмоционально включался в решение их проблем, а также опыт чрезмерной эмоциональной включенности.

5. Внешний облик и возраст специалиста.

Респондентам важен ухоженный внешний вид специалистов и отсутствие у них признаков физического и психического нездоровья. Возраст специалиста также имеет значение - большинство респондентов доверяют специалистам старше 25 лет.

В последующей дискуссии с респондентами были созданы практико-ориентированные рекомендации для специалистов, включенных в программы сопровождения замещающих семей.

Литература

1. Обратная связь от благополучателей сферы детства [электронный ресурс]: методические рекомендации / [Сост. Н. Фреик]. М.: Эволюция и Филантропия, 2019. 68с. URL: https://ep.org.ru/wp-content/uploads/2021/01/OC_-от_-благополучателей-_Методические_-рекомендации_.pdf (дата обращения: 14.06.2022)
2. Balsells M.A., Fuentes-Peláez N., Pastor C. Listening to the voices of children in decision-making: a challenge for the child protection system in Spain // *Children and Youth Services Review*. 2017. Vol. 79. P. 418–425. doi: 10.1016/j.chilyouth.2017.06.055.
3. Garcia-Quiroga M., Salvo Agoglia I. Too Vulnerable to Participate? Challenges for Meaningful Participation in Research With Children in Alternative Care and Adoption // *International Journal of Qualitative Methods*. 2020. Vol. 19. 11 p. doi: 10.1177/1609406920958965.
4. Meaningful participation for children in the Dutch child protection system: a critical analysis of relevant provisions in policy documents / Н. Bouma [et al.]. // *Child Abuse & Neglect*. 2018. Vol. 79. P. 279–292. doi: 10.1016/j.chiabu.2018.02.016.

Особенности виктимного поведения младших школьников с СДВГ

Фролова С.В.

ЧОУ ВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»

(г. Москва, Россия)

Актуальность выбранной темы обусловлена в нашей стране дефицитом исследований психологических факторов, способствующих формированию виктимного поведения в младшем школьном возрасте, а также увеличением количества детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью (СДВГ). У детей с СДВГ не сформированы предпосылки к овладению школьными навыками. Они испытывают трудности в овладении письмом, чтением и счетом, имеют серьезные проблемы в социальном взаимодействии, включая взаимодействие с

родственниками, учителями и сверстниками. Им сложно регулировать свое эмоциональное состояние, произвольно организовывать свою деятельность, что в дальнейшем способствует формированию различных видов виктимного поведения.

В основу нашего исследования легло предположение о том, что существуют различия в эмоционально-личностной сфере младших школьников в соответствии с наличием СДВГ, которые прослеживаются в степени выраженности и различных вариантах проявления виктимного поведения. Для детального изучения проблемы мы использовали методику «Склонность к виктимному поведению» О.О. Андронниковой, адаптированную для младшего школьного возраста, а также методы математической и статистической обработки: выявление различий в уровне исследуемого признака (критерий Манна-Уитни), ранговая корреляция (коэффициент ранговой корреляции r_s Спирмена). В исследовании приняли участие 164 младших школьника в возрасте 8-9 лет.

Для выявления склонности к виктимному поведению, были рассмотрены как высокие, так и низкие показатели по методике О.О. Андронниковой, поскольку и те, и другие говорят о наличии виктимного поведения, но указывают на разные варианты его проявления.

Анализ результатов исследования показал, что у младших школьников с СДВГ преобладают высокие показатели склонности к саморазрушающему (33,3%), гиперсоциальному (38,9%) и некритичному (16,7%) поведению. Они провоцируют своим поведением окружающих на причинение себе вреда или же занимаются самоповреждением, участвуют в конфликтных ситуациях, вмешиваются в посторонние ссоры, не упускают возможности участия в разборках, неосмотрительны и не могут оценить сложность ситуации и возможные последствия, а также им свойственна неразборчивость и легкомысленность.

Также было выявлено, что у детей с СДВГ наряду с высокими, встречаются и низкие показатели склонности к зависимому и беспомощному (44,4%), агрессивному (16,7%) и некритичному (16,7%) поведению. Данный факт свидетельствует о конфликтности таких детей в сочетании с пассивностью, вялостью и низкой мотивацией достижения. Они тяжело воспринимают замечания и критику в свой адрес, обижаются на окружающих и закрываются от общества.

У 33,3% детей с СДВГ встречаются низкие показатели реализованной виктимности, поэтому они часто избегают конфликтных ситуаций из-за внутренней напряженности и низкой самооценки.

Сравнительный анализ высоких результатов младших школьников с СДВГ с данными детей группы нормы показал, что детям с СДВГ наиболее свойственно давать социально желательные ответы на вопросы, что свидетельствует о желании понравиться и угодить окружающим ($p=0,025$). У детей с СДВГ выявлены высокие показатели склонности к некритичному поведению ($p=0,026$) и реализованной виктимности, а также отмечены высокие показатели склонности к гиперсоциальному поведению ($p=0,038$) и склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению и ($p=0,042$).

Согласно полученным данным дети с СДВГ более возбудимы, имеют высокую внутреннюю тревожность и проявляют активность в поведении.

Таким образом, анализируя результаты нашего исследования, можно сделать заключение, что у младших школьников с СДВГ выявлены высокие показатели склонности к саморазрушающему и гиперсоциальному поведению в сочетании с низкими показателями склонности к агрессивному, некритичному, зависимому и беспомощному поведению, что должно быть учтено при разработке и проведении комплексной работы специалистов с такими детьми в системе образования.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ МЕДИАЦИИ В РОССИИ

Территориальная служба примирения и алгоритмы комплексной восстановительной работы по сложным ситуациям несовершеннолетних

Белоногова Е.В.

Кузбасский региональный центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Здоровье и развитие личности»
(г. Кемерово, Россия)

Самыми сложными для специалистов системы профилактики являются ситуации социального неблагополучия несовершеннолетних, когда нарушена коммуникация и разорваны отношения подростка с родными и социальным окружением: конфликтные, криминальные, проблемные школьные и семейные, где есть насилие или причинение вреда. Привычные способы работы обычно не разрешают их полностью или даже усугубляют. Удачной альтернативой является восстановительный подход (ВП-подход), который позволяет загладить вред и конструктивно разрешить ситуацию за счет организации условий для мирного диалога и приглашения участников в ответственную позицию.

Территориальная служба примирения (ТСП) – российский вариант организационной формы, реализующей принципы ВП-подхода и метод медиации для разрешения сложных ситуаций. В образовании она встраивается в систему психолого-педагогического сопровождения и профилактики правонарушений.

ТСП на базе Отдела восстановительных практик Кузбасского РЦППМС работает со сложными семейными и школьными ситуациями, групповыми конфликтами, правонарушениями с помощью различных видов ВП-программ: Восстановительная медиация, Круг сообщества, Семейный совет. Случаи поступают из образовательных организаций, отделов полиции по делам несовершеннолетних, от Уполномоченного по правам детей и др. В регионе разработаны нормативно-правовые документы, закрепляющие принципы организации, алгоритмы проведения и координацию ВП-работы, задающие основания для межведомственного взаимодействия.

Алгоритм работы с детьми и семьями в трудных жизненных ситуациях, состоящими на учёте в ПДН. Специалист ТСП проводит с инспекторами ПДН консультации: по сути ВП-подхода, кругу проблем и критериям направления семьи в ТСП, роли инспектора ПДН как куратора кейса. После анализа заявки ТСП проводит индивидуальные встречи с подростком и значимыми для него людьми, готовыми принять участие в разрешении его ситуации. Затем формируется повестка, выбираются ВП-технологии для проведения совместных встреч. Модель работы включает ВП-медиацию для восстановления нарушенных детско-родительских отношений и семейный совет с участием близкого окружения подростка. План

семейного совета может стать основой для Индивидуальной программы профилактики несовершеннолетнего.

Алгоритм работы по ситуации многоуровневого конфликта в образовательной организации в стадии эскалации. После анализа заявки куратор ТСП связывается с директором школы, назначает встречу и устанавливает с ним рабочий альянс. Важно, чтобы директор был на стороне мирных решений и поддерживал действия ТСП. Далее проводятся предварительные встречи с участниками ситуации, формируется повестка совместных встреч, составляется план ВП-работы. Модель работы включает последовательные Круги сообщества для администрации и специалистов, педагогов, родителей и учеников проблемного класса, ВП-медиацию между участниками конфликта, семинары по навыкам конструктивного общения для учеников и педагогов.

Ситуации, по которым также разработаны, апробированы и описаны алгоритмы комплексной ВП-работы ТСП: завершённый суицид в школе; правонарушения / преступления несовершеннолетних. В стадии апробации – алгоритм по ситуации подростка, состоящего на учете в ОПДН за ранее совершённое правонарушение, находящегося в конфликте с социальным окружением и имеющим проблемы с академической успеваемостью.

Социальные результаты комплексной ВП-работы ТСП: сохранение целостности семьи, её благополучного статуса; ответственность семьи и близкого окружения подростка за его социализацию, снижение риска совершения им правонарушений; усвоение конструктивных способов коммуникации при решении проблем детей, семьи и школы; восстановление мира в семье, благоприятного климата в школьных сообществах.

Перспективы семейной медиации в России

Вечерина О.П., Путалова И.Б.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Хотя семья остается одним из наиболее древних и традиционных институтов, «феномен семьи глубоко связан с темпоральностью, изменчив в меняющемся социально-экономическом и социально-политическом контексте» (Маккарти Дж., Эдвардс Р. 2018, с. 10). Традиционный патриархальный брак перестал быть единственно возможной моделью отношений, изменяются функции супругов в семье, исчезла «ясность поведенческого сценария брачной жизни и правил поведения» (Варга А.Я., Будинайте Г.Л. 2017, с. 9). Выделяют несколько «точек перелома», подорвавших господство патриархальной модели семьи и способствовавших ее новому пониманию: эмансипация женщин; урбанизация; прогресс медицины, рост продолжительности жизни и увеличение сроков фертильности; рост значимости

сексуальных отношений без деторождения; появление противозачаточных средств; легитимация разводов (там же, с. 10–12).

По данным Росстата, данные по динамике браков и разводов в Российской Федерации в течение многих лет относительно стабильны. Число разводов колеблется в пределах 600–700 000 в год, тогда как число браков — около миллиона. Поэтому семейные конфликты в ситуации развода и связанные с ними психологические, морально-этические, социальные и иные проблемы для всех участников этого процесса — одна из важнейших социально-психологических проблем для миллионов людей. Обращение к психологам для разводящейся пары перестало казаться экзотическим поступком, особенно если в конфликтную ситуацию вовлечены дети и другие близкие родственники. В то же время обращение к семейному медиатору пока не стало распространенной практикой. Вместе с тем, именно семейная медиация является одним из основных направлений деятельности медиаторов во всем мире. В практике российской семейной медиации работа медиатора приносит явные результаты, т.к. причины споров между близкими людьми часто кроются в эмоциональной сфере, поэтому с юридической точки зрения — будь то законные требования или поиски выгоды — эти конфликты часто неразрешимы.

Как отмечают исследователи, семейная медиация появилась в США еще в конце 1960-х гг., а с 1970-х гг. она стала развиваться и в Западной Европе. Постепенно семейные медиаторы стали заниматься не только разрешением споров при разводе и расставании супругов. В сферу их деятельности сегодня входят межпоколенческие конфликты, наследственные споры, конфликты со школой и органами социальной защиты, проблемы, связанные с приемными детьми, трансграничная медиация в рамках Гаагских конвенций и т.п. (Гордийчук Н.В., 2017). Однако в мире и в России наибольшую долю составляет медиация споров между расстающимися супругами (партнерами) с детьми (Гурко Т.А., 2016).

Обычно выделяют четыре этапа становления семейной медиации. На первом этапе медиацию открывают для себя профессионалы, занимающиеся семейными конфликтами. На втором этапе они объединяются в ассоциацию для внедрения и практической реализации медиации. На третьем этапе национальные и региональные органы власти осознают пользу медиации в качестве эффективного механизма разрешения конфликтов, связанных с разводом супругов и, как правило, связанным с этим разъездом членов распавшейся семьи. Наконец, на четвертом этапе принимаются юридические правила использования медиации в семейных, гражданских и коммерческих спорах. Первый шаг российскими медиаторами давно сделан. Необходимо двигаться дальше.

Литература

1. Варга А.Я., Будинайте Г.Л. Современный брак: новые тенденции // Системная психотерапия супружеских пар / Сост. А.Я. Варга. М.: Когито-Центр, 2017. С. 7–24.

2. Гордийчук Н.В. Особенности семейной медиации при разводах // Психология и психотерапия семьи. 2017. No 2. С. 12–21.
3. Гурко Т.А. Становление института медиации в сфере семейных споров в России: законы, теории и практики // Социологическая наука и социальная практика. 2016. Том 4. No 2(14). С. 40–69. doi: 10.19181/snsp.2016.4.2.4270.
4. Маккарти Дж.Р., Эдвардс Р. Исследование семьи: основные понятия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 342 с.

**Особенности применения медиативного подхода при разрешении
внутрисемейных конфликтов, связанных с зависимым поведением одного из
членов семьи и созависимым поведением остальных**

Власов И.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В настоящее время под влиянием социально-экономических преобразований количество конфликтов не уменьшилось, а конфликты, затрагивая различные сферы жизнедеятельности, стали все более сложными. Сфера семейных отношений не является исключением: повышенная конфликтогенность отмечается в отношениях между членом семьи с зависимым поведением (находится в процессе реабилитации) и членами, у которых отмечается созависимость. Под зависимостью одного из членов семьи необходимо понимать его аддиктивное поведение, влияющее на взаимоотношения с окружающими (Гринёва В.В., 2022).

Вследствие вовлеченности членов семьи в данную проблему происходит формирование такого психологического состояния, как созависимость. Созависимость – поведенческая форма взаимоотношений, при которой члены семьи сосредоточены на жизни зависимого, в частности, сконцентрированы на его проблемах, управляют поведением, перенимают ответственность, забывая про собственную личность, а также подавляют эмоции и игнорируют потребности и желания. Чаще всего в условиях реабилитационного состояния зависимого именно созависимые члены способствуют усилению проблемы, влияющей на разрастание конфликтной обстановки внутри семьи (Томчук Н.В., 2018).

Конфликт в данной семейной среде выступает средством для общения и взаимодействия, которые сопровождаются возрастающим внутрисемейным напряжением, нарастанием проблем и невысказанных переживаний, срывами зависимого, физическим недомоганием и болезнями у членов семьи, усилением созависимого поведения.

Специфичность данного рода конфликта порождает необходимость использования наиболее эффективных методов для его урегулирования. Одним из таких способов выступает медиативный подход, который рассматривается как технология разрешения конфликтов с участием независимой стороны – медиатора,

без проведения полноценной процедуры медиации. Модель «понимающей медиации» лежит в основе медиативного подхода, принципы которой позволяют сформировать взаимопонимание и сотрудничество между конфликтующими сторонами, а именно понимание основных проблем, установление диалога, принятие ответственности (Власова А.В., 2020).

В процессе использования медиативного подхода возможно применение следующих методов и инструментов: семейная дискуссия, моделирование ситуации, реконструкция семейных отношений, семейные расстановки по Б. Хелленгеру. Эко-техника способствует возможности зависимого и созависимых членов семьи высказать замолчанные проблемы, поделиться собственными чувствами и переживаниями, развить веру и уверенность в собственных силах. А резюмирование, как возможность подвести итог представленным проблемам и переживаний, представить наиболее важные моменты, влияющие на причины возникновения внутрисемейных конфликтов, а также самостоятельно осознать и принять собственный образ-Я (Шамликашвили Ц.А., Харитонов С.В., 2017).

Таким образом, можно утверждать, что использование представленных методов и инструментов медиативного подхода – путь к снижению внутрисемейной конфликтности: формированию понимания, установлению доверия, изменению представлений.

Литература

1. Власова А.В. Возможность применения медиации при разрешении семейных споров // Молодой ученый. 2020. No 2(292). С. 92–94.
2. Гринёва В.В. Самоповреждающее поведение как аддикция // Молодой ученый. 2022. No 28(423). С. 59–61.
3. Томчук Н.В. Теоретический анализ проблемы созависимости // Молодой ученый. 2018. No 48(234). С. 260–262.
4. Шамликашвили Ц.А., Харитонов С.В. Основания медиации. (Медиация как область научных исследований) // Вестник Федерального института медиации. 2017. No 1. С. 30–50.

Опыт работы независимой службы «Содействие» по преодолению конфликтов в школьной среде

Жбанникова Е.А., Полякова А.В., Шиянкова Е.Г.

Ассоциация профессиональных медиаторов Алтайского края
(г. Барнаул, Россия)

Конфликтов в школьной среде не становится меньше. Появляются новые формы (перепапки в родительских чатах, кибербуллинг в соцсетях и групповых чатах класса). К медиаторам, ведущим частную практику в Алтайском крае, стали поступать обращения от родителей. Один из основных запросов: "дети не умеют

дружить", "нет дружбы в классе", "по отдельности все дети хорошие, а когда собираются вместе – это безумие". Такие запросы стали поступать и от родителей учащихся начальных классов. Одна из причин подобных обращений - период ограничений, самоизоляции, связанной с COVID-19. Дети не имели возможности участвовать в совместных мероприятиях, выстраивать межличностное взаимодействие в стенах школы. По этой же причине возникла и разобщенность родителей учащихся, отсутствие понимания с классным руководителем.

Провести работу в полном объеме одному специалисту – достаточно сложная задача. Необходима команда. Так появилась идея о создании специальной независимой службы по работе с конфликтами в школьной среде «Содействие». Необходимо отметить, что в школах нашего города есть школьные службы примирения, но они либо прекратили свою деятельность по причине увольнения обученного сотрудника, либо проводят работу, но не в силах охватить весь объем поступающих запросов. Мы полагаем, что это и стало причиной обращения родителей и директоров школ к независимым специалистам.

Цель нашей деятельности – это снижение уровня конфликтности в школьной среде, формирование безопасного пространства для всех его участников, проведение профилактических кругов с целью предотвращения буллинга среди учащихся. При проведении встреч с детьми частая тема для обсуждения – это негативное отношение учителя или ученика к одному или нескольким одноклассникам. Можно утверждать, что такое явление как травля (буллинг) берет начало ещё в начальных классах (наш опыт работы во вторых и третьих классах это подтверждает). Мы стремимся активно вовлекать в нашу работу социальных педагогов и школьных психологов, представителей школьной администрации, чтобы они смогли отследить ход работы, получить практический опыт, увидеть возможные эффекты от работы с конфликтом с помощью восстановительных техник в медиации.

Работа нашей команды происходит в следующем порядке. Предварительные встречи с целью знакомства, получения согласия от всех участников школьного пространства, с которыми предстоит работа по конкретному случаю (директор школы, классный руководитель, родители /законные представители детей и иных представителей педагогического коллектива), на проведение работ и подготовку к совместным встречам в форме круга (Коновалов А.Ю., 2013, 2022). После получения согласия начинаем планирование работы со случаем. Это встречи с детьми, проведение «кругов» и дополнительных занятий, направленных на проработку проблемных вопросов, сближение класса, закрепление положительной динамики. Продолжительность работы в одном классе от 3 до 6 месяцев.

Независимая служба по преодолению конфликтов в школьной среде «Содействие» начала работу с 2018 года. За весь период, проведено около 200 занятий со школьниками. Приняты обращения от родителей из 16 разных школ города, с 7 школами (из 16) планируется работа на 2022 -2023 года. Количество обращений растёт с каждым годом. Это свидетельствует, о том, что у людей есть потребность в разрешении споров и конфликтов с помощью диалога и

сотрудничества. И это, безусловно, дарит надежду на более активное использование восстановительных техник, а также на укрепление новой культуры конфликта в обществе.

Литература

1. Коновалов А.Ю. Круги поддержки сообщества как форма урегулирования групповых конфликтов // Школьные технологии. 2013. № 5. С. 131–135.
2. Коновалов А.Ю. Школьные службы примирения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.8-926-145-87-01.ru/> (дата обращения: 08.10.2022).

Две медиации

Карнозова Л.М.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Медиация как процедура урегулирования конфликтов и сложных ситуаций с помощью нейтральной третьей стороны все более востребована в разных сферах: при урегулировании юридических споров, в школах, семьях, на рабочих местах, в уголовном правосудии. Постепенно медиация становится элементом права и в ситуациях, казалось бы, не предполагающих использования юридических процедур, поскольку включенность таких ситуаций в те или иные институциональные контексты (школа, семья, организация) ведет к интерпретации медиации как некоего «вмешательства», предполагающего «основания для применения» и регламентацию.

Сегодня насчитывается множество моделей и школ медиации, которые классифицируются по разным основаниям. Но развитие практики, сохраняя суть медиативного метода, преодолевает границы исходных классификаций. Однако язык норм требует обобщений и унификации.

Мы рассмотрим две парадигмы медиации не с точки зрения различия привычных моделей (чаще всего та или иная «новая» модель противопоставляется «классической медиации»), наше противопоставление иное: «медиация по урегулированию споров» и «восстановительная медиация» (Зер Х., 2015). При этом каждая из них фактически включает в свой инструментарий идеи и техники из разных известных моделей.

В сфере права термин «медиация» закрепился как «процедура альтернативного урегулирования споров», и такая трактовка незаметно перешла на медиацию в целом. Специфика восстановительной медиации складывалась в контексте восстановительного правосудия, где наибольшее распространение получила медиация между жертвой и правонарушителем. В уголовных делах «спор», который может быть урегулирован сторонами, касается, как правило, суммы и форм возмещения ущерба, причиненного преступлением, и здесь «медиация по урегулированию споров» уместна. Но главный правовой спор по уголовным делам (о виновности и

далее - о наказании) не является предметом урегулирования между обвиняемым и потерпевшим, это исключительное полномочие официального правосудия. Согласно международным рекомендациям условием применения медиации по уголовным делам является признание сторонами основных фактов дела.

Как показывает практика, мотивацией жертв для участия в медиации не всегда является возмещение материального ущерба. Здесь обсуждаются последствия случившегося и причиненный вред на языке чувств и человеческих отношений, что приводит к осознанию и заглаживанию правонарушителем причиненного вреда, преодолению враждебности и страха сторон и решению проблем, связанных с последствиями преступления. И «восстановление» трактуется иначе, нежели привычная формула защиты прав «путем восстановления положения, существовавшего до нарушения права» (ст. 12 ГК РФ). Восстановительная медиация не возвращает к положению «до», а ориентирована на складывание новых форм связанности между людьми за счет рефлексии, рождения новых смыслов и решений. Важнейшей чертой восстановительной медиации в отличие от медиации по урегулированию споров, которая может проводиться и между уполномоченными представителями сторон, является личное участие.

Восстановительная медиация используется как в правосудии, так и для урегулирования школьных, семейных и прочих конфликтов, где важны процессы восстановления субъектности и отношений, эмоциональные связи, диалог, ответственность, забота о будущем. Такие ситуации могут быть сведены и к понятию «спора». Но язык влияет на проведение процедуры и восприятие ее самими участниками, а подобная юридизированная трактовка препятствует восстановительному процессу.

Разумеется, в ряде случаев достаточно решения юридической задачи по урегулированию спора. При этом понимание парадигмальных различий не препятствует сочетанию разных элементов в рамках решения конкретных ситуаций.

Литература

1. Зер Х. Восстановительное правосудие, медиация и альтернативное разрешение споров // Вестник восстановительной юстиции. 2015. № 12. С. 10–11.

Восстановительная работа по ресоциализации женщин, освобождающихся из мест лишения свободы

Ковалева Ю.А.

Министерство социальной защиты Алтайского края

(г. Барнаул, Россия)

Восстановительные технологии распространяются в России в различных сферах человеческих взаимоотношений. В частности, ценности восстановления ответственности людей, диалога и мирного урегулирования конфликтов

востребованы в школах при организации работы в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. В регионах России развивается сеть школьных служб примирения.

В Алтайском крае восстановительные технологии применяются в работе специалистов социальных служб. Ежегодно не менее 250 восстановительных программ проводится по следующим категориям случаев: преступления и общественно опасные деяния несовершеннолетних, семейные конфликты и проблемные ситуации, конфликтные ситуации в образовательных организациях, преступления и административные правонарушения взрослых в отношении несовершеннолетних.

Начиная с 2021 года восстановительные технологии в Алтайском крае применяются в работе по ресоциализации женщин, освобождающихся из мест лишения свободы. В Алтайском крае находится несколько исправительных колоний.

Важным шагом стала реализация проекта «Вместе мы справимся!», поддержанного грантом Губернатора Алтайского края. Соисполнителями проекта выступают Алтайская региональная общественная организация «Рубикон», Министерство социальной защиты Алтайского края, Краевой кризисный центр для женщин, УФСИН России по Алтайскому краю. В центре внимания женщины, которые за время нахождения в колонии потеряли всякую веру не только в людей, но и в общество, любые его институты, злобно настроены, не верят ни в какое возможное хорошее отношение или интерес к ним.

В ходе экспериментального проекта удалось сформировать механизмы включения восстановительных технологий в процесс подготовки женщин к освобождению, который начинается в колониях, в подготовительную работу специалистов социальных служб с ближайшим социальным окружением женщин за полгода до их освобождения, а также в проведение общих семейных встреч после освобождения женщин. В настоящее время работа сотрудников колоний и социальных служб осуществляется с использованием восстановительной медиации, семейных конференций и кругов сообщества.

Особую роль в процессе организации данной работы играет Краевой кризисный центр для женщин.

Сотрудниками центра совместно со специалистами межведомственной рабочей группы разработан и реализован алгоритм межведомственного взаимодействия органов и учреждений, осуществляющих деятельность по ресоциализации женщин, освобождающихся из мест лишения свободы. Эта деятельность базируется на ценностях и принципах восстановительного подхода. В результате выстроена система передачи информации между пенитенциарным учреждением и комплексными центрами социального обслуживания, организовано проведение межведомственных рабочих совещаний, нацеленных на выстраивание работы с каждой освобождающейся женщиной.

Ресурсный центр в соответствии с разработанным алгоритмом осуществляет поддержку ведущих восстановительных программ на всех этапах работы;

разрабатывает документы для специалистов, чтобы налаживание утраченных за время изоляции женщины социальных связей и навыков проходило более эффективно. Помимо организационной деятельности ресурсный центр оказывает консультативную и супервизорскую поддержку специалистам. Организация обучения, разборы случаев, анализ сложных ситуаций способствовали развитию профессиональных компетенций специалистов, включенных в работу с освобождающимися женщинами.

Планируется создание соответствующей нормативно-правовой базы. Будут утверждены разработанные в ходе проекта регламенты работы специалистов и порядок межведомственного взаимодействия по ресоциализации женщин, освобождающихся из мест лишения свободы, а также организована работа на всей территории Алтайского края.

Развитие медиации в образовательных учреждениях

Королева Ю.В.

СПБ ГБ ПОУ «Радиотехнический колледж»

(г. Санкт-Петербург, Россия)

Активное развитие школьных служб примирения в нашей стране было инициировано в 2012 году на самом высоком уровне. Много сделано - разработаны стандарты и положения школьных служб примирения (ШСП), организована их работа в школах.

При этом есть ряд вопросов, требующих активного участия профессионального сообщества для обсуждения и формирования законодательной и нормативно правовой базы работы таких служб в образовательных учреждениях. Закон о медиации (Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ) не может быть основой для работы ШСП, так как конфликты и споры в образовательных организациях не попадают под его регулирование. Таким образом, медиация в школе приводиться может, однако законодательного регулирования не имеет. Использование классической процедуры медиации в школе со строгим соблюдением принципов добровольности, равноправия сторон, конфиденциальности, независимости и беспристрастности посредника представляется практически нереализуемым. Кроме того, для разных споров и ситуаций оптимально использовать и другие подходы, например, авторский метод медиативных технологий (Шамликашвили Ц.А, 2017), восстановительный подход (Коновалов А.Ю., 2014), совокупность коммуникативных техник. Представляется целесообразным адаптировать процедуру медиации и подготовку специалистов с учетом специфики проведения примирительных процедур в образовательных учреждениях, формировать интегративный подход.

Активное использование онлайн-технологий при проведении примирительных процедур расширяет практику и открывает возможности их применения в условиях эпидемиологических ограничений, а также делает доступным участие экспертов и специалистов из других локаций для проведения процедур и супервизии. В

настоящий момент есть потребность в правовом регулировании процедур, осуществляемых в онлайн-режиме. Специфика проведения удаленных процедур, разнообразные технические и технологические решения, а также возникающие в этом процессе сложности, ставят на повестку дня разработку программ дополнительного обучения для работы в онлайн-режиме.

С нашей точки зрения, имеет смысл системно проанализировать понятийный аппарат, уточнить существующие понятия и разработать недостающие с учетом особенностей урегулирования конфликтов и споров с участием школьников, специфики проведения процедуры, оформления результатов и способов контроля выполнения договоренностей (в случае их достижения).

Прохождение сотрудниками образовательных учреждений стандартных базовых курсов по подготовке медиаторов целесообразно дополнить программой повышения квалификации, в том числе программами по обучению различным примирительным технологиям, практикам и особенностям их проведения в онлайн-режиме.

Литература

1. Коновалов А.Ю. Школьная служба примирения и восстановительная культура взаимоотношений: практическое руководство / Под общ. ред. Л.М. Карнозовой. Издание второе, доработанное. М.: Судебно-правовая реформа, 2014. 306 с.
2. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) [электронный ресурс]: Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ: последняя редакция // КонсультантПлюс: надежная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 07.10.2022).
3. Шамликашвили Ц.А. Медиативный подход и его возможности в развитии человеческого капитала и совершенствовании общественных отношений // Вестник Федерального института медиации. 2017. №3. С. 10–25.

Понятие и особенности проведения медиатируемых переговоров

Макаров С.Ю.

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е.

Кутафина»

(г. Москва, Россия)

Представительство адвокатом интересов сторон медиации возможно в двух формах:

сопроводительной (с присутствием доверителя) и
заместительной (в отсутствие доверителя).

Осуществление адвокатом в рамках медиации представительства в заместительной форме, формально допустимое и соответствующее правилам медиации, по существу выходит за рамки медиации (за исключением случаев, когда

стороной медиации является юридическое лицо - организация (предприятие, учреждение) или орган).

Вместе с тем ситуация, когда имеет место заместительное представительство адвокатами интересов всех сторон медиации, совершенно иначе - весьма положительно - может быть оценено в ином качестве - как участие адвокатов в *медиатируемых переговорах*.

Медиатируемые переговоры можно определить как переговоры, проводимые сторонами с участием нейтрального третьего лица, которое с помощью применения медиативных техник выступит в роли организатора и (при необходимости) модератора этих переговоров.

В России подобный вид переговоров не получил достаточного развития. В то же время в зарубежных странах данный вид переговоров (mediated conversation) востребован и в связи с этим уже достаточно освещен в литературе.

Отличие медиатируемых переговоров от иных переговоров состоит в том, что в них наряду со сторонами принимает участие указанное третье лицо. В международной практике это лицо именуется «ombudsperson», что переводится чаще всего как «омбудсмен».

Отличие медиатируемых переговоров от медиации заключается в двух аспектах.

Во-первых, медиатируемые переговоры могут начать и провести только стороны, по определению уже одинаково заинтересованные в достижении соглашения - и для того, чтобы достижение этого соглашения не сорвалось из-за самих сторон, они (стороны) приглашают третье лицо, которое с помощью имеющихся у него знаний, умений и навыков могло бы модерировать ход переговоров, помогая сторонам договариваться, совместными усилиями преодолевая возникающие препятствия.

Во-вторых, роль этого третьего лица принципиально отлична от роли медиатора: это лицо помогает сторонам наладить коммуникацию непосредственно на переговорной встрече, но не проводит полностью последовательно все фазы, предусмотренные в процедуре медиации, и если коммуникация стабильно налажена - его участие заканчивается; если же коммуникация налажена, но нестабильна - это третье лицо может инициативно участвовать в переговорах, стремясь выправить ситуацию и восстановить (или укрепить) коммуникацию.

Разумеется, и в принципе участие третьего лица (омбудсмена) в переговорах, и границы его участия, и моменты его вступления в переговоры и его выхода из переговоров должны быть определены сторонами и согласованы с самим омбудсменом.

Кроме того, очевидно, что это третье лицо не должно предлагать варианты договоренности между сторонами и не должно оценивать варианты, предлагаемые и обсуждаемые самими сторонами: фактор экспертности этого лица в данном случае так же нежелателен, как и фактор экспертности медиатора при проведении им процедуры медиации.

Медиатируемые переговоры в практической деятельности ценны тем, что третьему лицу для участия в них не требуется соблюдение каких-либо формальных условий, в частности - наличие статуса медиатора; достаточно знакомства этого лица с медиативными техниками и умения применять их.

В то же время весьма желательно, чтобы это третье лицо имело профессиональное образование по предмету переговоров, чтобы иметь возможность оценивать их ход. Особенно это важно при обсуждении юридически значимых тем.

Наличие у омбудсмена знаний медиативных техник отличает его от посредника, который мог бы способствовать организации и проведению переговоров.

Таким образом, роль медиатора в медиатируемых переговорах меньше, чем в медиации, поскольку стороны имеют и проявляют большую инициативу (что приближает их к классическим переговорам в их различных вариациях), и медиатор лишь организует их общение (что приближает их к медиации), а далее, если стороны не возражают и не просят его удалиться - присутствует на переговорах и в необходимых случаях помогает преодолевать осложнения в общении.

Медиативные технологии в работе с родителями обучающихся в школах и учреждениях СПО

Пан Н.В.

Красноярский финансово-экономический колледж – филиал ФГБОУ ВО
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
(г. Красноярск, Россия)

Современный мир ставит перед образованием новые задачи. Изменения социально-экономической ситуации в стране, принятие новых законов в сфере образования и воспитания, трудности жизненных и социальных условий современной семьи диктуют не только необходимость корректировки целей образования, но и совершенствование психолого-педагогического обеспечения образовательной деятельности.

В. А. Сухомлинский, создатель педагогической системы, основанной на признании личности ребёнка высшей ценностью, сказал: «Только вместе с родителями, общими усилиями учителя могут дать детям большое человеческое счастье». Его слова отражают принцип, утвердившийся сегодня в работе российских школ и актуальный для популярного сегодня направления – среднего профессионального образования (СПО).

При поступлении ребенка в образовательное учреждение СПО родители дают ему возможность выбрать профессию самостоятельно, что не всегда приводит к успеху. В процессе обучения у ребят возникают различные трудности, вызывающие недопонимание и встречный запрос у родителей.

Семья – основная движущая сила, оказывающая на ребенка огромное влияние. Чтобы это влияние оказывалось грамотно, важно взаимодействие семьи и образовательного учреждения (ОУ), совместное решение поставленных задач,

взаимодополняемость в созидании личности ребенка.

Медиативные технологии (МТ) – это совокупность техник, методов, приемов медиации для предупреждения и разрешения конфликтов, выработки взаимоприемлемого и взаимовыгодного решения, а также с целью сохранения и (или) восстановления отношений с окружающими.

Использование МТ позволяет осуществлять коррекцию нарушенной или деформированной коммуникации, создавать условия для понимания сторонами самих себя и друг друга, повышать качество общения участников процесса.

Обеспечить эффективную систему взаимодействия семьи и ОУ можно через введение служб медиации в состав социально-психологических служб ОУ.

Если работу строить на выявлении и учете потребностей и интересов родителей, прогнозируемым результатом будет активное участие родителей в совместной деятельности, рост численности родителей, посещающих просветительские мероприятия, удовлетворенность участников образовательного процесса организацией образовательной среды.

Выстраивание работы с родителями с использованием МТ можно реализовывать через такую форму работы, как родительская гостиная (Пан Н.В., 2022). На основе полученных запросов формируется программа встреч родителей с профильными специалистами и/или администрацией ОУ. Родительская гостиная становится эффективной площадкой для обсуждения вопросов воспитания обучающихся и получения обратной связи от родителей.

Использование МТ профильными специалистами позволит сопровождать родителей в процессе воспитания ребенка, помочь разобраться в сложных ситуациях, возникших в семье, закрепить навыки верных действий.

Литература

1. Пан Н.В. Новые подходы в работе с родителями учащихся школы: использование медиативных технологий // Медиация в образовании: поликультурный контекст: материалы III международной конференции: Красноярск, 27–29 сентября 2021 / Отв. ред. О.Г. Смолянинова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2022. С. 173–176.
2. Территориальные службы примирения: условия функционирования и организационное устройство: сборник материалов / Сост. Л.М. Карнозова. М.: Судебно-правовая реформа, 2015. 184 с.

К вопросу об информационной безопасности онлайн-медиации

Потемина М.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Онлайн-медиация за последнее время набирает популярность, так как кажется привлекательной, удобной, а также обыденным явлением, как и сам Интернет. В то время она представляет собой источник серьезного беспокойства. К сожалению, технологии видеоконференций подвержены потенциальным возможностям для кибератак и других враждебных хакерских атак, направленных на небезопасные системы и приложения, тем самым вызывая серьезные проблемы в сохранении конфиденциальности данных.

На сегодняшний день важной проблемой остается организация информационной безопасности при онлайн-медиации, в первую очередь для самого медиатора, так как нет четких правил для обеспечения и сохранности конфиденциальности в процессе онлайн процедуры. Также существует проблема и для самих участников онлайн-медиации, которая может впоследствии нанести ущерб репутации путем публичного распространения конфиденциальных данных, при этом практически невозможно как-то предотвратить такое незаконное поведение лиц, совершающие кибератаки.

Под кибератаками мы понимаем события, целью которых является нарушение целостности, конфиденциальности или доступности системы. Согласно действующему ФЗ № 193 от 27.06.2010 г., стороны нельзя заставить давать показания относительно информации, возникающей в результате медиации или самого процесса, а так как мы говорим об онлайн-платформах и специальных приложениях, мы предполагаем, что данные, созданные при видеоконференции в процедуре онлайн-медиации, хранятся где-то на веб-сервере. Другими словами, существует цифровой след, остающийся после каждого сеанса. Это снова подводит нас к вопросу о доверии: какова вероятность того, что информация, хранящаяся на сервере, не будет передана, просочится или иным образом окажется доступна третьей стороне? Нарушения конфиденциальности оказывают долгосрочное негативное влияние на репутацию медиатора, проводящего онлайн-медиацию, а также участников процедуры, и это может вызвать дорогостоящие судебные разбирательства.

В профессиональном стандарте медиатора №1041н от 15.12.2014 г. трудовые действия, необходимые умения и знания медиатора при использовании онлайн-технологий не описаны. В то же время, хотя медиатор не должен рассматриваться как ИТ-консультант, но обеспечить информационную безопасность на время проведения онлайн-медиации ему необходимо.

Наиболее важным становится способность медиаторов научиться новым приемам в онлайн-процедурах, чтобы обеспечить безопасность, конфиденциальность, качество и успех процедуры, а для этого необходимы поправки в действующий ФЗ №193 и профессиональный стандарт медиатора, где будут описаны порядок и требования к проведению онлайн-медиации.

Онлайн-медиация скорее всего сохранится, однако ее точные перспективы далеко не ясны. Также онлайн-угрозы и кибератаки будут продолжаться и представлять собой новую область угроз, возникающих в результате гибридных конфликтов.

Литература

1. Актуальные киберугрозы: итоги 2021 года [Электронный ресурс] // Positive Technologies. 2022. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2021> (дата обращения: 22.09.2022).
2. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. N 193-ФЗ: с изменениями и дополнениями // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/12177508/> (дата обращения 22.09.2022г.)
3. Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в области медиации (медиатор)» [Электронный ресурс]: приказ Минтруда России от 15.12.2014 N 1041н: ред. от 12.12.2016: зарегистрировано в Минюсте России 29.12.2014 N 35478 // КонсультантПлюс: надежная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/document> (дата обращения 22.09.2022).
4. Шувалова М. Когда в России появится онлайн-сервис для рассмотрения споров в сфере защиты прав потребителей? [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. 2021. URL: <https://www.garant.ru/news/1457988> (дата обращения: 22.09.2022).

Возможности медиации при разрешении конфликтов в студенческой среде

Федотов Н.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Конфликт присущ человеческой природе, и поэтому он существует во всех сферах нашей жизни и студенческая среда – не исключение. Причинами конфликтов в студенческой среде обычно являются личные антипатии, различие точек зрения на содержание групповых ценностей, а также состояние высокого психического напряжения членов группы. Но более всего они связаны с учебным процессом и с личными причинами социального и психологического характера (Андреев В.И., 2015). Люди по-разному разрешают свои спорные ситуации, начиная от переговоров и заканчивая рукоприкладством. Основными способами разрешения конфликтов являются административные и судебные. Но есть ещё медиация, и как мы можем увидеть в различных источниках, внедрение медиации в студенческую среду положительно влияет на разрешение конфликтов между студентами (Parker С., Vickmore К., 2020, Francke E., 2022).

Методы медиации носят глобальный характер, способствуют созданию безопасной среды, повышают уровень эмпатии, создают атмосферу сотрудничества, уменьшают конфликтность среды. Такое образовательное учреждение, как университет, не может упускать возможность влиять на одну из своих основных

функций с помощью медиации. Это задача, которую должно выполнять всё университетское сообщество, в том числе, чтобы предлагать более качественные услуги. (Villaluenga L.G., 2009). Ставка на медиацию включает различные направления деятельности, такие как: профилактика путём обучения, действия при совместном управлении конфликтами и распространение медиации в учебной среде. Внедрение медиации в университете должно улучшить университетскую среду, поскольку медиация направлена на предоставление эффективных механизмов для демократического формулирования моделей сосуществования и увязывающих их с концепцией качества, которую защищает ВУЗ. Такие университеты как Гарвардский, Сиракузский, Северо-Западный уже разработали образовательные курсы и практические мероприятия по разрешению конфликтов, основываясь на принципах медиации. (Katz N., 2017).

В Московском государственном психолого-педагогическом университете медиация представлена в двух магистерских программах и двух курсах повышения квалификации. Результаты опросов выпускников этих обучающих программ подтверждают полезность методов медиации для разрешения конфликтов в социальной среде (Вечерина О.П., Путалова И.Б., 2021). С целью выявления преимуществ данных методов для студентов начальных курсов, предлагается апробировать обучение данной возрастной группы медиации и медиативным технологиям.

Внедрение медиации в студенческую среду поможет студентам самостоятельно урегулировать конфликты своих друзей и сверстников, а также находить благоприятный выход из спорных ситуаций в своей жизни. Применение полученных навыков на практике уменьшит количество конфликтов непосредственно в университете и снизит нагрузку на службу психологической поддержки университета.

Литература

1. Андреев В.И. Педагогическая эвристика для творческого саморазвития многомерного мышления и мудрости: монография. Казань: Центр инновационных технологий, 2015. 286 с.
2. Вечерина О.П., Путалова И.Б. Проблемы профессиональной подготовки медиаторов в России // Современное образование. 2021. No 1. С. 1–13. doi: 10.25136/2409-8736.2021.1.34746.
3. Francke E. A position paper on the role of mediation in resolving conflict between student and supervisor at university // Academia Letters. 2022. Article ID 4908. 6 p. doi: 10.20935/AL4908.
4. García Villaluenga L. Mediation in university communities: the experience of the Universidad Complutense de Madrid // Conflictology. 2009. No 1. P. 75–81.
5. Katz N. Mediation and dispute resolution services in higher education // The Mediation Handbook: Research, Theory and Practice / Ed. A. Georgakopoulos. New York: Routledge, 2017. P. 176–184. doi: 10.4324/9781315648330-19.

6. Parker C., Bickmore K. Complexity in restorative justice education circles: power and privilege in voicing perspectives about sexual health, identities, and relationships // Journal of Moral Education. 2021. Vol. 50. No 4. P. 471–493. doi: 10.1080/03057240.2020.1832451.

Особенности проведения программ примирения по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних против собственности

Хованская Т.В.

ГБУ Архангельской области для детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи,

Центр психолого-медико-социального сопровождения «Надежда»

(г. Архангельск, Россия)

Преступления несовершеннолетних – это одна из наиболее значимых проблем в современном обществе. В практике проведения программ примирения по уголовным делам в отношении несовершеннолетних нередко приходится сталкиваться с преступлениями против собственности.

Многие несовершеннолетние на момент совершения преступления понимают, что совершают противоправный поступок, за который могут быть наказаны, однако часто оценка подростка бывает не совсем адекватной в связи с отсутствием жизненного опыта, а предвидение последствий неправильным. Также мало кто из несовершеннолетних задумывается, какую значимость, ценность, а, может быть, и необходимость представляет украденное имущество для его собственника. И это довольно важный аспект, как в вопросе собственной внутренней оценки подростком причиненного им вреда, так и осмысленности его заглаживания.

Пример положительного результата акцентирования внимания медиатором на значимость украденного имущества для потерпевшего в ходе программы примирения можно привести в случае с несовершеннолетним Ж. (16 лет), который по предварительному сговору со своим другом Б. (13 лет), тайно похитили портативную аудиосистему «Surra» у пожилой женщины 73 лет.

Музыкальную колонку в короткий срок нашли правоохранительные органы, и несовершеннолетний Ж. сразу признался, что её присвоил. Подросток испытывал потребность принести извинения за содеянное, как-то заглавить причиненный вред, однако чувство стыда не давало ему этого сделать до момента встречи с потерпевшей на программе примирения.

На вопрос «Что сделать, чтобы подобная ситуация не повторилась в жизни?», несовершеннолетний Ж. озвучил такие выводы:

- не брать чужого;
- устроиться на подработку: «вещи, которые мне нравятся, покупать на собственные деньги»;
- думать о последствиях;

- лучше учиться;
- не общаться с плохими ребятами.

В случае невозможности проведения встречи сторон медиатор предлагает участникам конфликта принять участие в челночной медиации.

Например, несовершеннолетний обвиняемый украл у потерпевшей стороны мобильный телефон. Несовершеннолетнему Е. было предложено написать потерпевшему письмо. В письме Е. выразил свои сожаления, рассказывал о мотивах совершенного проступка, принес извинения о содеянном потерпевшему. Извинения потерпевшей стороной были приняты.

Приобретение новых навыков решения проблемной ситуации, возможность высказаться и выслушать другую сторону, выразить свои чувства и мысли, услышать и понять важность украденного имущества для потерпевшей стороны помогают несовершеннолетнему правонарушителю/обвиняемому прочувствовать ту силу воссоединяющего стыда (Брейтуэйт Дж., 2002), который задает новые, положительные, перспективы в сознании подростка: «я не повторю подобный поступок, так как вещи могут представлять для человека особую ценность»; «я буду вспоминать об этой встрече, когда передо мной встанет выбор брать или не брать чужое».

Литература

1. Брейтуэйт Дж. Преступление, стыд и воссоединение / Пер. с англ. Н.Д. Хариковой; под общ. ред. М.Г. Флямера; коммент. Я.И. Гилинского. М.: Судебно-правовая реформа, 2002. 310 с.

СПИСОК АВТОРОВ

Адмакина Татьяна Анатольевна, доцент НОУ ВО «Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов», кандидат психологических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

Агафонов Леонид Николаевич, магистрант факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Алигаева Нигар Назимовна, преподаватель Академии ФСИН России (г. Рязань, Россия)

Андреанов Михаил Семенович, ведущий научный сотрудник отдела психологического обеспечения прокурорской деятельности ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Арефинкина Екатерина Геральдовна, заведующая кафедрой уголовного права и процесса Сочинского института (университета) ФГАОУ ВО "Российский университет дружбы народов", кандидат юридических наук (г. Сочи, Россия)

Бадмаева Валентина Дорджиевна, руководитель отдела социальных и судебно-психиатрических проблем несовершеннолетних, ФГБУ "НМИЦ ПН им. В.П.Сербского" МЗ РФ, доктор медицинских наук (г. Москва, Россия)

Баламут Александр Николаевич, ведущий научный сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский институт ФСИН России», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Белодед Диана Роналдовна, аспирант ФГБОУ ВО КГУ им. К.Э. Циолковского" (г. Калуга, Россия)

Белоногова Елена Валентиновна, руководитель отдела восстановительных практик, медиации и служб примирения ГОО "Кузбасский РЦППМС", кандидат психологических наук (г. Кемерово, Россия)

Бобровникова Анна Сергеевна, Талдомская ЦРБ, медицинский психолог (г. Талдом, Московская область)

Бодрова Ольга Константиновна, младший научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Богданович Наталья Викторовна, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Бойкина Екатерина Эдуардовна, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Бокова Наталья Владимировна, начальник отделения психологического обеспечения ФКУ "Уголовно-исполнительная инспекция" УФСИН России по г. Москве (г. Москва, Россия)

Борисова Дарья Павловна, главный специалист ФКУ «Центральная нормативно-техническая лаборатория Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Москва, Россия)

Борисова Светлана Евгеньевна, доцент ФГКОУ ВО «Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова», кандидат психологических наук (г. Орёл, Россия)

Бородина Любовь Георгиевна, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат медицинских наук, доцент (г. Москва, Россия)

Бочкова Маргарита Николаевна, магистр психологии (г. Москва, Россия)

Бригадиренко Наталья Владимировна, заместитель директора ГАОУ СО "Музыкально-эстетический лицей им. А.Г. Шнитке", (г. Энгельс, Россия)

Булыгина Вера Геннадьевна, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», руководитель Лаборатории психогигиены и психопрофилактики ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, доктор психологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Бусарова Ольга Ренатовна, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Ваганова Регина Маратовна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Васильева Валерия Александровна, педагог-психолог ГБПОУ г. Москвы «Колледж по подготовке социальных работников» (г. Москва, Россия)

Вартанян Гаянэ Аршалуисовна, научный сотрудник ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», кандидат психологических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

Васкэ Екатерина Викторовна, доктор психологических наук, кандидат философских наук, главный научный сотрудник РФЦСЭ при Минюсте России, главный эксперт ГБУ г.Москвы «Московский исследовательский центр», профессор ФГАОУ ВО «НИНГУ им.Н.И.Лобачевского», руководитель Центра юридической психологии, доктор психологических наук, кандидат философских наук (г. Москва, Россия)

Вахнина Виктория Владимировна, профессор Академии управления МВД России, доктор психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Вечерина Ольга Павловна, доцент кафедры медиации в социальной сфере факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат исторических наук (г. Москва, Россия)

Власов Иван Владимирович, магистрант факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Воронова Елизавета Алексеевна, студентка Российского университета дружбы народов (г. Москва, Россия)

Воронова Юлия Владимировна, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации», кандидат психологических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

Галанина Николь Андреевна, студентка факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Ганузин Валерий Михайлович, доцент Ярославского государственного медицинского университета, кандидат медицинских наук, доцент (г.Ярославль, Россия).

Гребень Наталия Федоровна, научный сотрудник ГУ «Республиканский научно-практический центр психического здоровья» (г. Минск, Республика Беларусь)

Григорова Зинаида Николаевна, доцент кафедры общей и прикладной психологии ФГБОУ ВО "Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет, кандидат социологических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

Григорьева Мария Александровна, адъюнкт Академия управления МВД России (г. Москва, Россия)

Гриненко Ульяна Богдановна, аспирант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Гусева Анастасия Сергеевна, адъюнкт кафедры юридической психологии и педагогики Академия ФСИН России (г. Рязань, Россия)

Гурина Оксана Дмитриевна, главный эксперт ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Дворянчиков Николай Викторович, декан факультета юридической психологии, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Дебольский Михаил Георгиевич, профессор кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Делибалт Варвара Васильевна, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Демина Анастасия Валерьевна, психолог ГБУ ВО "Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей" (г. Воронеж, Россия)

Денисов Егор Владимирович, советник Адвокатского кабинета Александры Кузнецовой (г. Санкт-Петербург, Россия)

Дока Наталья Владиславовна, адъюнкт Академии ФСИН России (г. Рязань, Россия)

Донец Мария Евгеньевна, студентка ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский университет» Минздрава России (г. Самара, Россия)

Донская Анастасия Павловна, студентка факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Дягилев Александр Викторович, студент факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Дозорцева Елена Георгиевна, профессор кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», заведующая лабораторией психологии детского и подросткового возраста, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, доктор психологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Дыденкова Ева Александровна, выпускница магистратуры ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Ефимкина Надежда Владимировна, доцент Московского Университета МВД России, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Жбанникова Елена Александровна, Ассоциация профессиональных медиаторов Алтайского края (г. Барнаул, Россия)

Жирнова Ольга Владимировна, младший научный сотрудник Лаборатории экспериментальной патопсихологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Заргаров Александр Викторович, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии права и управления ФСИН России (г. Рязань, Россия)

Захарова Илона Васильевна, студентка ФГАОУ ВО Северо-Восточный Федеральный Университет (г. Якутск, Россия)

Зейгер Маргарита Владимировна, Медицинский психолог ФГБУ "Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П.Сербского" Минздрава России, (г. Москва, Россия)

Зенина Марина Анатольевна, начальник отдела ГБУ ВО "ЦППиРД" (г. Воронеж, Россия)

Злоказов Кирилл Витальевич, начальник научно-исследовательского отдела ФГКОУ ВО СПбУ МВД России, кандидат психологических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Иванова Елена Анатольевна, директор Благотворительного фонда в поддержку материнства "Быть мамой", магистрантка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Иванова Елена Николаевна, научный консультант МБУ ДПО УМЦ г.Реутов, кандидат психологических наук (г. Реутов, Россия)

Ильина Валентина Анатольевна, доцент кафедры организации и методики уголовного преследования Иркутского юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации», кандидат психологических наук, доцент, юрист 1 класса (г. Иркутск, Россия)

Ильиных Наталья Анатольевна, преподаватель кафедры юридической психологии и педагогики Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (г.Рязань, Россия)

Кадочникова Ирина Владимировна, преподаватель ФГБОУ ВО "Челябинский государственный университет" (г.Челябинск, Россия)

Карпова Анна Владимировна, Главное управление криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Кашкина Ирина Николаевна, начальник психологической службы УФСИН России по г. Москве. (г. Москва, Россия)

Кириленко Екатерина Александровна, студентка факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Киселев Константин Анатольевич, аспирант ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Колодкина Дарья Александровна, выпускница магистратуры ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Кондаурова Ольга Петровна, доцент ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», кандидат психологических наук (г. Ижевск, Россия)

Коноплева Инга Николаевна, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Королева Юлия Вячеславовна, служба медиации СПб ГБ ПОУ «Радиотехнический колледж»» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Косыгина Светлана Викторовна, преподаватель ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя» (г. Москва, Россия)

Кроз Михаил Владимирович, ведущий научный сотрудник ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Кузнецов Михаил Иванович, доцент Академии ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент (г. Рязань, Россия)

Кузьмина Мария Дмитриевна, магистрантка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Кулаков Сергей Сергеевич, научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Кулькова Жанна Геннадьевна, методист МБУ ДПО «Центр развития образования» (г. Челябинск, Россия)

Куприянова Екатерина Анатольевна, психолог учебно-производственной лаборатории факультета юридической психологии, ст. преподаватель кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», (г. Москва, Россия)

Купцова Дарина Михайловна, преподаватель кафедры клинической и судебной психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», (г. Москва, Россия)

Куценко Юлия Васильевна, аспирантка Северо-Кавказского социального института (г. Ставрополь, Россия)

Лановая Алеся Михайловна, научный сотрудник Национального научного центра наркологии – филиал ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» (г. Москва, Россия)

Леви Максим Владимирович, начальник группы разработки методического обеспечения ООО "Инновационные психотехнологии", кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Левин Леонид Маркович, аспирант ГБОУ ВО МО «Московский государственный областной университет»» (г. Москва, Россия)

Ложкина Наталья Владимировна, старший научный сотрудник Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Луковцева Зоя Вячеславовна, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Макаров Сергей Юрьевич, доцент кафедры адвокатуры Университета им. О.Е. Кутафина, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Мельникова Дарья Вячеславовна, специалист по УМР, старший преподаватель ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Мельцева Александра Олеговна, студентка Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Мешкова Наталья Владимировна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии факультета социальной психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Михайлова Светлана Юрьевна, преподаватель кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия)

Михайлова Юлия Андреевна, старший инспектор технико-криминалистического управления Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Морозова Марина Валентиновна, старший научный сотрудник, заведующая Отделением психологии ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Морщакина Мария Сергеевна, старший специалист группы по связям со СМИ УМВД России по городу Магнитогорску, адъюнкт Академия управления МВД России (г. Магнитогорск, Россия)

Насонова Дина Викторовна, зав. отделом ГБУ Воронежской области «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей» (г. Воронеж, Россия)

Нестерова Татьяна Сергеевна, студентка факультета подготовки следователей ФГКОУ ВО "Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации" (г. Санкт-Петербург, Россия)

Нечаева Анастасия Николаевна, EMDR терапевт, частная практика, магистр психологии (г. Москва, Россия)

Нечесова Светлана Валерьевна, студентка факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Ноздрачев Дмитрий Игоревич, ФГБУ "НМИЦ ПН им. В.П. Сербского" Минздрава России, ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России, ординатор, преподаватель (г. Москва, Россия)

Носс Игорь Николаевич, ведущий научный сотрудник ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, доктор психологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Нуцкова Елена Владимировна, научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Орлова Елена Александровна, профессор Института общественных наук РАНХИГС, доктор психологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Ошевский Дмитрий Станиславович, старший научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Пан Наталия Владиславовна, и.о. руководителя Центра социальной и воспитательной работы Красноярского финансово-экономического колледжа (г. Красноярск, Россия)

Полкунова Елена Владленовна, ведущий государственный судебный эксперт ФБУ Тамбовская лаборатория судебной экспертизы Минюста России (г. Тамбов, Россия)

Полякова Анастасия Вячеславовна, Ассоциация профессиональных медиаторов Алтайского края (г. Барнаул, Россия)

Пешкова Наталия Владимировна, руководитель МБУ ДПО УМЦ г. Реутов, председатель Совета руководителей замещающих семей Московской области (Московская область, Россия)

Переправина Юлия Олеговна, научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Пимонов Владимир Александрович, доцент кафедры юридической психологии и права, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат юридических наук (г. Москва, Россия)

Плахина Анна Анатольевна, старший инспектор отдела процессуального контроля за расследованием преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних, управления процессуального контроля за расследованием отдельных видов преступлений Следственного комитета Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Поздняков Вячеслав Михайлович, заместитель декана факультета экстремальной психологии по научной работе, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», доктор психологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Пономарева Екатерина Сергеевна, аспирантка факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Попова Ирина Сергеевна, студентка факультета дистанционного обучения ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Дильхайм, Германия)

Потапов Алексей Михайлович, студент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Потемина Мария Александровна, магистрантка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Проничева Мария Михайловна, младший научный сотрудник, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, (г. Москва, Россия)

Путалова Ирина Борисовна, доцент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат педагогических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Пятакова Агата Сергеевна, магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Распопин Евгений Владимирович, доцент кафедры философии, психологии и гуманитарных дисциплин Уральского юридического института МВД России, кандидат психологических наук, доцент (г. Екатеринбург, Россия)

Рапинова Наталья Александровна, ведущий научный сотрудник отдела психологического обеспечения прокурорской деятельности ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Романова Наталья Михайловна, доцент кафедры социальной психологии, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», кандидат социологических наук, доцент (г. Саратов, Россия)

Русецкая Дарья Вячеславовна, научный сотрудник учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Ручкина Юлия Ильинична, студентка Университета МВД России имени В. Я. Кикотя (г. Москва, Россия)

Рябков Александр Михайлович, старший психолог Межрегионального отдела психологической работы ГУФСИН России по Свердловской области (г. Екатеринбург, Россия)

Рядинская Евгения Николаевна, заведующая кафедрой психологии ГБОУ ВО "Донбасская аграрная академия", доктор психологических наук (г. Макеевка, Донецкая народная республика)

Телешева Клавдия Юрьевна, научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Савина Ольга Феликсовна, ведущий научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Сагалакова Ольга Анатольевна, научный сотрудник Лаборатории экспериментальной патопсихологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Сазонова Анна Сергеевна, психолог ФКУ УИИ УФСИН России по г. Москве (г. Москва, Россия)

Свинарина Екатерина Сергеевна, ФКОУ ВО Академия ФСИН России, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров (г. Рязань, Россия)

Сафуанов Фарит Суфиянович, заведующий лабораторией психологии ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, заведующий кафедрой клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», доктор психологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Свободный Борис Феликсович, магистрант факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Свободный Феликс Константинович, доцент кафедры управления следственными органами ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации» (г. Москва, Россия)

Семенов Владимир Николаевич, начальник управления судебно-психологических экспертиз главного управления судебно-психиатрических экспертиз центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз, кандидат психологических наук (г. Минск, Республика Беларусь)

Семенова Ксения Григорьевна, педагог - психолог отдела мониторинга и координации деятельности психологической службы в системе образования Федерального координационного центра по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации ФГБОУ ВО МГППУ(г. Москва, Россия)

Сиворонова Мария Сергеевна, адъюнкт Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия)

Соколова Екатерина Романовна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Солдатова Ксения Михайловна, младший научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России, (г. Москва, Россия)

Сургутский Евгений Денисович, студент факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия)

Сучкова Елизавета Львовна, профессор кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ФКОУ ВО «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний», кандидат психологических наук, доцент (г. Вологда, Россия)

Тарасова Виктория Алексеевна, студентка факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Терехина Светлана Алексеевна, старший научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Токарева Галина Михайловна, Центральная клиническая психиатрическая больница им. Ф.А. Усольцева, медицинский психолог, кандидат психологических наук, (г. Москва, Россия)

Труевцев Дмитрий Владимирович, научный сотрудник Лаборатории экспериментальной патопсихологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Туманова Екатерина Павловна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Тухтаева Дана Ахмадовна, магистрантка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Туйчиева Мадина Дилшодовна, студентка факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Ульянина Ольга Александровна, руководитель Федерального ресурсного центра психологической службы в системе образования Российской академии образования, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Ушков Федор Игоревич, старший преподаватель кафедры экстремальной психологии факультета психологии МГУ, (г. Москва, Россия)

Федонкина Анастасия Александровна, научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Федорова Екатерина Михайловна, старший преподаватель ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» наук (г. Москва, Россия)

Федотов Никита Сергеевич, магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Филимонова Анастасия Александровна, студентка МГУ им. М.В.Ломоносова
(г. Москва, Россия)

Франтова Джессика Константиновна, психолог БФ "Измени одну жизнь", магистр
психологии (г.Москва, Россия)

Фролова Светлана Валериевна, доцент Московского университета им. С.Ю. Витте,
кандидат психологических наук (г.Москва, Россия)

Хайрова Зульфия Рафиковна, старший преподаватель ФГАОУ ВО "Российский
университет дружбы народов", кандидат психологических наук (г.Москва, Россия)

Хачатурян Каринэ Сергеевна, студентка факультета юридической психологии
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Хованская Татьяна Валерьевна, заведующая отделением медиации
Государственного бюджетного учреждения Архангельской области для детей,
нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи «Центр
психолого-медико-социального сопровождения «Надежда» (г. Архангельск, Россия)

Хомяков Артем Евгеньевич, научный сотрудник отдела иммунобиохимии
патогенных микроорганизмов ФБУН Государственного научного центра прикладной
микробиологии и биотехнологии (г. Москва, Россия)

Чеботарёв Иван Васильевич, аспирант кафедры социальной психологии ГБОУ ВО
Московской области "Московский государственный областной университет"
(г. Москва, Россия)

Черкащенко Кирилл Александрович, ОУП ВО «Академия труда и социальных
отношений», аспирант (г. Москва, Россия)

Чернушевич Владимир Анатольевич, заведующий учебно-производственной
лабораторией факультета юридической психологии, доцент кафедры юридической
психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-
педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Чиждова Диана Сергеевна, старший инспектор технико-криминалистического
управления Главного управления криминалистики (Криминалистического центра)
Следственного комитета Российской Федерации, кандидат психологических наук
(г. Москва, Россия)

Чиркина Римма Вячеславовна, заведующая кафедрой юридической психологии и права факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Шарафутдинова Наталья Владимировна, доцент ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Шаронина Варвара Владимировна, магистрантка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», (г. Москва, Россия)

Шпицын Дмитрий Юрьевич, медицинский психолог отделения медицинской реабилитации при наркологическом диспансере №8 ДЗМ Москвы (г. Москва, Россия)

Шипшин Сергей Сергеевич, заведующий отделом судебных психологических экспертиз ФБУ Южный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации, кандидат психологических наук, доцент (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Шиянкова Елена Геннадьевна, Ассоциация профессиональных медиаторов Алтайского Края (г. Барнаул, Россия)

Шпагина Елена Михайловна, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Штефан Евгений Фаддеевич, старший преподаватель кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ФКОУ ВО «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний», кандидат психологических наук (г. Вологда, Россия)

Щеглова Александра Алексеевна, магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Эшманова Эдгара Фархадовна, магистрант ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Коченовские чтения «Психология и право в современной России»

Сборник тезисов участников Всероссийской конференции
по юридической психологии с международным участием.

Редакторы: *А.А. Марголис, Н.В. Дворянчиков, Н.В.Богданович, В.В.Делибалт,
М.Г. Дебольский, Е.Г. Дозорцева, Л.М.Карнозова, И.Н. Коноплева,
И.Б.Путалова, Ф.С. Сафуанов, Р.В. Чиркина*

Составитель: О.Р.Бусарова

Корректоры: О.Р.Бусарова, Е.С.Пономарева

Художественная верстка: В.В. Делибалт

Компьютерная верстка: О.Р.Бусарова

Подписано в печать: 07.11.2022.

Формат 60*88/16. Гарнитура Times.

Уч.-изд. л. 15,9.

САЙТ КОНФЕРЕНЦИИ:
conf.childpsy.ru/the_kochenov_conference

ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛ КОНФЕРЕНЦИИ:
<https://t.me/thekochenovconf>

ГРУППА КОНФЕРЕНЦИИ ВКОНТАКТЕ:
https://vk.com/the_kochenov_conference

E-MAIL ОРГКОМИТЕТА КОНФЕРЕНЦИИ:
confjp@yandex.ru

САЙТ МГППУ:
mgppu.ru

САЙТ ФАКУЛЬТЕТА
«ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ» МГППУ:
jp.mgppu.ru

ГРУППА ВКОНТАКТЕ
«ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ. МГППУ»:
vk.com/up_mgppu

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОНЛАЙН-КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
«КОЧЕНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ—2022. ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»
ФГБОУ ВО МГППУ, МОСКВА, 2022, НОЯБРЬ 09-11